

ISSN 2587-7844

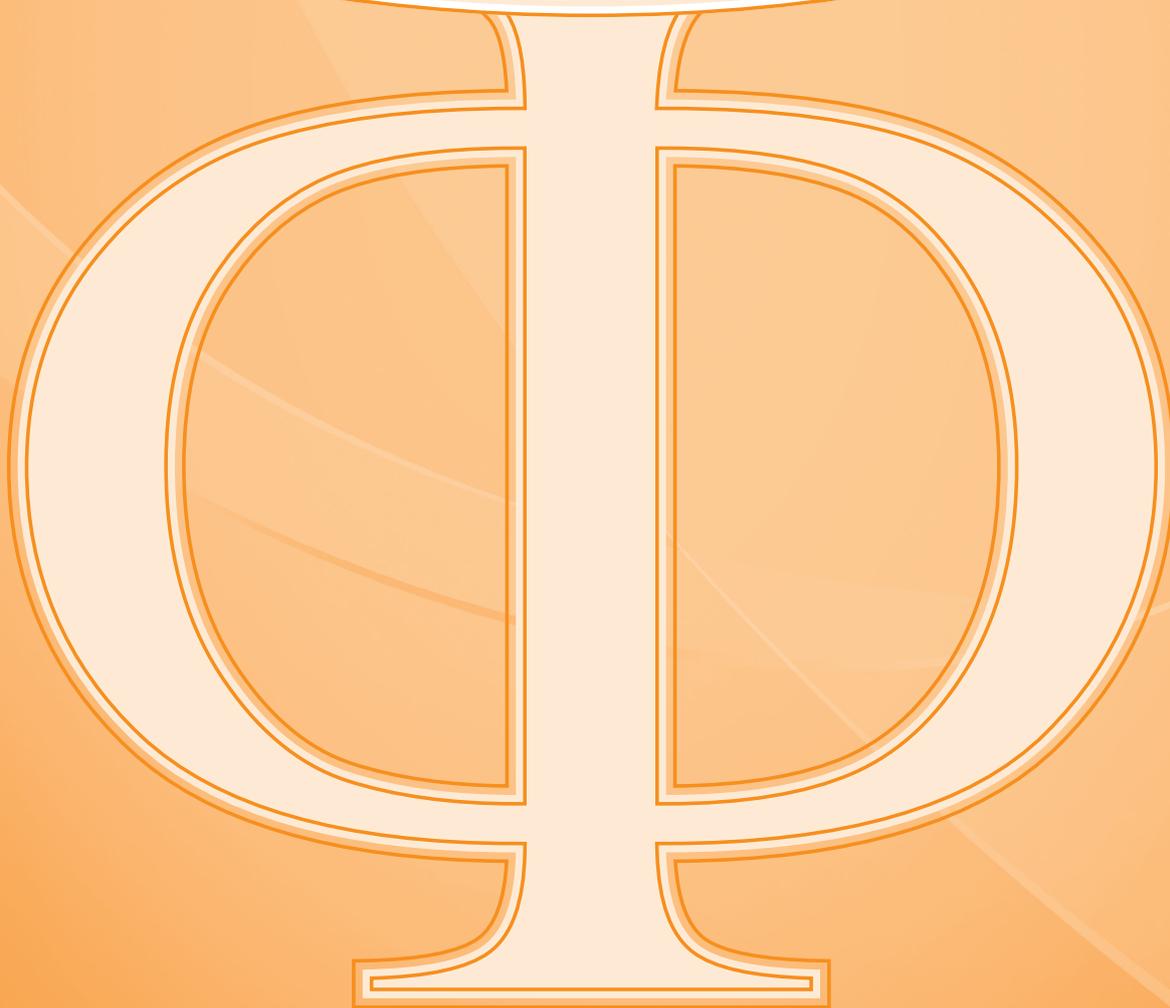
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2025. № 2 (31)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одномоментно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикаций SciUp

Редакционная коллегия (editorial board)

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Войводиц Ясмина, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynodich Y., DSc (Philology), Professor, University of Zagreb (Croatia)

Гиздатов Газинур Габдуллавич, доктор филологических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Алматы)
Gizdatov G.G., DSc (Philology), Professor, Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages (Almaty, Kazakhstan)

Демидов Д.Г., доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Demidov D.G., DSc (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Доценко Е.Г., доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)
Dotsenko E.G., DSc (Philology), Professor, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет (Красноярск)
Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Козлов А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет; научный сотрудник СО РАН (Новосибирск)
Kozlov A.E., PhD (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); Researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia)

Ларина М.В., кандидат филологических наук, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)
Larina M.V., PhD (Philology), Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russia)

Нурғали Кадіша Рустембекқызы, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali K.R., DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Пикколо Лаура, профессор, Университет Рома Тре (Италия)
Piccolo L., Professor, Roma Tre University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Сейбель Н.Э., доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск)
Seibel N.E., DSc (Philology), Professor, South Ural State University of Humanities and Education (Chelyabinsk, Russia)

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD (Philology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., DSc (Philology), Professor, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Черняк М.А., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Chernyak M.A., DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Чугункова А.Н., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
Chugunekova A.N., DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Sayano-Altai Turkology, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia).

Шалимова Н.С., доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
Shalimova N.S., DSc (Philology), Associate Professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., DSc (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы изучения русского языка

А.Д. Васильев

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ
РЕЦЕПЦИЙ ОФИЦИОЗНОГО ТЕКСТА

A.D. Vasiliev

FICTIONAL ILLUSTRATIONS
OF OFFICIAL TEXT RECEPTIONS

[4]

К.А. Дроздова, Т.В. Михайлова

ЖИТЕЛИ КРАСНОЯРСКА О ГОРОДЕ:
АССОЦИАЦИИ КАК ЗЕРКАЛО МЕГАПОЛИСА

K.A. Drozdova, T.V. Mikhaylova

KRASNOYARSK RESIDENTS ABOUT THE CITY:
ASSOCIATIONS AS A MIRROR OF A MEGALOPOLIS

[16]

Ю.В. Шароглазова

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ЕДИНИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА

Yu.V. Sharoglazova

TRANSFORMED PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE WORKS OF V.P. ASTAFYEV

[30]

Языкознание: новая реальность

Е.В. Осетрова, А.В. Седова

ХАРАКТЕРИСТИКИ СГЕНЕРИРОВАННОГО ТЕКСТА:
ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ
АНАЛИЗ

E.V. Osetrova, A.V. Sedova

CHARACTERISTICS OF THE GENERATED TEXT:
LINGUISTIC AND SOCIAL-COMMUNICATIVE ANALYSIS

[45]

С.В. Ускова, Д.А. Казаков

ПОДКАСТ КАК НОВЫЙ ФЕНОМЕН
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ОБЩИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ СОДЕРЖАНИЯ,
ФОРМЫ И АДРЕСАТА

S.V. Uskova, D.A. Kazakov

PODCAST AS A NEW PHENOMENON
OF EDUCATIONAL COMMUNICATION:
GENERAL ANALYSIS OF CONTENT,
FORM AND ADDRESSEE FACTORS

[56]

В.В. Ингул

ИНТЕГРАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ
В ЛЕКСИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ТЕНДЕНЦИИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

V.V. Ingul

INTEGRATION OF ANGLICISMS
INTO THE LEXICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE:
TRENDS AND POTENTIAL EFFECTS

[71]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Актуальные проблемы литературоведения

Я.О. Шебельбайн, Н.Э. Сейбель

ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ФРАГМЕНТА К КОЛЛАЖУ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПЬЕСАХ
О СТАНОВЛЕНИИ ГЕРОЯ XIX–XXI вв.

Ya.O. Shebelbayn, N.E. Seibel

EVOLUTION FROM FRAGMENT TO COLLAGE
IN GERMAN-LANGUAGE PLAYS ABOUT THE FORMATION
OF A HERO OF THE 19th –21st CENTURIES

[82]

К.А. Суровцева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ А.Т. ТВАРДОВСКОГО
КАК КОМПЛЕКС СЕМЕЙНО-РОДОВЫХ МОТИВОВ

K.A. Surovtseva

HISTORICAL MEMORY IN A.T. TVARDOVSKY'S POEMS
AS A COMPLEX OF FAMILY AND ANCESTRAL MOTIFS

[94]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[114]

УДК 81-114.4

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ РЕЦЕПЦИЙ ОФИЦИОЗНОГО ТЕКСТА

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Среди естественного многообразия существующих текстов закономерно выделяются документы, исходящие от верховной власти и ее местных представителей. Такие тексты, как правило, призваны разумно регулировать настроения и стимулировать деятельность населения для достижения неких целей, правильных с точки зрения официального руководства. Однако восприятие интенций адресантов не всегда оказывается близким к желаемому. Подобные ситуации неоднократно представлялись в отечественной художественной литературе.

Цель исследования – выявить общие тенденции в беллетристических оценках психосоциальной эффективности текстов официозных документов и их имитаций.

Методология исследования. Для реализации цели в работе использованы методы: описательный, семантический, компонентного анализа, контекстуального анализа.

Результаты исследования. В статье приводится ряд беллетристических примеров рецепции официозных текстов их адресатами, содержащихся в произведениях авторов разных исторических периодов. Выявляется некоторая однотипность реакции аудитории, и предлагаются возможные объяснения низкой эффективности попыток публичной коммуникации; власть преуспевает в самодискредитации.

Выводы. Таким образом, малоуспешные в целом речевые акты власти венчаются результатом, зачастую противоположным интенциям адресанта, и выступают в функции декоративных имитаций реально эффективных действий.

Ключевые слова: *официозный текст, интенция текста, рецепция текста, соотношение контента и его словесного оформления, манипуляции общественным сознанием, вербальные декорации реальных актов.*

Постановка проблемы. Обеспечение речекоммуникативного успеха рассматривается специалистами в разных аспектах. Нередко в центре внимания оказывается фактор взаимопонимания коммуникантов, в том числе и при использовании ими одного и того же национального языка. Ряд авторов приходят к одинаково малоутешительным выводам (см. [Потебня, 1976, с. 139–140; Лотман, 1996, с. 13; Васильев, 2020, 2, с. 106–110; и др.]).

Обзор литературы. При этом учитывается и специфика диалогического общения, ср.: [Бенвенист, 1973, с. 316; Бахтин, 1986, с. 260–264; Комлев, 2003, с. 176; Кощей, Чувакин, 2006, с. 137].

Если ущерб от взаимного непонимания на бытовом уровне может стать довольно серьезным, но не катастрофичным [Васильев, 2024, с. 14–15], то его последствия при попытках общения между властью и ее подданными способны

оказаться гораздо более значительными для государства и его населения. В этом случае результаты обретают статус непоправимо губительных.

Одна из функций власти остается неизменно константной. Это вроде бы доброжелательные попытки довести до сведения широких масс как ближайшие ее намерения, так и отдаленные перспективы бытия. Ведь «Слово государево и есть его подлинное Дело» [Лисицына, 2002, с. 24]. Однако в России (иностранные феномены здесь не рассматриваются) по-своему традиционны и распространены случаи непонимания интенций правителей даже вполне благонамеренными гражданами (см., например: [Арапова, 2007, с. 9; Суспицына, 2007, с. 73; Васильев, 2024, с. 22; и др.]). Возможно, поэтому столь популярен официальный рефрен «прошу отнестись с пониманием».

С другой стороны, обоснованно полагают, что «любой речевой акт суггестивен» [Голев, 2007, с. 11; Осипов, 2007, с. 217]. А немедленное отсутствие как-либо выраженной реакции на него [Бахтин, 1986, с. 260] вовсе не означает всенародного молчаливого согласия (ср.: «народ безмолвствует» (А.С. Пушкин)).

Возможны и ситуации, когда власть плохо представляет себе подлинные доминирующие умонастроения масс, абсолютизируя собственные как единственно правильные, либо принципиально отвергает учет мнений подданных, считая его нецелесообразным и ничтожно значимым. Результаты реализации такой модели поведения могут стать деструктивными и в психосоциальном отношении, и для будущего самого государства.

Цель исследования – выявить общие тенденции в беллетристических оценках психосоциальной эффективности текстов официальных документов и их имитаций.

Методология исследования. Для реализации цели в работе использованы методы: описательный, семантический, компонентного анализа, контекстуального анализа.

Роль Слова в общественной жизни чрезвычайно велика. Лексико-семантические единицы в своей совокупности охватывают всю многообразную человеческую деятельность, запечатлевая и стимулируя ее.

Слова складываются в тексты, сумма которых образует культуру. Текст, даже не имеющий номинального автора, выражает некую интенцию своего создателя (суждение, точку зрения, оценку, позицию, волеизъявление и т.д.). При этом понимание адресатом и замысла, и смысла текста далеко не всегда оказывается единственно возможным и совершенно совпадающим с установкой адресанта. Конечно, это относится прежде всего к литературно-художественным произведениям. Активная же роль адресата любого высказывания (текста) зачастую учитывается адресантом. Ср.: «Высказывание <...> строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается» [Бахтин, 1986, с. 290]. Это можно наблюдать и на широко известных примерах в ситуациях военно-политических конфликтов, когда направленная на «своих» пропаганда должна производить мобилизующее действие, а нацеленная на «чужих» – соответственно, деморализовать их до полной неспособности к сопротивлению.

Справедливо, что «слова языка ничьи», но «всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи “властителей дум” данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п.» [Бахтин, 1986, с. 282, 283]. Бесспорно также, что «теория становится материальной силой, когда она овладевает массами» (К. Маркс), то есть максимально широкое распространение идей, заключенных в «лозунгах» (текстах), меняет общественное сознание. И тогда «Слово – полководец человечьей силы» (В. Маяковский). Примеры психосоциального воздействия таких текстов чрезвычайно многочисленны и разнообразны по форме, хотя бы: царские указы – и «прелестные письма» разбойничьих главарей; большевистские декреты о мире и о земле – и призывы ЦК КПСС по поводу советских праздников и т.д. Причем в подобных случаях довольно прозрачно стремление адресантов к единообразному пониманию и восприятию их произведений аудиторией, к которой они обращены.

Известны многие примеры того, как диктуемые высшей государственной властью модели желательного для нее поведения подданных реализуются с помощью активного употребления определенного набора лексических единиц, прежде всего в текстах официальных документов. Так, в царствование Екатерины II «пошли в ход слова “*добронравие*”, или “*благонравие*”, “*человечество*”, “*человеколюбие*” и т.п. Таким языком блеснит и <...> *Устав благочиния*, или *Полицейский*, где <...> в числе требуемых от определенного к благочинию начальства поставлены “*здравый рассудок, человеколюбие и усердие к общему труду*”» [Ключевский, 1989, с. 327] (о сегодняшних процессах в этой сфере коммуникации см. [Васильев, 2024]).

Отечественные писатели неоднократно обращались к описаниям феноменов реакции массового адресата на текстуальные экспликации интенций властей предрержащих. Здесь приводятся лишь единичные, но при этом вполне информативные примеры.

Результаты исследования. Следует заметить, что, по всей вероятности, проницательная, как ей и положено по статусу, власть далеко не всегда может быть уверена в абсолютном понимании ее обращений к населению и даже в какой-то мере прогнозирует такую возможность. Однако при этом аудитория все же извлекает из адресованных ей текстов некие импульсы, несомненно полезные в глазах правителей. Вот, например, колхозники обсуждают статью И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» – причем еще даже и не читанную ими: «–...Говорят, у нас опять вредители завелись? – Какие вредители? – Академики какие-то. Русский язык, говорят, вроде хотели уничтожить... <...> – Я тоже слышал. Сам Иосиф Виссарионович, говорят, им мозги вправлял. В газете “Правда” ... <...> – В прошлом году какие-то космолиты заграничным капиталистам продали, в этом году – академики...»¹. Блиц-срез общественного мнения (на уровне контингента собравшихся) обнаруживает, что массы, ориентируясь на чьи-то мнения об этой статье, совершенно не вникая в лингвистические

¹ Абрамов Ф.А. Братья и сестры. М., 1987. Кн. 3. С. 14.

проблемы и дискуссии, выхватывают из чужих пересудов лишь хорошо знакомое слово *вредители*. Но далее, как и диктуется тогдашними политпросветительскими установками, начинается всеобщее изучение публикации вождя – в поисках ее глубокого смысла и (наверняка) руководства к дальнейшему действию. «Все теперь были заняты изучением этих трудов. Они появились в “Правде” в самый сенокос <...>. На его [председателя колхоза] вопрос, какие же выводы из трудов товарища Сталина по языку нужно сделать практикам <...>, [первый секретарь райкома] ответил прямо: “Вкалывать <...>. Ну, а на счет этих премудростей с языком я и сам не очень разбираюсь”»².

Такие (зачастую безуспешные) поиски импликаций, с одной стороны, поощряются и активизируются властью, с другой – могут оказаться бесперспективными. Подобные документы предполагают, не в последнюю очередь, внушение подданным душевного равновесия и спокойствия, комфортных для правителей. Это словесно выраженные сигналы, призванные регулировать настроения масс по известному образцу: «“Нам терпеть можно! потому мы знаем, что у нас есть начальники!” – “...Ты думаешь, начальство-то спит? Нет, брат, оно одним глазом дремлет, а другим поди уж где видит!”»³.

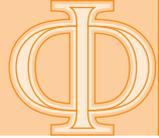
Гипнотическое воздействие речевых потоков, замещающих реальные действия во имя улучшения народного бытия, конечно, присуще инструментарию любой власти. Поэтому, вероятно, с ее точки зрения весьма полезным для эффективного управления подданными было бы наличие некоего общестандартного нормативного документа.

Один из известных примеров такого текста содержится в сатирическом произведении К. Пруткова «Проект⁴: о введении единомыслия в России» (1863). Здесь для достижения высокой цели – «установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства» (с. 139) – предлагается учредить «официальное издание, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет» (Там же). Теоретической базой для такого предложения служат рассуждения об «очевидном вреде различий во взглядах и убеждениях» (с. 138): «Да разве может быть *собственное* мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? <...>. Надо иметь материал для мнения <...>. Единственным материалом может быть только мнение начальства <...>. Но как узнать мнение начальства? <...> Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства» (с. 138). Поэтому подданные смогут «уразуметь все эти причины, поводы, соображения» из «благодетельных указаний правительства», своевременно публикуемых. Это должно препятствовать губительному «вреде несогласия во мнениях» (с. 138).

² Абрамов Ф.А. Братья и сестры. М., 1987. Кн. 3. С. 54.

³ Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М., 1953. С. 55.

⁴ Чрезвычайно частотная сегодня лексема, призванная вербально-магически замещать реальные свершения.

Один из глуповских градоначальников, Бородавкин, вел со своими подданными войны «за просвещение» (вроде устройства каменных фундаментов и разведения персидской ромашки). Хотя «глуповцы всегда узнавали о предмете похода лишь по окончании его» (с. 100), правитель все же проводил своеобразную пропагандистскую подготовку общественного мнения. Он делал это «посредством прокламаций, которые секретно, по ночам, наклеивались на угловых домах всех улиц» (с. 99). Однако «прокламации писались в духе нынешних объявлений <...>, причем крупными буквами печатались слова совершенно несущественные, а все существенное изображалось самым мелким шрифтом. Сверх того допускалось употребление латинских названий» (с. 99)⁵. Закономерно, что «грамотеи, которым обыкновенно поручалось чтение прокламаций, выкрикивали только те слова, которые были напечатаны прописными буквами, а прочие скрадывали. Как, например <...>:

ИЗВЕСТНО,

какое опустошение производят клопы, блохи и т.д.

НАКОНЕЦ НАШЛИ!!!

Предприимчивые люди вывезли с Дальнего Востока и т.д.

Из всех этих слов народ понимал только: “известно” и “наконец нашли”. И когда грамотеи выкрикивали эти слова, то народ снимал шапки, вздыхал и крестился <...>. Народ, доведенный до вздыхания, – какого еще идеала можно требовать!» (с. 99–100). Наученные горьким опытом глуповцы воспринимают «прокламации» как некую привычную уголовную хронику.

Можно заметить, что эффект такой пропаганды был заведомо минимален. Безграмотные в большинстве своем глуповцы получали информацию не прямо, а опосредованно (как зачастую сегодня – в трансляции и интерпретации экспертов, аналитиков и проч. толкователей); графическое оформление «прокламаций» провоцировало неверное восприятие их содержания – в общем, «все дело заключалось в недоразумении» (с. 100). Но и «утопист» Бородавкин вряд ли был заинтересован в абсолютно доступных разъяснениях своих административных замыслов: «...Какой наилучший способ выразить <...> доверие [к администратору], как не беспрекословное исполнение того, что не понимаешь?» (с. 100). Таким образом, формально оповещая глуповцев о своих намерениях, градоначальник лишь «опутывал их чрезвычайно ловко», провоцируя на «бунт», на который неукоснительно реагировал массовыми репрессиями («ни один глуповец не мог указать на теле своем места, которое не было бы высечено» (с. 99).

Рассказы о «растопчинских афишках» (т.е. агитационно-пропагандистских листовках московского генерал-губернатора Растопчина) у Л.Н. Толстого предваряются едким описанием доминирующих настроений их потенциальной

⁵ Ср. приемы текстового оформления договоров с финансовыми организациями и обилие англицизмов в официальном обороте.

широкой аудитории. «После отъезда государя из Москвы московская жизнь потекла обычным порядком <...>, трудно было верить, что действительно Россия в опасности <...>»⁶. Более того: «...Взгляд москвичей на свое положение не только не делался серьезнее, но, напротив, еще легкомысленнее <...>. Давно так не веселились в Москве, как этот год»⁷. По-видимому, общий ернический тон «афишек» вполне гармонировал с массовой малорациональной эйфорией. «Растопчинские афишки с изображением вверху питейного дома [!], целовальника и московского мещанина Карпушки Чигирина, *который, быв в ратниках и выпив лишний крючок на тычке, услышал, будто Бонапарт хочет идти на Москву, рассердился, разругал скверными словами всех французов, вышел из питейного дома и заговорил под орлом собравшемуся народу, читались и обсуживались наравне с последним буриме Василия Львовича Пушкина*»⁸. То есть официально-пропагандистские произведения равноценны по своей эстетической и социальной эффективности довольно заурядным стихотворным юмористическим текстам. Представители высшей общественной страты не вполне единодушны в отношении к агиткам официальной власти: «...Некоторым нравилось, как Карпушка подтрунивал над французами, говоря, что они *от капусты раздуты, от каши перелопоятся, от щей задохнутся, что они все карлики и что их троих одна баба вилами закинет*. Некоторые не одобряли этого тона и говорили, что это пошло и глупо»⁹.

Тем временем на фоне преобладающего ура-патриотизма и безудержного «веселья» военная ситуация складывается явно не в пользу русских. Заметно меняется и камертон официозной пропаганды. Теперь уже в одной из афиш объявляется, что «граф Растопчин рад, что из Москвы уезжают барыни и купеческие жены. “Меньше страху, меньше новостей <...>, но я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет”»¹⁰. Парадоксально, но, вероятно, лишь для очень немногих эффект восприятия таких многообещающих заявлений оказался обратным их интенции: «Эти слова в первый раз ясно показали Пьеру, что французы будут в Москве»¹¹. Иными словами, самостоятельно мыслящий адресат воспринимает содержание агитки в совершенной противоположности их словесному наполнению. Пьер, тонко чувствующий фальшь, как бы читает между строк. Его прочтение «афиши» становится единственно возможным вследствие рациональной оценки хода событий и их наиболее вероятной перспективы. Тем более что в следующей афише предлагалась информация, явно противоречивая: «...Говорилось, что главная квартира наша в Вязьме (сегодня – 212 км от Москвы. – А.В.), что граф Витгенштейн победил французов, но [!] что так как многие жители желают

⁶ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 6. С. 182.

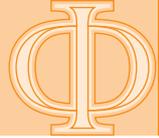
⁷ Там же. С. 182–183.

⁸ Там же. С. 183.

⁹ Там же. С. 183.

¹⁰ Там же. С. 187.

¹¹ Там же. С. 187.

вооружиться, то для них есть приготовленное в арсенале оружие: сабли, пистолеты, ружья, которые жители могут получить по дешевой цене»¹². Если победа над противником уже официально достигнута, то непонятна причина вооружения гражданского населения, что, конечно же, никак не способствует всеобщему укреплению духа. Правда, «тон афиш был уже не такой шуточный, как в прежних чигиринских разговорах»¹³.

О том, насколько эффективны были агитационные усилия московского градоначальника и необходимы ли они были вообще в сложившейся ситуации, Л.Н. Толстой рассказывает далее: «...Во всех городах и деревнях русской земли, без участия графа Растопчина и его афиш, происходило то же самое, что произошло в Москве <...>» – «вследствие <...> патриотизма, который выражается не фразами <...>, а <...> незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты»¹⁴.

Подытоживая описание противоречиво-сумбурных (попросту – бестолковых) действий генерал-губернатора, в том числе малоуспешных попыток формировать общественное мнение в подвластной ему Москве, писатель заключает: «этот человек не понимал значения совершающегося события, а хотел только сделать что-то сам, удивить кого-то, что-то совершить патриотически-геройское»¹⁵. Иначе говоря, градоначальник был совершенно самоизолирован от подлинных настроений горожан, стремился к реализации собственных амбиций, но не подлинно массовой мобилизации москвичей, желая лишь «оставить свой след в истории». Его «административный восторг» (Ф.М. Достоевский) – явное олицетворение полной беспомощности власти перед неотвратимой опасностью «страшной грозовой тучи»¹⁶, нависшей над русской государственностью.

Для характеристики восприятия текста известнейшего манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. В.П. Катаев использует прежде всего прием т.н. остран(н)ения. Адресатом выступает одесский мальчик, гимназист приготовительного класса («мартыхан», на гимназическом языке¹⁷). Петя Бачей уже усвоил «понятия, до такой степени общеизвестные и непреложные, что о них никогда даже и не приходилось думать <...>. Россия – самая лучшая, самая сильная и самая красивая страна в мире <...>. Царь – это царь. Самый мудрый, самый могущественный, самый богатый»¹⁸. Но из случайно подслушанного разговора ближайших родственников (авторитетных альтернативных источников) он вдруг узнает иную точку зрения: «Россия – несчастная <...>, царь – дурак и пьяница, да еще и битый бамбуковой палкой по голове <...>. Министры – бездарные,

¹² Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 6. С. 187.

¹³ Там же. С. 187.

¹⁴ Там же. С. 288–289.

¹⁵ Там же. С. 290–291.

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Катаев В.П. Белеет парус одинокий. М., 1980. С. 165.

¹⁸ Там же. С. 174.

генералы – бездарные...»¹⁹. Попытка осмыслить содержание царского манифеста оказалась малоудачной. «Петя не без труда дочитал до этих пор [“к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты”], спотыкаясь на трудных и туманных словах: “преисполняют”, “ныне возникших”, “повелевают”, “скорейшему прекращению”, и на множестве больших букв, торчавших из строчек вопреки всяким правилам правописания в совершенно неожиданных местах...»²⁰. То есть волеизъявление монарха оформлено в соответствии со стандартами, обязательными для документов подобного рода, – естественно, в расчете на восприятие достаточно квалифицированной аудитории. А «мальчик ничего не понял, кроме того, что царю, наверное, приходится плохо и он просит по возможности ему помочь кто в чем может»²¹. Поэтому единственное впечатление, полученное Петей от попытки прочитать манифест, лишь эффект эмоциональный, близкий к сочувствию самодержцу: «...Мальчику в глубине души даже стало немножко жаль бедного царя, особенно когда Петя вспомнил, что царя стукнули по голове бамбуковой палкой»²². С другой стороны, взрослая часть аудитории незамедлительно ищет и обнаруживает ключевой для нее фрагмент манифеста: «даровать неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов», – вызывающий всеобщий восторг. И у Пети тоже возникло ощущение праздника, впрочем, весьма ему малопонятного – правда, довольно скоро некая половинчатость «дарованных свобод» и откровенная слабость самодержавия привели к революционным волнениям. Происходит массовый эффект обманутого ожидания.

Выводы. Представленные в статье беллетристические иллюстрации рецепции официозных текстов разноплановы. М.Е. Салтыков-Щедрин рассказывает о прокламациях начальника-«утописта», который стремился якобы к великим благотворным свершениям, но в действительности лишь выявлял таким образом глуповцев, предположительно недовольных градоначальником. Горожане совершенно не понимают смысла обращений правителя к ним.

Л.Н. Толстой обличает априорную фальшь официозной позиции в оценке событий. Очевидная для немногих аберрация восприятия действительности московским генерал-губернатором замешена на его личных амбициях и исключает попытки сколько-нибудь рациональной организации действий подвластного населения. В свою очередь, настроенные чрезвычайно легкомысленно москвичи действительно нуждаются в адекватной мобилизации к спасительному действию, но не получают от градоправителя соответствующего сигнала.

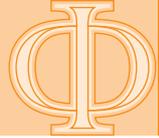
В.П. Катаев, предлагая оценить коммуникативный эффект высочайшего манифеста сквозь призму восприятия его детским сознанием, квалифицирует

¹⁹ Катаев В.П. Белеет парус одинокий. М., 1980. С. 174.

²⁰ Там же. С. 183.

²¹ Там же.

²² Там же.

тракуемый документ как малоэффективный для подлинной стабилизации внутривластной ситуации, несмотря на массовую восторженность по поводу документа. В конечном счете он оказывается фактором, провоцирующим активные антиправительственные выступления и их жестокое подавление. Это лишь усугубляет широкие революционные настроения.

При всей своей разноплановости и различной хронологической приуроченности приведенные примеры характеризуют как константу неумение/нежелание власти общаться с подданными во имя действительного улучшения их бытия. Правители, по существу, неспособны сообщить населению что-либо стимулирующее доверие к ним, поскольку считают его и так непоколебимым и стабильным. С другой стороны, население иногда, хотя бы в лице отдельных его представителей, оказывается чуждым единодушию и единомыслию, приятным и полезным для власти. Таким образом, малоуспешные в целом речевые акты власти венчаются результатом, зачастую противоположным интенциям адресанта, и выступают в функции декоративных имитаций реально эффективных действий.

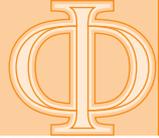
Библиографический список

1. Арапова М.А. Мигранты и идеологическое пространство российского общества // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. Екатеринбург, 2007. С. 8–9.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–296.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. 300 с.
5. Васильев А.Д. Манипуляции словами: управление сознанием. Красноярск, 2024. 256 с.
6. Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. Кемерово; Барнаул, 2007.
7. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5.
8. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 216 с.
9. Кощей Л.А., Чувакин А.А. Ното Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2006. С. 136–153.
10. Лисицына Т.А. Язык реформы и реформа языка: приоритеты интеллектуального развития // Язык образования и образование языка. В. Новгород, 2002. С. 21–27.

11. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
12. Осипов Б.И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. Кемерово; Барнаул, 2007. С. 216–221.
13. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
14. Суспицына И.Н. Толерантность «в верхах» и «в низах» // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. Екатеринбург, 2007. С. 71–73.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

FICTIONAL ILLUSTRATIONS OF OFFICIAL TEXT RECEPTIONS

A.D. Vasiliev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Among the natural diversity of existing texts, documents emanating from the supreme government and its local representatives naturally stand out. Such texts, as a rule, are designed to intelligently regulate the mood and stimulate the activities of the population in order to achieve certain goals that are correct, from the point of view of the official leadership. However, the perception of the addressees' intentions does not always turn out to be close to what is desired. Similar situations have been repeatedly presented in Russian fiction.

The purpose of the article is to identify general trends in fictional assessments of the psychosocial effectiveness of texts of official documents and their imitations.

Methodology. To achieve this goal, the methods of descriptive, semantic, component analysis, and contextual text analysis are applied.

Research results. The article provides a number of fictional examples of the reception of official texts by their addressees. These examples are contained in the works of authors from different historical periods. Some uniformity of the audience's reaction is revealed and possible explanations are offered for the low effectiveness of public communication attempts; the government succeeds in self-discrediting.

Conclusions. Thus, generally unsuccessful verbal acts of power are crowned with the result, often opposite to the intentions of the addressee and act as decorative imitations of really effective actions.

Keywords: *official text, text intention, text reception, correlation of content and its verbal design, manipulation of public consciousness, verbal decorations of real acts.*

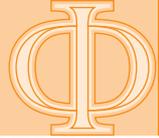
References

1. Arapova M.A. Migranty i ideologicheskoe prostranstvo rossiïskogo obshchestva [Migrants and the ideological space of Russian society] In: *Izuchenie russkogo iazyka i priobshchenie k russkoï kul'ture kak put' adaptatsii migrantov k prozhivaniiu v Rossii [Russian Russian language learning and exposure to Russian culture as a way for migrants to adapt to living in Russia]*. Yekaterinburg, 2007, 8–9.
2. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres] In: *Ėstetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow, 1986, 250–296.
3. Benvenist E. *Obshchaia lingvistika [General linguistics]*, Moscow, 1974. 448 p.
4. Vasiliev A.D. *Variativnye vyrazheniia universal'nykh oppozitsii [Variable expressions of universal oppositions]*, Krasnoyarsk, 2020, 300 p.
5. Vasiliev A.D. *Manipuliatsii slovami: upravlenie soznaniem [Word manipulation: mind control]*. Krasnoyarsk, 2024, 256 p.

6. Golev N.D. Samoopredelenie iuridicheskoi lingvistiki v Rossii [Self-determination of legal linguistics in Russia]. In: *Urislingvistika-8: russkii iazyk i sovremennoe rossiiskoe pravo* [Legal Linguistics-8: Russian language and modern Russian law]. Kemerovo, Barnaul, 2007, 7–13.
7. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoi istorii* [Course of Russian history]. Moscow, Mysl, 1989, 5.
8. Komlev N.G. *Slovo v rechi. Denotativnye aspekty* [The word in speech. Denotative aspects]. Moscow, Editorial URSS, 2003, 216 p.
9. Koshchey L.A., Chuvakin A.A. Homo Loquens kak iskhodnaia real'nost' i ob'ekt filologii: k postanovke problemy [Homo Loquens as the initial reality and object of philology: towards a problem statement]. In: *Iazykovoie bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiĭ i kognitivnyiĭ aspekty* [Linguistic existence of man and ethnicity: psycholinguistic and cognitive aspects]. Barnaul, 2006, 136–153.
10. Lisitsyna T.A. Iazyk reformy i reforma iazyka: priorityy intellektual'nogo razvitiia [Language reforms and language reform: priorities of intellectual development]. In: *Iazyk obrazovaniia i obrazovanie iazyka* [The language of education and language education]. V. Novgorod, 2002, 21–27.
11. Lotman U.M. *Vnutri mysliazhchikh mirov* [Inside thinking worlds], Moscow, Iazyki russkoi kultury, 1996, 464 p.
12. Osipov B.I. Rechevaia manipuliatsiia i rechevoe moshennichestvo: skhodstvo i razlichie [Speech manipulation and speech fraud: similarities and differences]. In: *Jurislingvistika-8: russkii iazyk i sovremennoe rossiiskoe pravo* [Jurislinguistics-8: Russian language and modern Russian law]. Kemerovo, Barnaul, 2007, 216–221.
13. Potebnya A.A. Mysl i iazyk [Thought and language]. In: *Estetika i poetika* [Esthetics and poetics]. Moscow, 1976, 35–220.
14. Suspitsyna I.N. Tolerantnost "v verkhakh" i "v nizakh" [Tolerance "at the top" and "at the bottom"] In *Izuchenie russkogo iazyka i priobshchenie k russkoi kulture kak put' adaptatsii migrantov k prozhivaniiu v Rossii* [Learning the Russian language and familiarization with Russian culture as a way of adaptation of migrants to living in Russia]. Yekaterinburg, 2007, 71–73.

About the author

Vasiliev, Aleksandr D. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

УДК 801

ЖИТЕЛИ КРАСНОЯРСКА О ГОРОДЕ: АССОЦИАЦИИ КАК ЗЕРКАЛО МЕГАПОЛИСА

К.А. Дроздова (Красноярск, Россия)

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Город Красноярск, крупный центр Сибири, обладает уникальными природными и культурными особенностями, которые могут стать основой для создания привлекательного образа, послужить базой для туристических нарративов.

Цель статьи – изучение восприятия Красноярска его внутренней аудиторией и характеристика источников для формирования образа города в сознании внутренних сообществ.

Методология и методика. В ходе работы произведены опрос жителей и туристов, а также анализ медиаисточников для выявления ключевых ассоциаций к упоминаниям города.

Результаты исследования. В статье исследуется восприятие Красноярска представителями различных городских сообществ – от властных структур до независимых экспертов. Текст построен на анализе результатов опроса жителей Красноярска и текстов публикаций в социальных сетях о городе. Авторы анализируют противоречия между официальным позиционированием города и его восприятием людьми.

Выводы. На основе опросов и анализа публикаций обнаруживается, что образ Красноярска сложен контрастно. С одной стороны, привлекательные природные объекты, заманивающие места и ландшафты, динамичная современная инфраструктура. С другой – хроническая «антиэкологичность», транспортная проблемность.

Ключевые слова: образ города, Красноярск, ассоциативные связи, привлечение туристов, городские сообщества, медиаобраз.

Постановка проблемы. Красноярск, крупный центр Сибири, обладает уникальными природными и культурными особенностями, которые могут стать основой для создания привлекательного образа, послужить базой для туристических нарративов. В последние годы город становится объектом интереса российских и иностранных туристов. Тем не менее имидж города и его восприятие туристами остаются в значительной степени неисследованными и требуют тщательного анализа.

Цель статьи – изучение восприятия Красноярска его внутренней аудиторией и характеристика источников для формирования образа города в сознании внутренних сообществ. В последующем можно было бы продолжить исследование на материале восприятия территорий России и отдельно Красноярского края, города Красноярска иностранными гостями.

Методология и методика исследования. В ходе работы произведены опрос жителей и туристов, а также анализ медиаисточников для выявления ключевых

ассоциаций к упоминаниям города, восприятия Красноярска местными жителями, сравнение представлений о городе в материалах туроператоров, администрации города и блогеров.

В работе приведены результаты опроса, проводившегося онлайн, в отношении респондентов, не проживающих в Красноярске, и результаты опроса лиц, проживающих в городе, в сопоставлении с данными публикаций в социальных сетях. Отчасти эта методика получения ассоциаций перекликается с работами по ассоциациям, выполненными в Красноярске в связи с образами учителя, с представлениями о ценностях жителей Енисейской Сибири [Васильева, 2017; 2020; Тимченко, Бурмакина, 2022; Михайлов, 2010]. Один из авторов участвовал в проведении исследования в 2020–2021 гг., материалы которого частично опубликованы [Материалы к словарю..., 2020].

Обзор литературы. Исследования в области имиджа территорий, в частности городов [Анхольт, 2007; Беляева, 2023; Логунцова, Зайцева, 2024], учитывают множественность истолкований и оценок одной и той же территории. В работах последнего десятилетия [Толочко, 2023; Вигель, 2024] особое внимание уделяется медийным механизмам конструирования городских образов, где цифровые платформы становятся ключевыми аренами смыслообразования.

Понятие образа города. Один из ведущих специалистов в области брендинга Саймон Анхольт дает определение образа города: «совокупность впечатлений, ассоциаций, эмоций и восприятий, которые возникают у различных групп людей при упоминании или восприятии того или иного города. Этот феномен <...> включает природные особенности и даже социальную атмосферу» [Анхольт, 2007].

Современные подходы рассматривают образ города как взаимодействие города и его жителей, их эмоции по отношению к принадлежности к городу и его аспектам.

Структура образа территории может быть представлена, как это полагают М.А. Беляева и Т.А. Ладыгина, в виде «радиальной» модели [Беляева, 2023].

«Сердцевина» образа территории – идея, опирающаяся на ценности и нормы, идея базируется на накопленном знании, транслирует это знание.

Процитированные авторы полагают, что рефлексия по поводу ценностей, осмысление идеи дает фундамент для создания образа территории в сознании общественности. Поддержание связи территории и ее жителей достижимо через вовлеченность, участие горожан в осмыслении прошлого, планировании будущего и оценке настоящего.

Для жителей образ территории формируется через опыт, повседневную жизнь. Туристы же оценивают визуальные образы, достопримечательности. Их эмоции от краткосрочного пребывания выражены на иных основаниях.

Анализ показывает, что наиболее позитивные образы городов в Сибири принадлежат Новосибирску и Иркутску. Эти образы все же не совершенны, чему причиной недовольство жителей качеством жизни.

Медиаобраз территории формируется через деятельность традиционных СМИ, обращающихся к экономическим и политическим аспектам, социальные сети же транслируют коллективные образы на базе личных впечатлений и опыта.

Результаты исследования. Проблема противоречивости образа Красноярска. Красноярский образ остается невнятным и эклектичным. Основная проблема кроется в противоречиях, разрывающих городскую идентичность, в ценностном конфликте: промышленная мощь, которая долгое время определяла развитие города, вступает в противоречие с экологическими и природными преимуществами. Это раздвоение проявляется и в атрибутах бренда – заповедник «Столбы» соседствует с индустриальными пейзажами, а тема «черного неба» подрывает романтизацию сибирской природы. В результате эмоциональная аура Красноярска остается размытой: он не воспринимается ни как суровый промышленный гигант, ни как привлекательный природный заповедник.

Для получения объективного представления о восприятии города проведено два разных опроса: для посетителей города, которые бывали в Красноярске немного или не были вовсе. Вопросы акцентировали внимание на знаниях о городе, ассоциациях и возможной туристической привлекательности. Другой опрос адресовался красноярцам, в нем ставились вопросы о достоинствах и недостатках города, любимых и нелюбимых местах.

До того как будут представлены ассоциации к стимулу Красноярск, интересно дать результаты исследования по Омску, проведенного в 2012 г.: большинство омичей воспринимают город как большой, многонаселенный – 20, и только 2 респондента оценили его как маленький. Отмечают омичи и развитость инфраструктуры, культуры, характеризуя Омск как культурный город, много развлекательных и образовательных мест – 4 человека, хотя 7 человек назвали Омск скучным. 19 человек охарактеризовали Омск как старый, старинный, древний, исторический, аутентичный, великий. Один респондент отметил, что Омск утратил свое былое величие [Горелова, Межевикин, 2016, с. 17].

Подобные исследования проводились, но в несколько других аспектах, ср. серию работ Института социологии РАН РФ (ныне – Федеральный исследовательский центр) [Григорьева, Кузнецов, Мукомель, 2009; Основы экономического поведения..., 2024, с. 239–240]. В частности, в последней работе указывается, что «модный дискурс», а именно дискурс об устойчивом развитии, может влиять на оценку качества жизни в городе в сравнении с сельскими поселениями, и это может быть использовано не только для построения оценочных суждений, но и для формирования жизненных стратегий переселения.

Авторы полагают, что оценка территории внутренними аудиториями, соотносимая с ее внешними оценками, является важным вневлигвистическим фактором, значимость которого нельзя недооценивать.

Анализ восприятия бренда Красноярск внешней аудиторией. В опросе для внешней аудитории («Город Красноярск в восприятии туристов») приняло

участие 50 респондентов, из них 72 % – до 24 лет, 12 % – от 25 до 34 лет и 16 % – от 35 до 44 лет. Опрос проводился в период с 01.03.2025 по 14.03.2025 среди жителей разных регионов России в формате онлайн-анкетирования, которое состояло из 19 вопросов (открытых и закрытых). Форма опроса открыта для ознакомления в общем доступе¹.

Удалось охватить аудиторию разных федеральных округов России – Сибирского, Уральского, Центрального, Южного, Приволжского. Таким образом, получено представление о Красноярске как от лиц из ближних к городу территорий, так и более далеких от него.

Первые ассоциации и знания о городе не всегда соотносятся с потребностями. Можно выделить 5 главных ассоциаций при упоминании Красноярска:

- сибирский крупный город на Енисее;
- красивые природные пейзажи (достопримечательности: Столбы, остров Татышев и т.д.);
- гастрономическая столица Сибири;
- холод;
- грязь и серость.

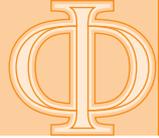
Первые три ассоциации – положительные, четвертая – нейтральная, пятая – негативная. Таким образом, для развития позитивных представлений о городе важно продолжать делать акцент на первых трех ассоциациях. Это относится как к инфополю, так и к действительности, ведь образ должен соответствовать позиционированию на деле.

Далее представлен разброс мнений по вопросу: «Что Вы знаете о Красноярске?» (рис. 1).

Рис. 1. Что люди знают о Красноярске

¹ Опрос «Город Красноярск в восприятии туристов». URL: https://docs.google.com/forms/d/1IL-gFxfj_NJQ7xPHmicd8z4R8qemaV7AuaEu-u18SYeP4/edit

Около 1/5 опрошенных затруднились ответить, мало или ничего не знали о Красноярске. Из этого можно сделать вывод, что Красноярск имеет совсем небольшую популярность среди других регионов. За это отвечают каналы коммуникации. Многие знают о Красноярске только из личного опыта: от знакомых, со школы, по работе и учебе. И лишь 35 % из СМИ и блогов. Учитывая, что при выборе туристического направления большая часть людей опирается на интернет-ресурсы (сайты, приложения, блоги, карты, ИИ и т.д.), увеличение доли положительных упоминаний города в сети повысит узнаваемость города.

Кроме того, можно оценить степень удовлетворенности посетителей города после поездки. Большая часть положительно отзываются о городе, а резко негативных комментариев практически нет. Людей устроило, что они увидели. Например, возможно, что для приезда в Красноярск туриста мотивировали бы следующие причины:

- информация об интересных природных маршрутах;
- культурные и спортивные мероприятия;
- менее высокая стоимость проезда до города;
- большее разнообразие досуга;
- улучшение инфраструктуры и городского сервиса.

В ассоциациях о городе никто не упомянул об Универсиаде, значит, она не закрепились в информационном поле за Красноярском.

У респондентов узнали, на какой город больше всего похож Красноярск. На основе ассоциаций с другими городами можно определить возможных конкурентов. Люди ответили, что считают Красноярск очень похожим на Новосибирск. По численности, инфраструктуре, культуре, климату. Эти города часто сравнивают, как, например, Москву и Санкт-Петербург, поэтому такие ответы логичны. Такое противостояние городов повышает узнаваемость обоих, однако в этой схожести Красноярску важно точно определять свои отличия. Например, в паре Москвы и Санкт-Петербурга люди с уверенностью могут назвать отличия: Санкт-Петербург – культура и творчество, Москва – бизнес и инновации.

Опрос показал, что Красноярск воспринимается через противоречивые образы: природные достопримечательности противопоставляются промышленному имиджу, а низкая медийная представленность усугубляет размытость бренда. Несмотря на удовлетворительные оценки туристов, город проигрывает в конкуренции с Новосибирском из-за отсутствия четкого позиционирования.

Необходимо, чтобы внешнее представление горожан о городе совпадало с внутренним, тем, как воспринимают город туристы, инвесторы и жители города.

Анализ восприятия бренда Красноярск внутренней аудиторией был проведен также на основе опроса. В опросе для внутренней аудитории («Красноярск в восприятии жителей») приняло участие 66 респондентов, из них 58 % – до 24 лет, 3 % – от 25 до 34 лет, 21 % – от 35 до 44 лет, 12 % – от 45 до 54 лет и 6 % – от 55 лет. Опрос проводился в период с 14.03.2025 по 20.03.2025. среди жителей

разных регионов России в формате онлайн-анкетирования, которое состояло из 7 открытых вопросов. Форма опроса открыта для ознакомления в общем доступе².

По результатам стало известно, что жителями город воспринимается как место с яркими природными местами, такими как Столбы и остров Татышев, а также с развивающимися парками и набережными, которые предоставляют возможности для активного отдыха и близости к природе. Это создает особую атмосферу уюта и комфорта для жителей, многие из которых ценят эти природные зоны как одно из главных достоинств Красноярска. Город воспринимается как динамично развивающийся, с разнообразными возможностями для отдыха и досуга. Местные жители подчеркивают развитие гастрономической и культурной сфер, что делает город привлекательным для молодежи и любителей культурных мероприятий. Гастрономия и культурная активность становятся важным плюсом для города, создавая его современное лицо и отражая движение в сторону урбанистического развития. Рассмотрим на примере графика (рис. 2).

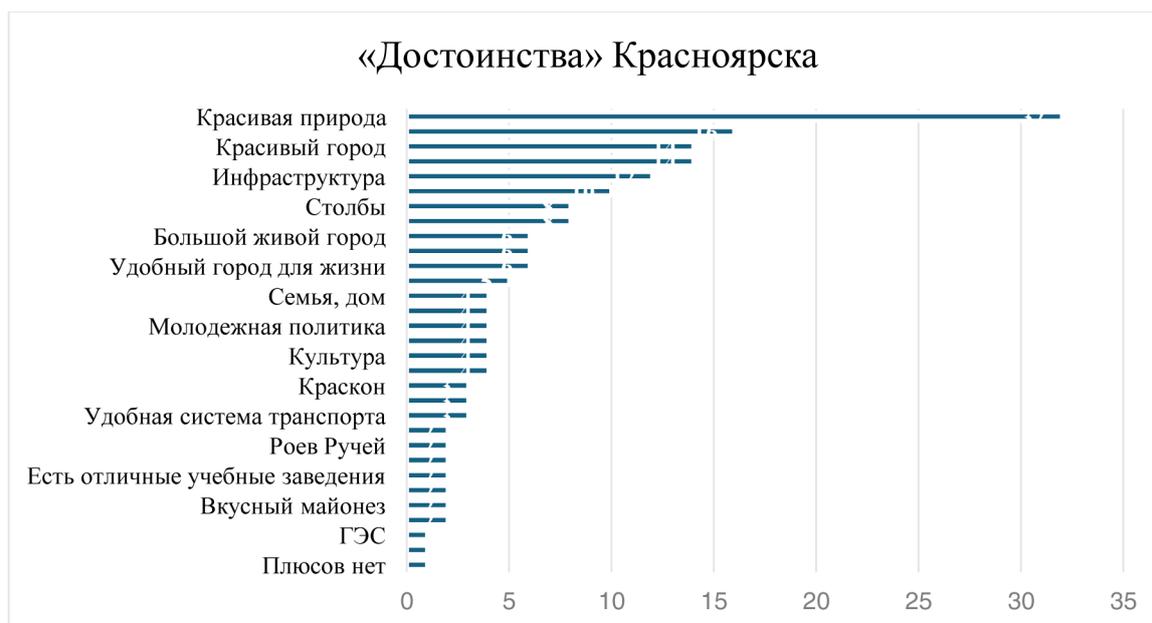

Рис. 2. «Достоинства» Красноярска в восприятии жителей

Однако в образе города присутствуют и значительные недостатки, среди которых выделяется проблемная экология, особенно загрязнение воздуха, которое оказывает влияние на качество жизни. Этот аспект сочетает в себе проблемы, связанные с промышленностью, и частые жалобы на загрязненный воздух, что сильно влияет на восприятие города. Вместе с тем респонденты упоминают проблемы с транспортом и устаревшей инфраструктурой. Пробки, нехватка современного общественного транспорта, а также старые дома и незадолго отремонтированные районы становятся препятствием для более комфортной жизни.

² Опрос «Красноярск в восприятии жителей». URL: https://docs.google.com/forms/d/1c0H5O-FUuLXB1gTT-Bba_7JhBSvaweDsFR-COZ6JLXsw/edit

Особенно это ощущается на правом берегу и в промышленных зонах, где плохая экология и неблагоприятная атмосфера могут существенно снижать привлекательность этих мест для жителей. Более подробно рассмотрим на рис. 3.

Рис. 3. «Минусы» Красноярск в восприятии жителей

Невозможность найти работу в крупных компаниях, низкие зарплаты и сравнительно высокие цены на жилье также негативно влияют на восприятие Красноярск. Многие респонденты подчеркивают, что в городе мало возможностей для карьерного роста и профессионального развития, что затрудняет создание комфортной и стабильной жизни для местных жителей.

Несмотря на это, Красноярск сохраняет свою привлекательность для большинства респондентов, что связано с его доступностью, развитой инфраструктурой в некоторых районах, природой и близостью к родным и знакомым. Большинство горожан выражают готовность оставаться в родном городе, надеясь на улучшение экологической ситуации и повышение качества жизни в будущем.

Анализ восприятия бренда в массмедиа. Помимо мнений, данных в опросе, противоречивый образ города подтверждается в массмедиа. Было проанализировано 50 медиаисточников с упоминанием Красноярск за период с 2019 по 2025 г. в положительном и негативном ключе. В качестве ресурсов использовались административные сайты Красноярск, городские и внешние СМИ и сообщества, блогеры, отзывы жителей и посетителей города.

Цель анализа – посмотреть частотность и выявить противоречивость в позиционировании Красноярск в интернет-ресурсах.

По результатам упоминаний Красноярск выявлено 86 разных тем, с которыми связана лексема «Красноярск». Из них 66 % тем – положительных и нейтральных, 34 % – негативных. Построена модель семантического ядра и периферии, представленная ниже (рис. 4).

Семантическое поле положительных и нейтральных упоминаний к лексеме «Красноярск»

Рис. 4. Семантическое поле положительных и нейтральных упоминаний к лексеме «Красноярск»

В ядре модели расположены темы с наибольшим количеством упоминаний (их количество указано в скобках). В одном источнике может упоминаться более 10 тем одновременно, поэтому количество упоминаний разнится с количеством источников.

В контексте положительных и нейтральных упоминаний Красноярск описывается в следующих цитатах:

- «Красноярск – крупнейший деловой, промышленный и культурный центр Восточной Сибири, столица Красноярского края»³;
- «Один из самых живописных городов России, в который я влюблена без ума»⁴;
- «Красноярск – набережные Енисея, Биг-Бен и заповедная природа Сибири»⁵;
- «в Красноярск – за горами, загаром и добрыми людьми»⁶;
- «природа рядом, в городской черте – это круто»⁷;

³ «Причины любить Красноярск». URL: <https://t.me/modno15minut>

⁴ «Свердловский топ». URL: <https://t.me/andreymaximovvv>

⁵ «Красноярские закаты: огненное шоу, которое вы больше нигде не увидите». URL: https://vk.com/galka_mag

⁶ «Красноярск – крупнейший город». URL: <https://www.admkrsk.ru/city/Pages/default.aspx>

⁷ «Красноярск – набережные Енисея, Биг-Бен и заповедная природа Сибири». URL: <https://travel.yandex.ru/journal/krasnoyarsk/>

- «Красноярск – маленький и уютный. Сколько же здесь красивых природных мест!»⁸;
- «сила наших природных локаций в шаговой доступности (30 минут – и ты из центра мегаполиса фотаешь заповедных глухарей). А еще в корректном благоустройстве»⁹;
- «магия Крск в удивительном ценнике на высокую кухню»¹⁰;
- «удивительная атмосфера близкой природы около домов»¹¹;
- «город, где природа становится художником»¹².

Теперь рассмотрим аналогичную модель семантического ядра лексеме «Красноярск», но с негативными упоминаниями.

Семантическое поле негативных упоминаний к лексеме «Красноярск»

Рис. 5. Семантическое поле негативных упоминаний к лексеме «Красноярск»

⁸ «Хотите порадоваться настоящей русской зиме, но не хотите ехать на Крайний Север? Вам в Красноярск». URL: <https://www.tutu.ru/geo/rossiya/krasnoyarsk/article/guide/>

⁹ «Красноярск: главное о сибирском городе». URL: <https://experience.tripster.ru/articles/krasnoyarsk/>

¹⁰ «Красноярск глазами жителя». URL: <https://nesiditsa.ru/city/krasnoyarsk?ysclid=m99it-vn64x31431689>

¹¹ «Современный Красноярский край». URL: <http://www.krskstate.ru/about>

¹² «Красноярск – сибирский Питер? Один из самых живописных городов России, в который я влюблена без ума». URL: <https://irecommend.ru/content/krasnoyarsk-sibirskii-piter-odin-iz-samykh-zhivopisnykh-gorodov-rossii-v-kotoryi-ya-vlyublen>

В негативном контексте Красноярск описывается в следующих цитатах:

- «из-за того что в городе очень много предприятий, почти всегда с сентября по апрель черное небо, при котором не видно и ста метров»¹³;
- «выступают всего две кнопки на клавиатуре в роли архитектора – это “копировать” и “вставить”. Копировать, вставить. Копировать, вставить. Столица Сибири готова!»¹⁴;
- «не могу привыкнуть к воздуху, очень грязный»¹⁵;
- «крайне высокие цены»¹⁶;
- «типичный, мрачный, грязный город»¹⁷;
- «свинское отношение людей к своему городу, грязный воздух, прогнившее руководство Края»¹⁸;
- «кто сюда поедет? Город задыхается»¹⁹;
- «в Красноярске явно проблема с просвещенностью застройщиков»²⁰;
- «лечащий врач может забыть о вас еще до того, как вы отойдете от наркоза, и не факт, что явится на выписку. А кнопка экстренного вызова медсестры в палате для лежачих пациентов будет где-то у холодильника, куда не доползти физически. Разве что принесенными гостинцами в нее швыряться, если совсем станет тяжело»²¹;
- «большинство из заведений – это эдакий красноярский “тяжелый люкс”, будто местные компании и организации готовы нормально обслуживать лишь состоятельных клиентов»²².

Проанализировав источники, можно также сделать вывод, кто именно формирует позитивные или негативные упоминания:

- туристические сайты (8 %), где 100 % положительных упоминаний;
- администрация (6 %), где 100 % положительных упоминаний;
- местные блогеры (6 %), где 100 % положительных упоминаний;

¹³ «Самый грязный город? Возможно, но при этом один из самых красивых». URL: <https://irecommend.ru/content/sami-gryaznyi-gorod-vozmozhno-no-pri-etom-odin-iz-samykh-krasivykh-postarayus-pokazat-gorod>

¹⁴ «Где все же столица Сибири? Приехали на разведку из Новосибирска». URL: <https://irecommend.ru/content/gde-vse-zhe-stolitsa-sibiri-priekhali-na-razvedku-iz-novosibirska-uekhali-v-polnom-pozitive>

¹⁵ «Я не знаю города хуже для жизни (не для туризма), чем Красноярск». URL: <https://irecommend.ru/content/ya-ne-znayu-goroda-khuzhe-dlya-zhizni-ne-dlya-turizma-chem-krasnoyarsk>

¹⁶ «Переехала из провинциального города в миллионник». URL: <https://irecommend.ru/content/pereekhala-iz-provintsialnogo-goroda-v-milionnik-rasskazhu-plyusy-minusy-i-vozmozhnosti-0>

¹⁷ «Космический мегаполис на Енисее со своим Биг-Беном и Триумфальной аркой». URL: https://otzovik.com/review_14469135.html

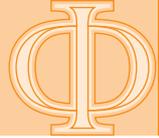
¹⁸ «Мой любимый дом». URL: https://otzovik.com/review_17021767.html

¹⁹ «Типичный, мрачный, грязный город». URL: https://otzovik.com/review_9978054.html

²⁰ «Некрасноярский Красноярск». URL: https://otzovik.com/review_14989266.html

²¹ Михаил Котюков: «От инфраструктуры – к человеку». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7403930?ysclid=m99jfulzt7372079699>

²² «Кто сюда поедет? Город задыхается». URL: <https://dzen.ru/a/Z7gbNDCGzVdrbtaI>

- городские СМИ (10 %), где 80 % положительных упоминаний;
- городские сообщества (4 %), где 50 % положительных упоминаний;
- отзывы жителей города (22 %), где лишь 45 % положительных упоминаний;
- отзывы посетителей города (14 %), где 57 % положительных упоминаний;
- внешние СМИ (10 %), где 60 % положительных упоминаний;
- внешние блогеры (20 %), где 70 % положительных упоминаний.

Оставшиеся проценты формируют негативные упоминания.

Таким образом, наглядно видно, что в большинстве позитивный имидж города пытаются сформировать внутренние источники – туристические сайты, администрация, блогеры, городские СМИ и сообщества. При этом тональность сильно разнится с мнениями самих жителей – они не видят таких городских перспектив, говорят о проблемах, с которыми сталкиваются каждый день, но которые почему-то до сих пор не решаются. Что касается внешних источников – картина приятнее, люди с позитивом отзываются о городе. Но при этом существует значительный процент, особенно среди посетителей города, увидевших недостатки.

Выводы. Проведенное исследование бренда Красноярск выявило его сложную и противоречивую природу, формируемую под влиянием множества факторов. Анализ восприятия города разными аудиториями показал, что Красноярск существует в нескольких параллельных реальностях: официальный медиаобраз, транслируемый административными и туристическими ресурсами, существенно отличается от повседневного опыта жителей и объективных характеристик городской среды.

Важным выводом является необходимость пересмотра подходов к функционированию образа территории. Акцент муниципальных, региональных медиаресурсов на позитиве в жизни территории, нацеленность на создание имиджа руководителя территории как эффективного управленца не учитывает проблемы, волнующие жителей (ухудшение экологической ситуации, инфраструктуры, снижение качества городской среды). Таким образом, официальный образ города не пересекается с его восприятием «низами», а это, в свою очередь:

- не вовлекает жителей в процесс формирования устойчивого образа территории;
- не создает механизмы «перевода» между разными языками описания города (административным, туристическим, повседневным).

Дальнейшее лонгитюдное исследование настроений горожан, его посетителей-туристов, публикаций СМИ могло бы дать понимание динамики вербальных реакций в создаваемом образе территории.

Библиографический список

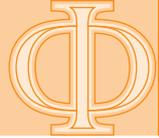
1. Анхольт С. Конкуренспособная идентичность: новый менеджмент бренда для наций, городов и регионов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2007. 320 с.
2. Беляева М.А. Структура территориального бренда // Управление культурой. 2023. № 4 (8). С. 3–11.

3. Васильева С.П. Динамика ценностных смыслов ассоциативного поля «Мир» в региональном языковом сознании сибиряков // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 19–26.
4. Васильева С.П. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX–XXI веков // Научный диалог. 2020. № 1. С. 27–44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44
5. Вигель Н.Л. Роль медиа и социальных сетей в формировании образа города и его туристической привлекательности // Сервис plus. 2024. Т. 18, № 1. С. 116–127.
6. Горелова Ю.Р., Меживикин И.В. Образ крупного города в восприятии его жителей // Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13). С. 15–18.
7. Горелова Ю.Р. Образ города в восприятии горожан. М.: Институт Наследия, 2019. 154 с.
8. Григорьева К.С., Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Социальная среда российских городов в восприятии местного населения (на примере Астрахани и Самары). М.: ИС РАН, 2009. 71 с.
9. Логунцова И.В., Зайцева А.С. Брендинг российских городов: обзор практики региональных «столиц» РФ // Государственное управление. 2024. № 103. С. 164–176.
10. Материалы к словарю рефлексивов Енисейской Сибири: антропонимы и топонимы в восприятии сибиряка / А.В. Михайлов, Т.В. Михайлова, С.В. Ускова, Е.А. Чижова; СибГУ им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, 2020. 120 с.
11. Михайлов А.В. Формирование образа региона через выработку ценностных отношений участников сообщества // Имидж страны/региона в стратегии интеграции России и АТР в XXI в. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2010. С. 39–42.
12. Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 351 с.
13. Тимченко А.Г., Бурмакина Н.А. Образ идеального учителя: лингвоаксиологическое исследование // Сибирский филологический форум. 2022. Т. 20, № 3. С. 138–151. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-131>
14. Толочко А.В. Особенности восприятия городской среды // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. F: Строительство. Прикладные науки. 2023. С. 55–61.

Сведения об авторах

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

Дроздова Ксения Андреевна – студентка, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: kseiniyadr2003@mail.ru

KRASNOYARSK RESIDENTS ABOUT THE CITY: ASSOCIATIONS AS A MIRROR OF A MEGALOPOLIS

K.A. Drozdova (Krasnoyarsk, Russia)

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The city of Krasnoyarsk, a large center of Siberia, has unique natural and cultural features that can become the basis for creating an attractive image that could serve as a basis for creating tourist narratives.

The purpose of this article is to study the perception of Krasnoyarsk by its internal audience and characterize the sources for forming the image of the city in the minds of internal communities.

Methodology and techniques. In the course of the work, a survey of residents and tourists was conducted, as well as an analysis of media sources to identify key associations to mentions of the city.

Research results. The article examines the perception of Krasnoyarsk by representatives of various urban communities – from government agencies to independent experts. The text is based on the analysis of the results of a survey of Krasnoyarsk residents and the texts of publications in social networks about the city. The authors analyze the contradictions between the official positioning of the city and its perception by people.

Conclusions. Based on surveys and analysis of publications, it is revealed that the image of Krasnoyarsk is complex in contrast. On the one hand, attractive natural objects, enticing places and landscapes, and dynamic modern infrastructure. On the other hand, there is chronic “anti-ecologicality” and transport problems.

Keywords: *city image, Krasnoyarsk, associative connections, tourist attraction, urban communities, media image.*

References

1. Anhol't S. *Konkurentosposobnaya identichnost': novyj menedzhment brenda dlya nacij, gorodov i regionov [Competitive identity: new brand management for nations, cities and regions]*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2007, 320 p.
2. Belyaeva M.A. Struktura territorial'nogo brenda [The structure of the territorial brand]. In: *Upravlenie kul'turoj [Culture Management]*. 2023, 4 (8), 3–11.
3. Vasilyeva S.P. Dynamics of value meanings of the associative field “Mir” in the regional linguistic consciousness of Siberians]. In: *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*. 2017, 2 (62), 19–26.
4. Vasil'eva S.P. Opyt vyjavleniya specifiki obydenного yazykovogo soznaniya russkih po dannym associativnyh slovarej XX–XXI vekov [*Experience in identifying the specifics of everyday linguistic consciousness of Russians according to associative dictionaries of the XX–XXI centuries*]. In: *Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]*. 2020, 1. 27–44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44
5. Vigel N.L. Rol' media i social'nyh setej v formirovanii obraza goroda i ego turisticheckoj privlekatel'nosti [The role of media and social networks in forming the

- image of the city and its tourist attractiveness]. In: *Servis plus [Service plus]*, 2024, Vol. 18, 1, 116–127.
6. Gorelova Yu.R., Mezhevikin I.V. Obraz krupnogo goroda v vospriyatii ego zhitelej [The image of a large city in the perception of its residents]. In: *Gumanitarnye issledovaniya [Humanitarian studies]*. 2016. No. 4 (13). S. 15–18.
 7. Gorelova Yu.R. *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan [The image of the city in the perception of citizens: monograph]*. Moscow, Institut Naslediya, 2019. 154 p.
 8. Grigor'eva K.S., Kuznecov I.M., Mukomel' V.I. *Social'naya sreda rossijskih gorodov v vospriyatii mestnogo naseleniya (na primere Astrahani i Samary) [The social environment of Russian cities in the perception of the local population (on the example of Astrakhan and Samara)]*. Moscow: IS RAS, 2009. 71 p.
 9. Loguntsova I.V., Zaitseva A.S. Branding rossijskih gorodov: obzor praktiki regional'nyh "stolic" RF [Branding of Russian cities: a review of the practice of regional "capitals" of the Russian Federation]. In: *Public administration [Gosudarstvennoe upravlenie]*. 2024, 103, 164–176.
 10. Materialy k slovarju reflektivov Enisejskoj Sibiri: antropimy i toponimy v vospriyatii sibiryaka [Materials for the dictionary of reflexives of Yenisei Siberia: anthroponyms and toponyms in the perception of a Siberian]. Krasnoyarsk, 2020. 120 p.
 11. Mikhaylov A.V. Formirovanie obraza regiona cherez vyrabotku cennostnyh otnoshenij uchastnikov soobshchestva [Formation of the image of the region through the development of value relations of community participants]. In: *Imidzh strany/regiona v strategii integracii Rossii i ATR v XXI v. [Image of the country/region in the strategy of integration of Russia and the Asia-Pacific region in the 21st century]*. Ulan-Ude, Publishing house of VSGTU, 2010, 39–42.
 12. Osnovy ekonomicheskogo povedeniya i blagosostoyaniya naseleniya: motivy, faktory, ozhidaniya [Fundamentals of economic behavior and welfare of the population: motives, factors, expectations]. Moscow, FNISC RAN, 2024. 351 p.
 13. Timchenko A.G., Burmakina N.A. Obraz ideal'nogo uchitelya: lingvoaksiologicheskoe issledovanie [The image of an ideal teacher: a linguotextological study]. In: *Sibirskij filologicheskij forum [Siberian Philological Forum]*. 2022, Vol. 20. 3, 138–151. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-20-3-131>
 14. Tolochko A.V. Osobennosti vospriyatija gorodskoj sredy [Features of perception of the urban environment]. In: *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya F. Stroitel'stvo [Bulletin of Polotsk State University. Series F. Construction. Applied sciences]*. 2023, 1, 55–61.

About the authors

Mikhaylova, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru

Drozdova, Kseniya A. – BA Candidate, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kseniyadr2003@mail.ru

УДК 81-42

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА

Ю.В. Шароглазова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Частое использование фразеологизмов снижает их экспрессивность, уменьшает эмоциональное воздействие на читателя. Чтобы усилить выразительность фразеологического оборота, писатель прибегает к разным способам трансформации фразеологических единиц.

Цель исследования – проанализировать трансформированные фразеологизмы с точки зрения особенностей их функционирования в произведениях В.П. Астафьева.

Обзор научной литературы. О трансформации устойчивых сочетаний говорили в своих трудах еще В.В. Виноградов и Б.А. Ларин. По мнению ученых, можно выделить две большие группы трансформированных оборотов: семантическую и структурно-семантическую.

Методы исследования. В качестве основных применяются описательно-аналитический метод, метод анализа словарных дефиниций и структурно-семантический.

Результаты исследования. Из 1375 устойчивых сочетаний в произведениях В.П. Астафьева 416 являются трансформированными. Незначительная часть подвержена семантической трансформации, все остальные – структурно-семантической трансформации с преобладанием замены или добавления компонента, замены утверждения на отрицание.

Выводы. Трансформированные фразеологические единицы часто служат средством речевой характеристики героев произведения, а также средством отношения автора к описываемым событиям.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, трансформация фразеологических единиц, художественный текст, семантическая трансформация, структурно-семантическая трансформация.*

Постановка проблемы. Фразеологизмы относятся к единицам вторичного образования и представляют собой словосочетания и выражения, которые используются в речи для большей эмоциональности и более точной реализации авторского замысла. Частое использование фразеологизмов снижает их экспрессивность, уменьшает эмоциональное воздействие на читателя. Чтобы усилить выразительность фразеологического оборота, писатель прибегает к разным способам трансформации фразеологических единиц (ФЕ). Часто этот прием «используется с целью создания оттенков юмора, иронии, сатиры в художественных прозаических и публицистических текстах» [Кузнецова, 2009, с. 283]. «Вообще переосмысление первичных фразеологических единиц, а также их использование в измененной форме в большинстве случаев вызывает определенный семантический и стилистический эффект» [Шадрин, 1975, с. 158].

Цель исследования – проанализировать трансформированные фразеологизмы с точки зрения особенностей их функционирования в произведениях В.П. Астафьева.

Обзор научной литературы. О трансформации устойчивых сочетаний говорили в своих трудах еще В.В. Виноградов и Б.А. Ларин. По мнению ученых, трансформированные устойчивые сочетания служат не просто для красоты в художественном тексте, с их помощью авторы представляют свою мысль более точно, адаптируя ФЕ к конкретным ситуациям [Виноградов, 1977; Ларин, 1956]. Такой же точки зрения придерживается и Т.П. Куранова: «Трансформация фразеологической единицы предполагает наличие специальной авторской цели и выступает в качестве приема, помогающего выстроить эстетически цельное повествование» [Куранова, 2023, с. 98]. Кроме того, трансформированные фразеологизмы «используются автором с целью усиления экспрессивности текста, привлечения внимания читателей... формирования общественного мнения» [Саютина, 2011, с. 44].

«Фразеологическая трансформация как языковое явление представляет собой совокупность приемов, основанных на целенаправленном видоизменении стабильной структуры и традиционной семантики фразеологических единиц» [Гайнанова, 2008, с. 156].

О разных видах классификации трансформированных фразеологических единиц писали В.М. Мокиенко, Д.О. Добровольский и другие ученые. Существуют различные классификации трансформированных фразеологизмов, но, обобщив их, можно выделить две большие группы трансформированных оборотов: структурно-семантическую, предполагающую изменение формы фразеологизма в сочетании с изменением смысла, и семантическую, заключающуюся в изменении смысла оборота без трансформации его структуры.

Эффект от фразеологизма существенно возрастает, если автор обыгрывает буквальный смысл его компонентов, изменяет его лексический состав, включает его в новые, необычные для него сочетания. Все стилистические особенности фразеологических единиц делают их активным языковым средством [Гашева, Губайдуллина, 2013, с. 20].

По мнению Г.И. Алиомаровой, основными причинами трансформации фразеологических единиц являются: а) экономия речевых средств; б) поиск источников постоянной экспрессии; в) стремление заполнить отвлеченную модель ФЕ конкретным содержанием; г) способ установления особых коммуникативных связей между автором и читателем; д) трансформация ФЕ – оперирование с уже готовыми языковыми моделями, с помощью которых можно создать новые ситуативные «строения»; е) трансформация фразеологических единиц отвечает практически всем требованиям художественного замысла автора»¹.

Методы исследования. Для анализа трансформированных выражений применяется описательно-аналитический метод, позволяющий проанализировать фразеологизмы с точки зрения их функционирования в художественном тексте.

¹ Алиомарова Г.И. Трансформированная фразеология как текстообразующий элемент единого целого (на материале художественной деревенской прозы): автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 24 с.

Анализ словарных дефиниций позволяет сопоставить трансформированные фразеологические сочетания с общеязыковыми для более корректного их описания. Структурно-семантический метод дает возможность проследить взаимосвязь структуры и смысла.

Результаты исследования. В.П. Астафьев нередко использовал трансформированные фразеологизмы в своих произведениях. Из 1375 устойчивых сочетаний, выделенных из произведений В.П. Астафьева, трансформированы 416 сочетаний. Из них семантической трансформации подвержены 24 фразеологических оборота, остальные – структурно-семантической. «Фразеологизмов с трансформированной семантикой значительно меньше, чем фразеологизмов, трансформированных с помощью структурно-семантических способов. Это связано с тем, что среди приемов семантической группы не реализуются системно-языковые преобразования, к тому же самих способов трансформации по количеству меньше, чем структурно-семантических»². Значение фразеологизмов с трансформированной семантикой не соответствует зафиксированному в словарях и определяется из контекста. Такой способ определения значения считается «классическим» [Баранова, Архипова, 2021, с. 111].

1. Фразеологизмы с семантической трансформацией.

1.1. Так, семантическая трансформация характерна для выражения ПРОФЕССОР КИСЛЫХ ЩЕЙ – о человеке с серьезным, умным выражением лица.

Тася нашла Осипа в теплице. Там он мастерил водопровод. Осип – семнадцатилетний застенчивый парень. У него румяное и чуть рябоватое лицо. С виду неуклюж, из одежки заметно вырос. Рукава пиджака ему чуть не по локоть, верхние пуговицы у рубашки не застегнуты, брюки узенькими трубочками спускаются в голенища сапог. Но у него удивительно проворные и ловкие руки, глаза умные, но какие-то отсутствующие. «Определенно, этого парня в младших классах называли девчонкой, а в старших – профессором кислых щей», – подумала Тася, здороваясь за руку со смутившимся парнем (Тася – Тают снега // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 366).

Сравним с дефинициями словарей.

Зимин – Профессор кислых щей (прост.). Неважный, плохой специалист (с. 255).

Однако контекст не указывает на «плохого специалиста» (см.: «проворные и ловкие руки, глаза умные»), речь идет о внешности человека, и читатель видит серьезного, застенчивого, но неказистого и, скорее всего, необщительного парня.

1.2. К семантической трансформации можно отнести выражение РУКОЙ НЕ ДОСТАТЬ – жить зажиточно, быть недоступным для бед и невзгод.

Разговаривая так, Лидия Николаевна ловко орудовала хватом. Тася молча следила за ее сильными неторопливыми движениями.

² Саютина Н.В. Трансформация фразеологизмов: общее и национально-характерное в русских и немецких публицистических текстах: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 325 с.

– *Юрий, ну-ка сбегай в погреб за огурчиками, – командовала Лидия Николаевна и с чисто женской горечью добавила: – Худо жить стали мы, гостя по-доброму попотчевать нечем. Это уж из-за войны навалилась на нас нужда. Раньше нас **рукой** было **не достать**. Соседи мои, в той половине дома, не выдержали, в город сбежали, а семья работающая. И многие так-то. Живут сейчас в городе, тоску по родному углу в сердце носят.* – Лидия Николаевна покачала головой и вытерла о передник руки (Лидия Николаевна – *Тают снега* // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 325).

Данные фразеологических словарей.

Федоров – *Рукой не достать* (экспресс.). Недоступен для простых смертных; занимает слишком высокое положение (с. 197).

Михельсон – *Рукой не достать* (иноск.). Возвысился, возгордился, не доступен (так вырос) (т. 2, с. 205).

МАС – *Рукой не достать* (не достанешь). О лице недоступном, занимающем высокое положение (т. 3, с. 738).

Жуков – *Рукой не достанешь* (разг.). Кто-либо недоступен, занимает высокое положение (с. 420).

Контекст не указывает на высокое положение героев, речь идет о материальном достатке.

1.3. Поменялось и основное значение, и изменилась коннотация в выражении **БОГОМ ОБИЖЕН**.

*Алешку все жалеют, я его люблю, и мы с ним деремся. Сильный он и злой. Мы то играем, то деремся. Бабушка разнимает нас и мне дает затрецину, Алешке только пальцем грозит. Никто не трогает Алешку, кроме меня, потому что он «**Богом обижен**», а мне-то наплевать!* (рассказчик – *Запах сена* // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: *Последний поклон*. С. 39).

Данные фразеологических словарей.

Федоров – *Богом обиженный* (разг., ирон.). 1. Неудачливый, несчастный человек (с. 400).

Молотков – *Богом обиженный* (устар.). Неудачливый, несчастный; недалекий, неумный, ограниченный (с. 290).

Мокиенко – *Богом обиженный* (пренебр.). О человеке: жалкий, убогий, неполноценный в каком-либо отношении (с. 18).

Если словари указывают на неудачливость и недалекость носителя данного «ярлыка», то контекст художественного произведения указывает исключительно на физическую неполноценность, болезнь ребенка, о котором пишет автор. Более того, В.М. Мокиенко дает помету «пренебр.» по отношению к данному выражению. Контекст же, идущий от лица ребенка, любящего своего брата, не содержит подобной коннотации. Наоборот, скорее всего, данное выражение герой рассказа неоднократно слышал от своей бабушки, которая говорила эти слова с жалостью, переживая за здоровье внука.

1.4. Изменена в произведении В.П. Астафьева семантика выражения В МЕСТАХ НЕ СТОЛЬ ОТДАЛЕННЫХ.

Лида. Слов-то, слов каких набралась!

Смерть. В местах не столь отдаленных (Смерть – Прости меня (драма в двух действиях) // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 559).

Фразеологический словарь русского языка под редакцией А.И. Молоткова дает следующее определение.

Места не столь отдаленные. Удаленные от центра страны территории, куда в царской России отправляли в ссылку, на поселение; места ссылки (с. 243).

В контексте художественного произведения фразеологизм имеет конкретное значение – тюрьма.

Все отмеченные выше устойчивые сочетания характеризуются семантической трансформацией без изменения структуры выражения.

1.5. Особого внимания заслуживает фразеологизм БОЖЬИ ЛЮДИ.

Формально его можно отнести в фразеологизмам с грамматической трансформацией – здесь присутствует замена единственного числа на множественное.

– Поторапливайтесь, божьи люди, пока у ребенка душа с телом не растаяла, – падет грех на ваши головы! – раздался насмешливый густой голос (Фаефан – Стародуб // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 2. С. 114).

Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) содержит это сочетание в единственном числе – *Божий человек* (устар. и народ.-поэтич.). Странник, нищий, юродивый (т. 4, с. 659).

Однако данная грамматическая трансформация не влияет на изменение семантики. Герой произведения «Стародуб» обращается так к своим односельчанам-староверам. Эти люди трепетно относятся ко всему, что связано с верой и религией, но были готовы оставить умирать ребенка, потому что тот был не совсем здоров. Таким образом, можно говорить о переосмыслении фразеологического оборота. Автор показывает не просто ироничность этой ситуации, он делает акцент на абсурдности происходящего.

Фразеологизм приобретает негативную ироническую контекстуальную семантику.

2. Фразеологизмы со структурно-семантической трансформацией предполагают изменение семантики вместе с изменением структуры фразеологической единицы. Однако есть ФЕ, характеризующиеся только структурной трансформацией без изменения семантики.

В произведениях В.П. Астафьева для структурно-семантической трансформации характерны чаще всего замена компонента, добавление компонента, изменение грамматической формы, замена утверждения на отрицание.

2.1. Произошла замена компонента в выражении НА ТРИ МЕТРА В ЗЕМЛЮ ЗРЯЩИЙ – быть проницательным, дальновидным, предусмотрительным.

Тройная проволочка, овчарки-человекодавы, охраншыки, нашенски, архангело-вологодские, на три метра в землю зрящие... за невыход на работу кандей

без отопления... за пайку – смерть... (Шорохов – Прокляты и убиты // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 706).

Словари фиксируют вариант НА ТРИ АРШИНА В ЗЕМЛЮ ВИДЕТЬ.

Федоров – *Видеть на три аршина в землю* (устар., экспресс.). Быть пронизательным, дальновидным, предусмотрительным (с. 72).

МАС – *Видеть на два аршина под землю (или в землю)*. Отличаться большой пронизательностью (т. 1, с. 48).

Молотков – *Видеть на три (на два) аршина в землю*. Отличаться большой пронизательностью (с. 67).

Мокиенко – *Видеть на аршин в землю*. Быть пронизательным, зорким (с. 15).

В данном случае устаревшее слово АРШИН заменено автором на современное МЕТР. Таким образом автор приблизил описываемое к пониманию читателя: слово МЕТР более понятно, чем АРШИН.

Замена современного слова «ВИДЕТЬ» на устаревшее «ЗРЯЩИЙ» позволяет автору сделать акцент на пронизательности: не просто видит, а «зрит» (ср.: «зрит в корень»), то есть проникает в самую суть, видит то, что может быть недоступно обычному взгляду. «Происходит обогащение семантики оборота» [Семенова, 2015, с. 5].

Замена компонента наблюдается в выражении ПРОПИСАТЬ ГОРЧИЧНИКИ – жестоко наказывать, проучить кого-либо.

Н-ну, молодой человек! Ну, молодой человек! А этим, в Капалушке которые, я пропишу, ох, пропишу горчичники! (доктор Цинклер – Черемуха (драма в двух актах) // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 495).

Обратимся к словарям.

Федоров – *Прописать ижицу* (устар., ирон.). Жестоко наказывать, проучить кого-либо (с. 506).

Михельсон – *Прописать* (иноск., шутол.). Наказывать (телесно), как доктор лекарь прописывает (т. 2, с. 139).

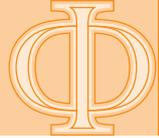
Замена компонента может быть связана с употреблением более понятного для читателя слова – *горчичники* обычно при использовании сильно жгут, доставляя физический дискомфорт. Более того, герой, употребивший данное выражение, – врач, для него это профессиональное выражение (профессиональная трансформация). В результате читатель воспринимает его образ ярче, натуралистичнее.

2.2. Грамматическая трансформация в произведениях В.П. Астафьева часто представлена инверсией и не всегда влечет изменение смысла.

В БИРЮЛЬКИ ИГРАТЬ – заниматься пустяками.

– Утонешь, а потом за тебя отвечай, – буркнул Варакин. – Нет уж, лучше я сам, вам здоровье-то вперед пригодится...

– Кто? Я утону? – загорячился Лавря. – Я что, – в морской клуб хожу в бирюльки играть? Если хочешь знать, пластырь на пробоину в корабле под водой наложит могу (Лавря – До будущей весны // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 105).

Вместе с тем можно встретить фразеологизмы, в которых инверсия приводит к изменению семантики. Например, выражение ГОЛОВА ОТПЕТАЯ – буйный, отчаянный человек, от которого ничего хорошего нельзя ждать в будущем; конченный человек.

Неподалеку от лесоучастка был поселок алмазников. Рабочие туда навербованы были со всего бела света, попадались головы вовсе отпетые, недавно отбывшие наказание в тюрьмах и колониях (автор – Восьмой побег // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 3. С. 306).

Словари предлагают прямой порядок слов.

Федоров – *Отпетая голова* (прост., экспресс.). Буйный, отчаянный человек, от которого ничего хорошего нельзя ждать в будущем; конченный человек (с. 138).

МАС – *Отпетый*. 2. (разг.) Погибший, пропащий, конченный (т. 2, с. 699).

В данном случае инверсия позволяет сделать акцент на прилагательном. Читатель понимает, насколько отрицательные персонажи описываются автором.

2.3. Замена утверждения на отрицание.

В произведениях В.П. Астафьева применяется такой способ трансформации, как замена утверждения на отрицание: НЕНАМЕТАННЫЙ ГЛАЗ – кто-либо не обладает опытом, способностью быстро воспринимать ситуацию, состояние дел.

Он потянул носом и уловил едкий запах. «Хорошо это, у зверя чутье отшибает гарь. Корова-то, поди, нажралась и ушла? – И тут же спохватился. – А может, вовсе перестала ходить?»

Начали разбирать Амоса те сомнения, коих бывает полно у охотника с ненаметанным глазом. Иначе он бы еще давеча по следам заключил, ходит теперь зверь на солонцы или нет (автор – Стародуб // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 2. С. 156).

В словарях отмечен фразеологизм с утвердительным значением.

Федоров – *Глаз наметан* (разг., экспресс.). Кто-либо обладает опытом, способностью быстро воспринимать зрением ситуацию, состояние дел (с. 125).

Молотков – *Глаз набит (наметан)*. Кто-либо настолько сведущ, опытен в чем-либо, что умеет сразу, по первому впечатлению, определять что-либо (с. 102).

Телия – *Глаз наметан* <наметанный; набит> (реч. стандарт). Большой опыт, позволяющий с первого взгляда разобраться в чем-либо, безошибочно оценить, распознать что-либо (с. 153).

Данное отрицание позволяет читателям лучше понять состояние героя: опытный охотник не замечает очевидных вещей. Это говорит о его сильной тревожности, неспособности ясно и логично мыслить.

НЕ БЕРЕДИТЬ БОЛЯЧКУ – не касаться того, что способно причинить душевную боль.

– Заказ этот не шуточка! Если провалим его, так осрамимся, что нам в городе прохода не дадут, потому что не пристало уральцам перед сталинградцами срамиться. Понимать это надо. А у вас все хиханьки да хаханьки.

– Да мы понимаем, не бреди болячку (сплавщики – До будущей весны // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 1. С. 99).

В словарях представлено это выражение в утвердительной форме.

Даль – *Бередить*. Причинять боль больному месту (т. 1, с. 82).

Федоров – *Бередить* <старую> рану (разг., экспресс.). Касаться того, что причиняло кому-либо страдания, душевную боль (с. 22).

МАС – *Болячка* (разг.). Гнойная ранка на коже; струп (т. 1, с. 107).

Жуков – *Бередить* рану. Вызывать тягостные переживания, душевные страдания, глубоко волновать (с. 41).

Зимин – *Бередить* старые раны (с. 325).

Тимофеев – *Бередить* рану. Напоминать о боли, о несчастье, неудаче (с. 64).

Существительное «БОЛЯЧКА», в отличие от «РАНА», более неприглядное, «гнойное», то есть показывается более отвратительное зрелище. Отрицание в форме императива придает выражению большую категоричность, что позволяет понять, насколько неприятна данная ситуация говорящим.

2.4. Добавление компонента происходит «путем введения в его структуру дополнительного элемента, конкретизирующего весь фразеологизм либо отдельные его компоненты» [Канарская, 2018, с. 159].

Среди трансформированных ФЕ есть такие, которым добавили компонент: ПО РТУ ЛОЖКА, ПО ЕРЕМКЕ ШАПКА, ПО ЭТОЙ ВОЙНЕ И ОДЕЖКА – с общим значением «достойн не более того, что имеет».

Но не странно ли видеть существо с человеческим обликом, валяющееся на земле в убогом прикрытии, в военной хламиде цвета той же земли, точнее, по рту ложка, по Еремке шапка, по этой войне и одежда (автор – Прокляты и убиты // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 483).

Словари демонстрируют нетрансформированный состав ФЕ.

Даль – *По Сеньке и шапка* (по Еремке колпак) (т. 4, с. 621).

Михельсон – *По Сеньке шапка* (по Еремке колпак, кафтан) (т. 2, с. 95).

МАС – *По Сеньке шапка*. Достойн не более того, что имеет (т. 4, с. 701).

Яранцев – *По Сеньке* <и> шапка (разг.). Кто-либо того и достоин, того и заслуживает, что он имеет, что он получил (с. 152).

Молотков – *По Сеньке* <и> шапка. Кто-либо того и достоин, что-либо того и заслуживает (с. 532).

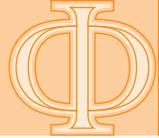
Тимофеев – *По Сеньке и шапка*. Соответствовать кому-то, оказаться годным (с. 141).

Мокиенко – *По Сеньке и шапка*. Кто-либо достоин того, что имеет (с. 69).

В.П. Астафьев использует прием параллелизма, приводя три структурно одинаковых фразеологизма: первый в традиционном употреблении, второй – в трансформированном с заменой имени собственного, третий он образует по данной структуре в соответствии с темой и идеей произведения.

Добавив компонент, связанный с войной, автор, во-первых, пояснил смысл этого выражения, во-вторых, показал неприглядность войны как явления.

ГРЕХ ДА БЕДА НЕ ПО ЛЕСУ ХОДЯТ, ВСЕ ПО НАРОДУ – о неизбежности плохого.

– Холуев, конечно, уж двадцать лет как нет, – не вступая в пререкания со старшиной, поучительно отвечал Пафнутьев, – да командиры есть, и кто-то должен им приноравливать. Товарищ капитан не умеют ни стирать, ни варить. Антиллигент они. – Докурив папироску, Пафнутьев посмотрел на нейтральную полосу, за которой темнели немецкие окопы, – туда ночью в разведку ходили боем штрафники. – Штрафников-то полегло э сколько! – захохот Пафнутьев. – **Грех да беда не по лесу ходят, все по народу.** Хуже нет разведки боем. Все по тебе палят, как по зайцу (Пафнутьев – Пастух и пастушка // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 3. С. 118).

В словарях представлено несколько иное выражение.

Михельсон – *Беда (напраслина) не по лесу ходит, а по людям (найдет свою жертву)* (т. 1, с. 85).

Зимин – *Беда не по лесу ходит, а по людям* (с. 161).

Тимофеев – *Вся беда по народу ходит, не по лесу.* О неизбежности бед (с. 76).

Мокиенко – *Беды не ходят по городам да по лесам, а всегда по людям* (с. 125); *Не ходит горе по лесу, а все по добрым людям* (с. 128).

Добавив компонент ГРЕХ, автор делает акцент на том, что часто беды не появляются спонтанно, их источниками являются люди.

Трансформированные фразеологизмы позволяют передать то, что невозможно показать с помощью ФЕ в их общеизвестном варианте.

Выводы. Трансформированные фразеологические единицы часто служат средством речевой характеристики героев произведения, а также средством отношения автора к описываемым событиям. «Фразеологизмы-трансформы выступают прежде всего в экспрессивно-оценочной функции, включая характеризующую, или создают возможность стилизации под разговорную речь» [Кабанова, 2022, с. 2187]. Благодаря использованию трансформированных фразеологизмов в тексте появляются дополнительные оттенки смысла и усиливается восприятие читателем текста в целом. Опираясь на фоновые знания читателей и отсылая их к общеизвестным фразеологизмам, автор с помощью трансформированных выражений ярко и емко, без пространных объяснений реализует свой замысел.

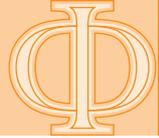
Список словарей

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. (Телия).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000 (Даль).
3. Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка: Более 1400 фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ, 2003. 603 с. (Жуков).
4. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сьюита, 1996. 544 с. (Зимин).

5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. Спб., 1902 (Михельсон).
6. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с. (Мокиенко).
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981 (МАС).
8. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А.И. Федорова; сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006 (СРГС).
9. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров; под ред. Ф.П. Филина. Новосибирск: Наука, 1972. 208 с. (Сибир).
10. Тимофеев В.П. Фразеология диалектной личности: словарь. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2003. 176 с. (Тимофеев).
11. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М.: АСТ, 2001. 720 с. (Федоров).
12. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с. (Молотков).
13. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. М.: Русский язык, 1997. 845 с. (Яранцев).

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998.
2. Баранова А.Ю., Архипова И.В. Трансформация фразеологических единиц как средство создания художественной образности текста // Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века: матер. Всеросс. науч. конф., Майкоп, 21–23 октября 2021 г. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2021. С. 110–113.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
4. Гайнанова И.Ф. Трансформация фразеологических единиц в современных газетных текстах // Вестник ЮУрГГПУ. 2008. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-frazeologicheskikh-edinit-v-sovremennyh-gazetnyh-tekstah> (дата обращения: 13.05.2025).
5. Гашева Л.П., Губайдуллина Н.Ю. Трансформационные процессы в современной фразеологии на материале художественных текстов // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: матер. II Междунар. науч. конф. (Челябинск, апрель 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 19–22. Т. 0. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/79/3691/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Добровольский Д.О. Модификация структуры идиомы в аспекте понимания // Понимание и коммуникация. 2007. Язык. Человек. Концепция: тез. докл. междунар. конф. (28 февраля – 1 марта 2007 г.). М.: НИВЦ МГУ, 2007. С. 27–31.

7. Кабанова С.А. Авторское изменение фразеологизмов в прозе Зощенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Томск, 2022. Т. 15, вып. 7. С. 2183–2188.
8. Канарская Л.Г., Коренюгина В.В. Трансформация фразеологизмов как примета идиостиля Е.А. Евтушенко // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза, 20 июня 2018 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. Ч. 2. С. 157–160. EDN XSKUGT.
9. Кузнецова Н.Н. Трансформация фразеологических единиц в поэтическом тексте как средство создания экспрессивности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-frazeologicheskikh-edinitov-v-poeticheskom-tekste-kak-sredstvo-sozdaniya-ekspressivnosti> (дата обращения: 13.05.2025).
10. Куранова Т.П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 97–105.
11. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике: ученые записки Ленингр. гос. ун-та. Л., 1956.
12. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособ. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
13. Саютина Н.В. Трансформация фразеологических единиц как проявление стилевой манеры журналиста // Известия Саратовского университета Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-frazeologicheskikh-edinitov-kak-proyavlenie-stilevoy-manery-zhurnalista> (дата обращения: 13.05.2025).
14. Семенова Н.А. Трансформация фразеологизмов в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 2015. № 4. С. 3–9.
15. Шадрин Н.Л. Контекстуально-семантические преобразования фразеологических единиц как проблема перевода // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: в 2 ч. М., 1975. Ч. 2.

Сведения об авторе

Шароглазова Юлия Викторовна – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yulijavsh@yandex.ru

TRANSFORMED PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE WORKS OF V.P. ASTAFYEV

Yu.V. Sharoglazova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Frequent use of phraseological units reduces their expressiveness and reduces the emotional impact on the reader. In order to enhance the expressiveness of a phraseological unit, the writer resorts to various methods of transforming phraseological units.

The purpose of the study is to analyze transformed phraseological units from the point of view of the peculiarities of their functioning in the works of V.P. Astafyev.

A review of scientific literature on the problem. The transformation of stable combinations was discussed in the works by V.V. Vinogradov and B.A. Larin. According to scientists, transformed stable combinations do not just serve for beauty in a literary text, with their help the authors present their thoughts more accurately, adapting them to specific situations. Two large groups of transformed phrases can be distinguished: structural-semantic and semantic.

Methodology. The descriptive-analytical method and the method of analyzing dictionary definitions are used as the main ones.

Research results. Of the 1,375 stable combinations in the works of V.P. Astafyev, 416 are transformed. A small part is subject to semantic transformation, all the rest are subject to structural and semantic transformation with a predominance of substitution or addition of a component, replacing an affirmation with a negation.

Conclusions. Transformed phraseological units often serve as a means of speech characterization of the characters of a literary work, as well as a means of the author's attitude to the events described.

Keywords: *phraseological units, transformation of phraseological units, artistic text, semantic transformation, structural and semantic transformation.*

Dictionaries Used

1. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'torologicheskij kommentarij [*Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary*]. Moscow, 2006. 784 p. (Telia).
2. Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]*. Moscow, Russkij yazyk, 2000 (Dal).
3. Zhukov A.V. *Leksiko-frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka: Bolee 1400 frazeologizmov [Lexical and phraseological dictionary of the Russian language: More than 1400 phraseological units]*. Moscow, Astrel, 2003, 603 p. (Zhukov).
4. Zimin V.I., Spirin A.S. *Posloviy i pogovorki russkogo naroda. Ob'yasnitel'nyj slovar' [Proverbs and sayings of the Russian people. Explanatory dictionary]*. Moscow, Suite, 1996, 544 p. (Zimin).
5. Mikhelson M.I. *Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy. V 2 t. [Russian thought and speech: Ours and others. Experience of Russian phraseology. A collection of figurative words and allegories. In 2 volumes]*. St. Petersburg, 1902 (Mikhelson).

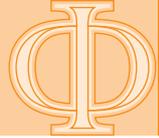

6. Slovar' pskovskikh poslovic i pogovorok [*Dictionary of Russian folk dialects*]. St. Petersburg, 1997.
7. Slovar' frazeologizmov i inykh ustojchivykh slovosochetaniy russkikh govorov Sibiri [*Dictionary of phraseological units and other set phrases of Russian dialects of Siberia. Comp. N.T. Bukhareva, A.I. Fedorov*]. Novosibirsk, Nauka, 1972, 208 p. (Siberia).
8. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka [*Phraseological dictionary of the Russian literary language*]. Moscow, 2001, 720 p.
9. Dictionary of Pskov proverbs and sayings / Comp. V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, St. Petersburg, Norint, 2001, 176 p. (Mokienko).
10. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian. language; Ed. A.P. Evgenieva]. 2nd ed., rev. and additional, Moscow, Russkij yazyk, 1981 (MAS).
11. Timofeev V.P. Frazeologiya dialektnoj lichnosti: Slovar' [*Phraseology of dialect personality: Dictionary*]. Shadrinsk: Izd-vo Shadrinskogo pedinstituta, 2003, 176 p. (Timofeev).
12. Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka [*Phraseological Dictionary of the Russian Language: Over 4000 dictionary entries*]. Moscow, Rus. Yaz., 1986, 543 p. (Molotkov).
13. Yarantsev R.I. Russkaya frazeologiya. Slovar'-spravochnik [*Russian phraseology. Dictionary reference: Ok. 1500 phraseological units*]. Moscow, Rus. Yaz., 1997, 845 p. (Yarantsev).

References

1. Astafyev V.P. *Sobranie sochineniĭ v 15 t. [Collected works in 15 volumes]*. Krasnoyarsk, 1997–1998.
2. Baranova A.Yu., Arkhipova I.V. Transformaciya frazeologicheskikh edinic kak sredstvo sozdaniya khudozhestvennoj obraznosti teksta [*Transformation of phraseological units as a means of creating artistic imagery of the text*]. *Evgenij Shvarc i problemy razvitiya otechestvennoj literatury XX veka: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Evgeny Schwartz and the problems of the development of domestic literature of the 20th century: materials of the All-Russian scientific conference]* / Adyghe State University. Maykop, Adyghe State University, 2021, 110–113.
3. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and Lexicography]*. Moscow, Nauka Publ., 1977.
4. Gainanova I.F. Transformaciya frazeologicheskikh edinic v sovremennykh gazetnykh tekstakh [*Transformation of Phraseological Units in Modern Newspaper Texts*]. In: *Bulletin of SUHPU*, 2008, 154–162.
5. Gasheva L.P. Transformacionnye processy v sovremennoj frazeologii na materiale khudozhestvennykh tekstov [*Transformational processes in modern phraseology*

- based on the material of literary texts*]. *Filologiya i lingvistika: problemy i perspektivy: materialy II Mezhdunar. nauch. konf [Philology and linguistics: problems and prospects: materials of the II International scientific conf]*. 0, Chelyabinsk, Two Komsomolets, 2013, 19–22.
6. Dobrovolsky D.O. *Modifikaciya struktury idiomu v aspekte ponimaniya [Modification of the structure of the idiom in the aspect of understanding]*. *Ponimanie i kommunikaciya. 2007. Yazyk. Chelovek. Konceptiya. Tekst: Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii (28 fevralya – 1 marta 2007 g.)*. [Understanding and communication. 2007. Language. Man. Concept. Text: Abstracts of reports of the international conference (February 28 – March 1, 2007), Moskow, Research Computer Center of Moscow State University, 2007, 27–31.
 7. Kabanova S.A. *Avtorskoe izmenenie frazeologizmov v proze Zoshchenko [Author's change of phraseological units in Zoshchenko's prose]*. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]*. 2022, 15, 7, 2183–2188.
 8. Kanarskaya LG. *Transformaciya frazeologizmov kak primeta idiostilya E.A. Evtushenko [Transformation of phraseological units as a sign of the idiosyle of E.A. Yevtushenko]*. *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdayom budushchee: sbornik statej XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Science and education: preserving the past, creating the future: collection of articles from the XVI International scientific and practical conference: in 2 parts]*. 2018, 157–160.
 9. Kuznetsova N.N. *Transformaciya frazeologicheskikh edinic v poeticheskom tekste kak sredstvo sozdaniya ehkspressivnosti [Transformation of phraseological units in a poetic text as a means of creating expressiveness]*. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]*. 2009, 3 (25).
 10. Kuranova T.P. *Sposoby transformacii frazeologicheskikh edinic v sovremennykh gazetnykh zagolovkakh (na materiale pechatnykh izdaniy "Argumenty i faktY", "Pravda") [Methods of transformation of phraseological units in modern newspaper headlines (based on the material of the printed publications Argumenty i Fakty, Pravda)]* In: *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik [Verkhnevolzhskiy philologicheskij Vestnik]*. 2023, 2 (33), 97–105.
 11. Larin B.A. *Ocherki po frazeologii (O sistematizacii i metodakh issledovaniya frazeologicheskikh materialov) [Essays on phraseology (On systematization and research methods of phraseological materials)]*. In: *Ocherki po leksikologii, frazeologii i stilistike: uchenye zap. Leningr. gos. un-ta. [Essays on lexicology, phraseology and stylistics: scientific notes. Leningr. State University of Leningrad]*. 1956, 125–149.
 12. Mokienko V.M. *Slavyanskaya frazeologiya: Ucheb. posob. dlya vuzov po spec. Rus. yaz. i lit. [Slavic phraseology: Textbook for higher education institutions in the specialty "Russian language and literature"]*. 1989, 287 p.

13. Sayutina N.V. Transformaciya frazeologicheskikh edinic kak proyavlenie stilevoj manery zhurnalista [*Transformation of phraseological units as a manifestation of the stylistic manner of a journalist*]. In: *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [*News of Saratov University, Nov. series. Series: Philology. Journalism*]. 2011, 3.
14. Semenova N.A. Transformaciya frazeologizmov v “Prestuplenii i nakazaniI” [*Transformation of phraseological units in “Crime and Punishment”*]. In: *Russkaya rech* [*Russian speech*]. 2015, 4, 3–9.
15. Shadrin N.L. Kontekstual’no-semanticheskie preobrazovaniya frazeologicheskikh edinic kak problema perevoda [*Contextual-semantic transformations of phraseological units as a translation problem*]. In: *Teoriya perevoda i nauchnye osnovy podgotovki perevodchikov* [*Translation Theory and Scientific Foundations of Translator Training: In 2 parts*]. 1975, 2.

About the author

Sharoglazova, Yulia V. – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: yulijavsh@yandex.ru

УДК 81`42

ХАРАКТЕРИСТИКИ СГЕНЕРИРОВАННОГО ТЕКСТА: ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Е.В. Осетрова (Красноярск, Россия)

А.В. Седова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В современном информационном пространстве огромный массив текстов распространяется и обращается в среде Интернета. Этот процесс существенным образом изменил способы взаимодействия людей и с развитием научно-технического прогресса привел к появлению искусственного интеллекта (ИИ). «Способности» последнего к самообучению и диалогу, особенно в сфере вербальной коммуникации, поставили вопрос об идентификации сгенерированного текста на фоне естественных текстов, созданных человеком, и в сравнении с ними.

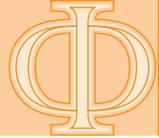
Исследование виртуального «поля» применения языка в режиме генерирования текстов становится актуальным, соотнесенным с запросами общества. К.А. Студеникина, Н.А. Багрова, Р.Е. Тельпов и С.В. Ларцина, А.Р. Айдагулова и др. изучают их с целью выявления совокупности специфических особенностей, а нейросеть – на предмет ее лингвистического потенциала.

Цель исследования – исчислить языковые характеристики текстов, сгенерированных искусственным интеллектом, расширив их список, а также определить перспективы анализа коммуникативной рамки – обстоятельств и процесса их производства. Авторами статьи проведен анализ искусственных текстов, сгенерированных по одной из тем, которая представлена в УМК под редакцией М.М. Разумовской (8-й класс). *Материалом* для наблюдений стали 12 текстов в жанре сочинения, созданные ботами ChatGPT4, анализ помогли обеспечить метод пофакторного анализа речевого жанра и методики тема-рематического и семантического анализа текста/высказывания.

Результаты анализа. Список известных к настоящему времени особенностей сгенерированного текста расширен пятью характеристиками грамматической, тема-рематической и жанровой природы. Анализ организации коммуникации в процессе генерирования текста, в свою очередь, выявил разнородность состава ее участников (человек и «ИИ-коммуникант»); трансформацию инициативной реплики пользователя в жанр промпта; в репликах ИИ-коммуниканта – наличие модуса предположения как сигнала о потенциальной возможности альтернативных ответов; перспективность применения теории коммуникативных неудач к рассматриваемому объекту.

Выводы. Список известных к настоящему времени особенностей сгенерированного текста расширен пятью характеристиками грамматической, тема-рематической и жанровой природы, наличие которых проиллюстрировано языковым материалом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, чат-бот, ChatGPT, сгенерированный текст, язык, коммуникация, коммуникативные неудачи.

Постановка проблемы. В современном информационном пространстве огромный массив текстов распространяется и обращается в среде Интернета. Этот процесс существенным образом изменил способы взаимодействия людей и с развитием научно-технического прогресса привел к появлению искусственного интеллекта (далее – ИИ). Роботизированные самообучающиеся системы как одна из принадлежностей современного интернет-пространства, известные под названием «искусственный интеллект», могут обрабатывать текстовые материалы, созданные с использованием разных знаковых систем. Эти системы, в частности, реализуют функцию анализа текста, определяя его смысл и степень соответствия той или иной конкретной ситуации. Скорость и качество такой работы значительно превышают возможности человеческого мышления [Воейкова, Долгова и др., 2023, с. 233].

Несмотря на высокую функциональность искусственного интеллекта и нейросетей, их развитие привело к появлению ощутимых проблем в ряде предметных областей; выделим три из них: медиапространство, прикладную лингвистику и образование.

К текстам медиа в качестве ключевых применимы требования четкости и сжатости, фактуальности и достоверности изложения, умеренного использования синонимии, избегания канцелярита и клишированных конструкций. Сгенерированные тексты не всегда отвечают этим критериям, избыточны, кроме того, повторами, перифразами, языковыми ошибками, понижая рейтинги и имидж корпоративных медиасубъектов.

В рамках прикладной лингвистики, особенно ее важнейшей отрасли лингвистической экспертизы, проблемными становятся не только квалификация искусственно созданного текста, который может содержать следы речевых преступлений, но и стремительно расширяющаяся практика подражания голосу и манере общения реально существующего человека. Известно, что лингвисты-эксперты занимаются в том числе идентификацией человека по голосу и речи, а синтезированная речь становится все менее отличимой от речи естественной. Эксперты сталкиваются с ее копированием на уровне перцептивных характеристик, на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях языка. В сложившейся ситуации в качестве важнейших маркеров дифференциации естественной и сгенерированной речи следует рассматривать коммуникативные и синтаксические параметры.

Наконец, в сфере образования как социальный вызов воспринята практика частичного и/или полного делегирования создания текстов различных жанров (школьные сочинения, эссе, курсовые работы, выпускные квалификационные работы и др.) искусственному интеллекту. Типично такое положение дел, когда обучающийся не просто пользуется компьютерной программой на определенном этапе задания, но выполняет с помощью данного инструмента задание в полном объеме, относясь к полученному тексту как завершенному произведению, не проводя минимальной критической правки содержания и структуры.

Обзор научной литературы. В целом исследование виртуального «поля» применения языка в режиме генерирования текстов искусственным интеллектом становится актуальным, соотнесенным с запросами общества.

На данный момент соответствующая тема осмыслена лингвистами как одна из наиболее привлекательных и наукоемких. Искусственные тексты изучают с целью выявления совокупности их специфических особенностей, а нейросеть – на предмет ее лингвистического потенциала. Так, К.А. Студеникина рассматривает возможность нейронных моделей моделировать грамматические структуры [Студеникина, 2022, с. 179]; Н.А. Багрова анализирует нейросеть в плане воспроизведения и преобразования идиоматических выражений русского языка [Багрова, 2024, с. 25]; в работе Р.Е. Тельпова и С.В. Ларциной – с учетом принципов компаративистики и количественного варьирования – внимание акцентировано на употреблении слов различных тематических групп в сгенерированной и естественной речи [Тельпов, Ларцина, 2023, с. 48].

Базируясь на понимании проблемы, уже достигнутом коллегами, А.Р. Айдагулова обозначает следующие особенности созданных ChatGPT текстов: 1) повторы словосочетаний и отдельных лексем; 2) повторение одной и той же мысли в разных предложениях; 3) отсутствие связи сгенерированного фрагмента с остальным текстом; 4) поверхностные примеры; 5) искажение фактов, наличие недостоверной информации; 6) отсутствие цитирования [Айдагулова, 2023, с. 155].

«Способности» ИИ к самообучению и диалогу, особенно в сфере вербальной коммуникации, поставили вопрос об идентификации сгенерированного текста – на фоне естественных текстов, созданных человеком, и в сравнении с ними. Отсюда *цель* исследования – исчислить языковые характеристики текстов, сгенерированных искусственным интеллектом, расширив их список, а также определить перспективы анализа коммуникативной рамки – обстоятельств и процесса их производства.

Материалы и методы. Для экспликации методологической базы исследования важно определить несколько ключевых понятий, используемых в статье. Под искусственным интеллектом здесь имеется в виду «способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые... с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹. Конкретной реализацией искусственного интеллекта становится нейросеть, применяемая для обработки сложных наборов данных в режиме реального времени.

¹ ГОСТ Р 59276-2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1371-ст: дата введения 2021-03-01 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177291> (дата обращения: 22.10.2024).

Пользовательская аудитория относится к данным понятиям как содержательно близким, использует их в однородных контекстах, а соответствующие лексеммы имеют схожую сочетаемость; к примеру, *ИИ/искусственный интеллект/нейросеть выдал/а...; подсказал/а...; глючит...; офигенно быстро работает* и под. Одновременно с этим разница двух обозначенных понятий ощутима, разъясняется в различных, в том числе научно-популярных, источниках², постепенно осваиваясь в массовом языковом сознании. За *нейросетью*, а также за *чат-ботом* (разработанная на основе нейросети диалоговая программа, поддерживающая запросы на естественных языках) закрепляется скорее представление об инструменте, объекте либо некоем виртуальном пространстве, в котором происходит взаимодействие человеческого субъекта с программой, а характеристика особой популярности приписана пользователями *ChatGPT* – чат-боту, разработанному компанией OpenAI; к примеру: *Пользователи ChatGPT из ряда стран сообщают о сбоях в работе чат-бота, следует из данных Downdetector*³. С *искусственным интеллект* (ИИ) связано представление о некоем субъекте, с которым человек вступает в коммуникацию; например: *Искусственный интеллект помог раскрыть убийства Дарьи Дугиной и Владлена Татарского, рассказал Бастрыкин*⁴. Продукт, получаемый в результате использования человеком чат-ботов, называется *сгенерированным текстом; искусственным текстом*. С таким пониманием разницы контекстных значений выделенных лексем и словосочетаний соотнесена и терминологическая база данной статьи.

Авторами статьи проведен анализ искусственных текстов, сгенерированных по одной из тем, которая представлена в УМК по русскому языку под редакцией М.М. Разумовской (8-й класс)⁵ – «Легко ли быть молодым?». Материалом для наблюдений стали 12 текстов в жанре сочинения, созданные ботами ChatGPT4, сам же анализ помогли обеспечить метод пофакторного анализа речевого жанра и методики тема-рематического и семантического анализа текста/высказывания.

Ход и результаты исследования. Проиллюстрируем наличие формально-языковых и содержательных повторов – первых двух из шести приведенных выше особенностей сгенерированных текстов [Айдагулова, 2023, с. 155] – на следующих примерах из искусственных сочинений; ср: *Молодость – это время безграничных возможностей и энергии <...> С одной стороны, молодость дарует свободу и возможность экспериментировать; Не менее важным аспектом молодости является поддержка со стороны близких. Друзья и семья играют важную роль в нашей жизни, помогая справляться с трудностями и разделять радости.*

² Обломова О. Нейросети и ИИ: предназначение, особенности и различия [Электронный ресурс]. URL: <https://4brain.ru/blog/neiroseti-i-ii-prednaznachenie-osobennosti-i-razlichiya/> (дата обращения: 19.05.2025).

³ Телеграм. РИА Новости. 19.05.2025.

⁴ Телеграм. РИА Новости. 19.05.2025.

⁵ Русский язык. 8 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / М.М. Разумовская и др.; ред. М.М. Разумовская; П.А. Лекант. М.: Дрофа, 2004. 272 с. URL: <https://spbib.ru/ru/catalog/-/books/10691665-russkiy-yazyk-8-klass>

Данное наблюдение справедливо не только в отношении лексических повторов, но и повторов синтаксических конструкций; ср.: *Вопросы о выборе профессии, построении отношений и ожиданиях окружающих могут вызывать тревогу и неуверенность <...> Конкуренция на рынке труда, необходимость получить образование и стремление к финансовой независимости могут создавать давление.*

Отметим, что даже при использовании команд «напиши по-другому», «напиши другими словами», «напиши иначе» итоговые варианты демонстрируют весьма небольшое перифрастическое разнообразие.

В отдельный блок языковых несоответствий авторы статьи выделяют отклонения, связанные с нарушением сочетаемости слов по линии предсказуемости/непредсказуемости, обязательности/факультативности синтаксической связи; см. примеры: *бытие молодым сопряжено с рядом трудностей и испытаний; мы имеем возможность путешествовать; молодость предоставляет нам свободу выбора; конкуренция на рынке труда, необходимость получить образование и стремление к финансовой независимости могут создавать давление.*

В процессе анализа обнаружены, кроме того, несколько характеристик сгенерированных текстов, проявляющих особенности их тема-рематической структуры.

Так, выделенным признаком искусственных текстов является «закольцованность» одной и той же темы, то есть повтор темы без ввода полноценного рематического компонента с новым содержанием; например: *Неуверенность в себе, страх неудачи, давление со стороны общества, желание быть «как все» – все это давит на плечи молодого человека. Ты стоишь перед выбором: быть собой или подстроиться под ожидания? Мир полон соблазнов, сложностей и противоречий. Ты сталкиваешься с непониманием родителей, с давлением сверстников, с неуверенностью в будущем.* Данная иллюстрация доказывает еще одну особенность сгенерированных текстов – наличие множества рем, ни одна из которых в дальнейшем не трансформируется в тему и не продолжает свое текстовое развитие.

В свою очередь, нарушением жанровой природы следует признать переформатирование исходной установки текста. В соответствии с учебным заданием школьник должен описать личный и/или сторонний опыт молодого человека и высказать собственное мнение о возникающих проблемах, то есть ориентироваться на информативное целеполагание, никого ни к чему не призывая. Отсюда заданный жанр текста (сочинение), его целеустановка, типовые образы автора и адресата (школьник, рассуждающий о проблемах взросления в письменном учебном тексте, адресованном взрослому-педагогу) использование побудительных конструкций не подразумевают. При этом именно последние найдены в заключительной части одного из сгенерированных текстов: *Не бойтесь трудностей, не сдавайтесь. В каждом новом дне вас ждет новое открытие, новый опыт, новая возможность. Будьте смелыми, дерзайте, творите, и тогда молодость станет для вас не временем испытаний, а временем раскрытия своего потенциала и поиска своего собственного счастья.*

Таким образом, помимо уже известных характеристик, помогающих идентифицировать сгенерированные текстовые фрагменты [Айдагулова, 2023], в один с ними ряд мы предлагаем поставить следующие пять, расширив исходный список:

- нарушение сочетаемости слов по линии предсказуемости/непредсказуемости, обязательности/факультативности синтаксической связи;
- «закольцованность» темы (то есть повтор темы без ввода рематического компонента);
- наличие множества рем, ни одна из которых в дальнейшем не преобразуется в тему и не продолжает свое текстовое развитие;
- нарушение/трансформация исходной интенции субъекта – того, кто формирует запрос для генерации текста;
- недостаточный учет факторов автора и адресата.

Опубликованные лингвистические работы по проблематике искусственного интеллекта и генерации текстов, а также вышеприведенные комментарии доказывают следующее. В процессе анализа специфических характеристик сгенерированных языковых произведений плодотворен собственно текстовый подход, когда внимание сосредоточено на «внутреннем» устройстве таковых, позволяя выявлять содержательную и формальную специфику, отличающую их от естественных, то есть произведенных человеком, текстов.

Однако при таком подходе, когда текст рассматривают как автономную единицу, из поля зрения исследователей выпадает коммуникативная составляющая. Учитывая повышенный интерес научного сообщества к сгенерированным текстам, полезным было бы рассмотреть «внешнюю» коммуникативную рамку, в которую заведено их производство, ее структуру и наполнение: состав элементов, актуальные обстоятельства, механизмы взаимодействия и др. При этом, как и в случае использования внутритекстового подхода, здесь, очевидно, должна обнаружиться специфика, обусловленная искусственным использованием языка и формированием на этой основе некоего произведения.

В процессе создания искусственных текстов рабочей является модель, аналогичная модели естественного общения: адресант => адресат. Разница состоит в том, что при коммуникативной организации генерирования текста позицию одного из участников взаимодействия занимает человек, а позицию другого – условный участник, ИИ. Отличной оказывается не только различная природа «общающихся», но и характер реплик: реплики человека, всегда являющегося инициатором коммуникации на ее стартовом этапе, трансформируются в *промт/промт* (от англ. *prompt* «запрос», «подсказка») – вербальную команду-задачу, которую необходимо выполнить. Разработчики чат-ботов и многие пользователи настолько освоили этот новый речевой жанр, что дают рекомендации по его составлению; см. один из предлагаемых вариантов: 1) цель запроса; 2) формат ответа; 3) предупреждения; 4) контекст. Все большую ценность – на фоне

интеллектуальной способности личности к самостоятельному производству текстов – приобретает практический навык правильно сформулировать запрос, четко обозначив, какую информацию и из каких источников использовать, поскольку именно от этого будут зависеть четкость и полнота результата.

Реплики ИИ-коммуниканта, в свою очередь, чаще всего представляют более или менее развернутые ответы, маркированные показателями модуса предположения, некатегоричности, сигнализирующими о наличии других, альтернативных вариантов ответа; к примеру: *Возможно, имелась/имелось в виду; Возможно, будут полезны некоторые сведения о...; ...На основе источников, возможны неточности; Ответ сформирован YandexGPT на основе текстов выбранных сайтов. В нем могут быть неточности;* и под.

Вербальное взаимодействие человека и ИИ в пределах нейросети с целью получения готовых текстов и с учетом смешанной природы его участников и обрабатываемых текстов доказывает необходимость поиска специальных подходов к анализу коммуникативной стороны данного процесса. Авторы статьи в качестве апробированной базы для анализа предлагают использовать лингвистическую традицию исследования коммуникативных неудач.

Существует множество определений понятия «коммуникативная неудача», большинство из которых развивают базовое либо отталкиваются от него: коммуникативная неудача – это «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект» [Ермакова, Земская, 1993, с. 31].

В современной лингвистике отсутствует общепринятая классификация как самих видов коммуникативных неудач, так и причин их возникновения. Одной из попыток преодолеть проблему можно считать типологию Н.К. Къневой, учитывающую несколько основополагающих аспектов вербального общения.

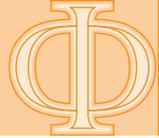
1. Коммуникативные неудачи, обусловленные нарушением хода интеракции (нарушение «алгоритмических ходов» устного речевого общения).

2. Коммуникативные неудачи, обусловленные нарушением организации дискурса (неоднозначность сообщения, незавершенность вербализации коммуникативного замысла, несоответствие пресуппозиции реальному миру и т.д.).

3. Коммуникативные неудачи, обусловленные нарушением правил организации информационного обмена (нарушение постулатов общения Г.П. Грайса и принципов вежливости Дж. Лича).

4. Коммуникативные неудачи, обусловленные нарушением правил учета статусных ролей коммуникантов⁶.

⁶ Кънева Н.К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 196 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000225977/

Отмечая пользу применения теории коммуникативных неудач к рассматриваемому материалу, заметим, что имеющиеся классификации должны быть в таком случае уточнены; это обусловлено рядом факторов:

- каузатором коммуникативной ситуации всегда выступает человек; в норме он же занимает ведущую позицию в разворачивающемся процессе общения;
- применительно к ИИ-коммуниканту некорректно было бы обсуждать фактор экстралингвистических обстоятельств диалога;
- у ИИ-коммуниканта отсутствуют коммуникативная цель, а также эмпатическая и эмоциональная база общения.

Комментирование последней из названных особенностей выходит за пределы чистого языкознания, попадая в сферу психолингвистики. В ChatGPT4 при высказывании возражения, несогласия используются логические модели выстраивания аргументации и обоснования ответа. Естественно, что в случаях когда структура и содержание ответной реплики не соответствуют представлениям человека, «ломая» его интеллектуальные, социальные, оценочные или речевые ожидания, это может стать причиной коммуникативной неудачи.

Выводы. Итак, список известных к настоящему времени особенностей сгенерированного текста расширен пятью характеристиками грамматической, тематической и жанровой природы, наличие которых проиллюстрировано языковым материалом. Анализ организации коммуникации в процессе генерирования текста, в свою очередь, выявил разнородность состава ее участников (человек и «ИИ-коммуникант» (искусственный интеллект)); трансформацию инициативной реплики пользователя в жанр так называемого промпта; в репликах ИИ-коммуниканта – наличие модуса предположения как сигнала о потенциальной возможности альтернативных ответов. В этой связи отмечена польза применения теории коммуникативных неудач к рассматриваемому объекту с необходимостью уточнения содержания их типов.

Библиографический список

1. Айдагулова А.Р. Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2023. № 4. С. 154–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tekstov-sgenerirovannyh-iskusstvennym-intellektom>
2. Багрова Н.А. *Ежу понятно*: идиоматические выражения русского языка глазами нейросети // Бархударовские чтения: сб. науч. ст. участников междунаро. науч.-метод. конф., приуроченной к 130-летию со дня рождения С.Г. Бархударова (3–5 мая 2024 г.). Ереван: РАУ, 2024. С. 25–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezhu-ponyatno-idiomaticheskie-vyrazheniya-russkogo-yazyka-glazami-neyroseti/viewer>
3. Воейкова А.А., Долгова Е.Г., Данилина Е.А., Федорова А.В. Инновационные исследования в области семантики и семиотики // Современное педагогическое образование. 2023. № 2. С. 230–234. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50361810>

4. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=rtdqdl>
5. Студеникина К.А. Оценка языковой способности нейронных моделей на материале предикативного согласования в русском языке // Труды Института системного программирования РАН. 2022. № 34 (6). С. 179–184. DOI: 10.15514/ispras-2022-34(6)-14. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/539488308/>
6. Тельпов Р.Е., Ларцина С.В. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в количественном аспекте // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 47–65. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65>. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/4797>

Сведения об авторах

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2894-2254>; Scopus Author ID: 76652; e-mail: osetrova@yandex.ru

Седова Анна Вячеславовна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sanyas99@mail.ru

CHARACTERISTICS OF THE GENERATED TEXT: LINGUISTIC AND SOCIAL-COMMUNICATIVE ANALYSIS

E.V. Osetrova (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Sedova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In the modern information space, a huge array of texts is distributed and circulated in the Internet environment. This process has significantly changed the ways in which people interact and, with the development of scientific and technological progress, has led to the emergence of artificial intelligence (AI). The latter's 'abilities' for self-learning and dialogue, especially in the field of verbal communication, have raised the question of identifying generated text against the background of natural texts created by humans, and in comparison with them.

The study of the virtual 'field' of language application in the text generation mode is becoming relevant, correlated with the demands of society. K.A. Studenikina, N.A. Bagrova, R.E. Telpov and S.V. Lartsina, A.R. Aidagulova and others study them in order to identify a set of specific features, and study the neural network for its linguistic potential.

The purpose of the study is to calculate the linguistic characteristics of texts generated by artificial intelligence, expanding their list, and to determine the prospects for analyzing the communicative framework – the circumstances and process of their production.

Research methodology. The authors of the article analyzed artificial texts generated on one of the topics presented in the educational and methodical complex edited by M.M. Razumovskaya (8th grade). The material for observations included 12 texts in the essay genre created by ChatGPT4 bots, the analysis was provided by the method of factor analysis of the speech genre, the methods of topic-comment analysis and semantic analysis of the text / utterance.

Research results. Thus, the list of currently known features of the generated text has been expanded by its five characteristics of grammatical, topic-comment and genre nature. The analysis of the organization of communication in the process of text generation, in turn, revealed the heterogeneity of the composition of its participants (human and 'AI communicant'); the transformation of the user's initiative remark into the prompt genre; the presence of a mode of assumption as a signal about the potential possibility of alternative answers in the AI communicator's remarks; the prospects of applying the theory of communicative failures to the object under consideration.

Conclusions. The list of currently known features of the generated text has been expanded with five characteristics of grammatical, thematic, and genre nature, the presence of which is illustrated by linguistic material.

Keywords: *Artificial intelligence, Neural network, Chatbot, ChatGPT, Generated text, Language, Communication, Communication failures*

References

1. Aidagulova A.R. Features of texts generated by artificial intelligence. In: *Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmulla [Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully]*. 2023, 4, 154–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tekstov-sgenerirovannyh-iskusstvennym-intellektom>

2. Bagrova N.A. No brainer: idiomatic expressions of the Russian language through the eyes of a neural network. In: *Barkhudarov readings: collection. scientific art. international participants scientific method. conf. dedicated to the 130th anniversary of the birth of S. G. Barkhudarov (May 3–5, 2024)*. [Barkhudarovskiy chteniya: sb. nauch. st. uchastnikov mezhdunarod. nauch.-metod. konf., priurochennoy k 130-letiyu so dnya rozhdeniya S. G. Barkhudarova (3–5 maya 2024 g.)]. Yerevan, RAU, 2024, 25–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezhu-ponyatno-idiomaticheskie-vyrazheniya-russkogo-yazyka-glazami-neyroseti/viewer>
3. Voeikova A.A., Dolgova E.G., Danilina E.A., Fedorova A.V. Innovative research in the field of semantics and semiotics. In: *Modern pedagogical education [Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie]*. 2023, 2, 230–234. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50361810>
4. Ermakova O.P., Zemskaya E.A. On the construction of communicative failures (based on natural Russian dialogue). In: *Russian language in its functioning: Communicative-pragmatic aspect [Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt]*. Moscow, Nauka, 1993, 30–64. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=rtdqdl>
5. Studenikina K.A. Evaluation of the linguistic ability of neural models based on predicative agreement in the Russian language. In: *Transactions of the Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences [Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN]*. 2022. No. 34 (6). P. 179–184. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/539488308/>
6. Telpov R.E., Lartsina S.V. Typical differences between natural and neural network-generated texts in the quantitative aspect. In: *Scientific dialogue [Nauchnyy dialog]*. 2023, 12 (7), 47–65. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65>; URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/4797>

About the authors

Osetrova, Elena V. – DSc (Philology), Professor of the Department of Modern Russian Language and Methodology of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: osetrova@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2894-2254>; Scopus Author ID: 76652

Sedova, Anna V. – MA Candidate, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: sanyas99@mail.ru

УДК 81'33.371.2

ПОДКАСТ КАК НОВЫЙ ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОБЩИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ СОДЕРЖАНИЯ, ФОРМЫ И АДРЕСАТА

С.В. Ускова (Красноярск, Россия)

Д.А. Казаков (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье исследуются вопросы формирования контента образовательных подкастов российских университетов в сравнении с популярными подкастами блогеров. Анализируются форматы, подача материала и вовлеченность аудитории проектов, а также выявляются причины ограниченной популярности образовательных подкастов и преимущества блогерских инициатив.

Цель статьи – выявление специфики формирования контента с учетом особенностей восприятия молодежью образовательных подкастов.

Авторами произведен *обзор научной литературы* по направлениям исследований подкастинга в России: развитие и классификация подкастов, коммуникативные стратегии подкастов, специфика подкаста как нового формата публичной коммуникации и формы предъявления контента в условиях цифровой медиасреды, формирование их жанровой системы, использование подкаста как образовательной технологии.

Методы исследования. Используются сопоставительный анализ, а также метод пофакторного анализа коммуникативно-речевой составляющей подкаста.

В результате исследования получены выводы, что образовательные подкасты обладают высоким качеством контента и академической направленностью, однако уступают блогерским проектам в плане массовой вовлеченности, так как академический стиль и ограниченная дистрибуция сдерживают их популярность, тогда как харизма ведущих и адаптация к интересам аудитории являются основными факторами успеха блогерских инициатив.

Выводы. Перспективы развития образовательных подкастов связаны с их способностью интегрироваться в цифровую культуру молодежи. Дальнейшее внедрение мультимедийных форматов, усиление взаимодействия со слушателями и использование опыта блогерских проектов могут сделать подкасты вузов не только инструментом обучения, но и средством популяризации науки среди широкой аудитории.

Ключевые слова: *подкаст, образовательные подкасты, контент, медиaprостранство, контент-стратегии.*

Постановка проблемы. Одной из актуальных форм современной публичной образовательной коммуникации являются подкасты. Они способствуют привлечению внимания аудитории и являются инструментом выстраивания отношений между разными целевыми аудиториями через совместное обсуждение актуальной повестки. В этом случае реализуется модель обучения

с активным привлечением всех сторон учебного процесса, когда реципиент становится причастным событию. Молодые люди являются активной аудиторией цифровых медиа, в связи с чем изучение специфики формирования контента позволяет адаптировать материалы для повышения эффективности их восприятия. Изучение приемов создания образовательных подкастов способствует развитию новых методик обучения и интеграции современных технологий в образовательный процесс.

Обзор научной литературы по проблеме. В настоящее время вопрос подкастинга как медиапродукта, несмотря на относительную новизну данного явления в России, достаточно широко освещается. Среди обсуждаемых вопросов: развитие и классификация подкастов [Ибрагимов, 2021; Круглова, 2024], коммуникативные стратегии подкастов [Барашкина, Горшкова, Лабутина, 2021], специфика подкаста как нового формата публичной коммуникации и формы предъявления контента в условиях цифровой медиасреды [Воинова, Сивякова, 2018; Ануфриева, 2022, Шутова Е.А., 2023; Миньяр-Белоручева, Сергиенко, 2021; Горошевский, Ускова, 2022], формирование их жанровой системы [Манскова, Манскова, 2022], использование подкаста как образовательной технологии [Евтюгина, Волкова, 2020; Осипова, Осипов, 2023; Романенко, Макарьева, 2023; Сахарова, Фадеева, 2021].

Цель статьи – выявление специфики формирования контента с учетом особенностей восприятия молодежью образовательных подкастов.

Материалы и методы. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ контента образовательных подкастов «ЛУЧ» Высшей школы экономики (ВШЭ), «Учи меня, учи» Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО), «LomCast» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) и «Аэрозвук» Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (СибГУ им. М.Ф. Решетнева), развлекательных подкастов популярных блогеров «Дневники Лоры Палны», «У Холмов Есть Подкаст», а также подкастов на каналах FrameTamer и «Джарахов». В статье представлен общий анализ трех жанрообразующих и – шире – коммуникативных факторов структуры подкаста: факторов «содержания», «адресата» и «формы», предложенных в свое время Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997]. С учетом специфики материала данные понятия использованы здесь в расширительном значении в границах терминологических словосочетаний: «содержание» → «контекстное содержание/«контент», «адресат» → «адресная аудитория», «подписчики», «форма» → «формальная организация/«формат» соответственно.

Результаты анализа. В современном медиaprостранстве подкасты представляют собой цифровые аудио- или видеозаписи, доступные для прослушивания или просмотра через интернет. Они охватывают широкий спектр тем и форматов, предоставляя пользователям возможность выбирать контент в соответствии с личными интересами. Термин «подкаст» возник из сочетания слов iPod

(популярный медиаплеер) и broadcasting (эфирное вещание), транслируя концепцию персонального радиовещания. С течением времени подкасты стали доступными на различных платформах и устройствах, что способствовало их массовому распространению.

Подкасты обладают рядом ключевых характеристик, которые определяют их популярность и функциональность. Одним из важнейших аспектов является их доступность, позволяющая пользователям прослушивать или просматривать контент в любое удобное время и в удобном месте при наличии подключения к интернету. Еще одной характерной чертой подкастов является разнообразие контента: они охватывают широкий спектр тем – от развлекательных до образовательных и профессионально ориентированных. Важную роль играет и персонализация медиапотребления, поскольку пользователи могут подписываться на интересующие их подкасты и получать обновления, формируя индивидуальные медиапредпочтения. Кроме того, подкасты обладают элементами интерактивности, поскольку многие из них предполагают взаимодействие с аудиторией через комментарии и социальные сети, что повышает уровень вовлеченности слушателей.

В современном медиaprостранстве подкасты стали важным инструментом передачи информации и знаний. В данном исследовании остановимся на образовательных подкастах, направленных на обучение и развитие слушателей, и популярных подкастах блогеров, ориентированных на развлекательный контент и личные истории. Сравнение этих двух типов подкастов позволяет выявить их особенности и определить предпочтения молодежной аудитории. В образовательной сфере подкасты используются как инструмент повышения квалификации и самообразования. Они позволяют преподавателям и студентам получать актуальную информацию, развивать профессиональные навыки и расширять кругозор. Подкасты обладают рядом преимуществ, включая мультимедийность, доступность и актуальность, что делает их ценным ресурсом в образовательном процессе [Гулегина, Юсупова, 2023, с. 34].

Образовательные подкасты представляют собой специализированные аудио- или видеоматериалы, предназначенные для передачи знаний и развития навыков у слушателей. Применение подкастов в образовательном процессе способствует повышению мотивации студентов, развитию навыков и углублению понимания изучаемых тем [Осипова, Осипов, 2023, с. 33].

Образовательные подкасты создаются с целью передачи учебного материала, углубления знаний и развития навыков слушателей. Они часто используются в учебных заведениях как дополнительный ресурс для самостоятельной работы студентов, способствуя развитию профессиональных компетенций и индивидуальных образовательных траекторий. Кроме того, подкасты являются «эффективным инструментом цифровизации языкового образования, способствуя развитию коммуникативных навыков обучающихся» [Миньяр-Белоручева, Сергиенко, 2021, с. 45]. Подача материала в образовательных подкастах четко

структурирована и зачастую формализована, сам же материал направлен на изучение специализированных дисциплин и узкопрофильных тем.

Подкасты блогеров используют более свободный и динамичный формат, включающий элементы юмора и интерактивное взаимодействие с аудиторией. Этот стиль делает контент более доступным и привлекательным для молодежи, способствуя расширению аудитории и повышению вовлеченности слушателей. С другой стороны, популярные подкасты блогеров ориентированы на развлекательный контент, обсуждение актуальных тем, личных историй и опыта. Они часто характеризуются неформальным стилем подачи материала и стремятся установить эмоциональную связь с аудиторией.

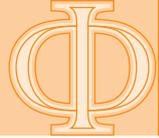
Сравнительный анализ образовательных подкастов и популярных подкастов блогеров выявляет различия в целях и формате. Для повышения привлекательности образовательных подкастов среди молодежи рекомендуется учитывать предпочтения слушателей, внедряя более гибкие и интерактивные подходы к подаче материала, сохраняя при этом высокое качество и глубину содержания.

В последние годы российские университеты активно используют формат подкастов для расширения образовательного пространства и взаимодействия со студентами и широкой аудиторией. Рассмотрим четыре таких проекта: «ЛУЧ» ВШЭ, «Учи меня, учи» Университета ИТМО, «LomCast» / Подкаст о поступлении и науке МГУ и «Аэрозвук» СибГУ им. М.Ф. Решетнева.

Подкаст «ЛУЧ» ВШЭ представляет собой аудиоформат, посвященный вопросам благотворительности и инклюзии. Контент построен на интервью с экспертами и обсуждении социальных инициатив (например, *Русский жестовый язык; «Антон тут рядом» и принятие аутизма, Донорство крови и костного мозга* и пр.). Начиная с 2022 г. всего выпущено 39 эпизодов. В сообществе в ВКонтакте ВШЭ насчитывается 229 тысяч подписчиков, что потенциально расширяет охват аудитории подкаста. Проект стал номинантом Премии Рунета-2023 в категории «Образование и знания», что свидетельствует о его значимости в медиaprостранстве.

Подкаст «Учи меня, учи» ИТМО ориентирован на обсуждение современных образовательных практик (например, *В будущее возьмут не всех: чему мне научиться? Из бизнеса в преподаватели: как и зачем?*). Ведущими являются А. Комолов и Д. Козлова. Анонсирование выпусков осуществляется через официальный новостной портал университета, что способствует вовлечению студенческой аудитории. В сообществе ИТМО в ВКонтакте насчитывается 94 тысячи подписчиков.

Подкаст LomCast МГУ представляет собой видеoproект, посвященный вопросам науки, культуры и студенческой жизни (например, *интервью с деканами факультетов МГУ «Палитра факультетов МГУ»*). Он также представлен в сообществе Lomonosov Records в ВКонтакте, которое насчитывает 3,6 тысячи подписчиков.

Подкаст «Аэрозвук» СибГУ им. М.Ф. Решетнева – проект студенческой студии «Аэрозвук», которая организует и записывает встречи с представителями различных профессий и сфер деятельности. В выпусках участвуют как ученые и инженеры, так и музыканты, путешественники и предприниматели, что делает его мультидисциплинарным. Контент включает интервью и дискуссии, направленные на обмен опытом и профессиональными знаниями (например, *подкаст о подводном спорте и тренерской работе с деканом факультета физической культуры и спорта СибГУ; интервью с руководителем пресс-службы компании «РУСАЛ Красноярск»; подкаст с рок-музыкантом, основателем группы «Место Свободы»*). Платформами распространения являются Telegram-канал AeroSound (69 подписчиков) и сообщество ВКонтакте (около 153 подписчиков). Подкаст ориентирован преимущественно на студенческую аудиторию.

Сравнение образовательных подкастов позволяет выделить их ключевые аспекты. «ЛУЧ» (ВШЭ) и «Учи меня, учи» (ИТМО) демонстрируют наибольший потенциальный охват аудитории благодаря интеграции с крупными университетскими сообществами, тогда как «Аэрозвук» и LomCast ориентированы на более узкую целевую аудиторию. Важным элементом является, кроме того, реализуемая контент-стратегия: «ЛУЧ» имеет социальную направленность, «Аэрозвук» освещает профессиональную тематику, а LomCast и «Учи меня, учи» охватывают широкий круг тем.

Для анализа популярных подкастов блогеров выбраны востребованные среди молодежи проекты со значительной аудиторией и активностью в цифровом пространстве. В рамках данного исследования рассматриваются четыре подкаста: «Дневники Лоры Палны», «У Холмов Есть Подкаст», подкаст на канале FrameTamer (не имеет специального названия) и «Подкаст № 1» на канале «Джарахов». Эти проекты представляют разнообразие тематик и подходов к созданию контента, что делает их репрезентативными примерами молодежной подкаст-культуры в России.

«Дневники Лоры Палны» представляют собой аудиопроект в жанре трюк-райм, созданный студией «Терменвокс» и ведущими М. Погребняк и М. Лебедевым. Контент демонстрирует глубокую проработку материала, включая психологические аспекты преступлений и исторические детали, что делает его информационно насыщенным (например, подкасты «*Кто убил Листьева?*», «*Дело сестер Хачатурян: новый поворот в судебном процессе*»). Используется разговорный стиль, который сочетает серьезность с элементами черного юмора. Допускается использование сленга. Ср., *Пока Маша и Митя типа отдыхают от основного сезона (а точнее, пропадают на открытых записях и снимают видосы)* – «Дневники Лоры Палны» презентуют новый, да что уж там, **ЭЭЭкспериментальный формат для подподписочного межсезонья! Рецепт простой. Берем спорную тему, добавляем жутких историй, шинкуем факты, сдабриваем общечеловеческой мерзостью – и получаем густой, жирный, наваристый... срач. Приятного аппетита!** (в данной части текста присутствует сленг, черный юмор). *В сегодняшнем эпизоде под подпиской речь пойдет о братьях наших меньших, которые*

ведут себя совсем не как братья. Об искалеченных и отнятых детских жизнях, о приютах и промзонах, о догхантерах и кастрюльщицах (вторая часть анализируемого текста находится в рамках разговорного стиля). И, конечно же, все так же о нас с вами (https://vk.com/lorapalna?z=photo-194464469_457243461%2Fceda30a164fa79b6a2). В ВКонтакте у подкаста насчитывается более 60 тысяч подписчиков, в Telegram – около 6 тысяч, а на хостинге YouTube некоторые эпизоды набирают до 5 тысяч просмотров, что свидетельствует о его широкой популярности среди молодежи, интересующейся криминальными историями.

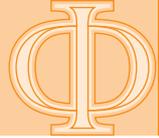
«У Холмов Есть Подкаст», созданный Т. и В. Назаровыми, также записан в жанре тру-крайм, но с комедийной подачей. Подкаст доступен преимущественно в аудиоформате на ВКонтакте, Telegram, Яндекс.Музыке, Mave Digital и YouTube. Контент включает разбор криминальных случаев с элементами юмора, что делает его легким для восприятия (*1000 способов умереть в Техасе, Карьеристки, Чужой папа* и др.). Стиль подачи разговорный непринужденный, что усиливает эмоциональную связь с аудиторией, например: *В этом эпизоде У Холмов Есть Подкаст – кейс из австралийского Труро. Мы расскажем историю семи девушек, которые так и не вернулись домой – потому что их позвал подвезти от автобусной остановки серийник Кристофер Робин Уоррел. Но он действовал не один. Во всем ему помогал его напарник* (https://vk.com/uholmov?w=wall-186229308_5515). В ВКонтакте подкаст имеет 21 тысячу подписчиков, в Telegram – около 19 тысяч, а на YouTube – количество просмотров материалов до 2 тысяч просмотров, что для аудиоформата, представленного на видеоплатформе, показатель высокого уровня вовлеченности молодежной аудитории.

Подкаст FrameTamer выходит в видеоформате на YouTube, ВКонтакте, Telegram и Twitch. Его контент – это сочетание развлекательных тем и бесед с приглашенными гостями о поп-культуре, видеоиграх, личных историях ведущего, что соответствует формату интервью или непринужденной дискуссии; см. фрагмент из подкаста:

Ведущий: Испытываешь ли ты такие моменты, когда думаешь: «Ну все, я больше не могу?» В какие-то пиковые моменты?

Гость: У меня недавно было выгорание. Я не скажу, что это было прям сильное выгорание, но было так, что я садился, понимал, что нужно написать сценарий, рекламный сценарий, и просто не мог. Думаю: «Я не хочу сейчас, не могу». Сейчас такого нет, наоборот, это меня «бустит». Но это, наверное, потому, что это все только недавно началось, что меня начали звать куда-то. А если я проживу так год-другой, что было бы неплохо, может, это и начнет стимулировать мое выгорание.

Данный отрывок демонстрирует разговорный непринужденный стиль общения. На канале YouTube насчитывается около 670 тысяч подписчиков с просмотрами эпизодов до 3 миллионов, в ВКонтакте – около 280 тысяч подписчиков, а в Telegram – около 550 тысяч, что указывает на стабильную популярность и глубокую вовлеченность молодежной аудитории в тематику сюжетов.

«Подкаст № 1» блогера Эльдара Джарахова выпускается преимущественно в видеоформате на YouTube с дополнительным присутствием в ВКонтакте и Telegram. Выпуски построены на обсуждении трендов, лайфстайла как в форме монолога, так и интервью. Контент ориентирован на массовую аудиторию, модус подачи энергичный и развлекательный, что соответствует имиджу ведущего: *Как юмор становится работой, от которой устаешь; Сеанс с психологом, который изменит твою жизнь; Как из пацана прокачаться в мужчину и не стать скуфом*. Стилль – литературный разговорный с элементами сленга. На канале YouTube имеет 4,2 миллиона подписчиков, эпизоды подкаста набирают от 200 тысяч до 2,5 миллиона просмотров, в ВКонтакте – около 516 тысяч подписчиков, а в Telegram – 114 тысяч, что свидетельствует о популярности подкаста.

Анализ демонстрирует, что популярные подкасты блогеров отличаются разнообразием форматов и высоким уровнем вовлеченности аудитории, обусловленным сочетанием развлекательной подачи, качественного исполнения и активного присутствия на популярных платформах. Эти характеристики делают их заметным явлением в молодежной культуре России. «Дневники Лоры Палны» выстроены в формате жанра тру-крайм, предлагая слушателям детальный разбор реальных преступлений с элементами журналистского расследования; в подкасте используется исключительно аудиоформат. Жанровая специфика подкаста «У Холмов Есть Подкаст» также тру-крайм, но с элементами комедии. Подкаст на канале FrameTamer выпускается в формате видеоинтервью. «Подкаст № 1» строится в видеоформате с приглашением гостей для проведения бесед, что усиливает его развлекательный характер.

Причины популярности блогерских подкастов кроются в их развлекательной направленности, адаптации материалов к интересам молодежи и широком использовании видеоконтента, который усиливает визуальное восприятие. Эмоциональная подача и харизма ведущих создают ощущение близости со слушателями, тогда как образовательные подкасты, несмотря на высокое качество контента, часто остаются нишевыми вследствие использования при подаче материала академического подхода и элементов научного стиля.

Таким образом, блогерские подкасты выигрывают за счет разнообразия форматов и доступности, в то время как образовательные проекты сохраняют ценность для целевой аудитории, ориентированной на знания.

Для повышения привлекательности образовательных подкастов на фоне популярных блогерских проектов требуется трансформация преподнесения материала, в том числе языкового. Анализ образовательных подкастов «ЛУЧ», «Учи меня, учи», LomCast и «Аэрозвук», показывает, что их текущие форматы ориентированы преимущественно на студенческую аудиторию, однако недостаточно используют мультимедийные возможности. Интеграция мультимедийных элементов представляет собой перспективное направление для улучшения данных проектов. Переход от аудиоформата, характерного для «ЛУЧ» и «Учи меня, учи», к комбинированному использованию аудио- и видеоконтента, как это

реализовано в LomCast, может повысить визуальную привлекательность подкастов. Добавление видеосоставляющей, например коротких роликов с демонстрацией графиков, схем или интервью в студийной обстановке, позволяет усилить восприятие сложных тем, что особенно важно для образовательного контента. Опыт блогерских подкастов, таких как FrameTamer и «Подкаст № 1», демонстрирует, что видеоконтент значительно увеличивает вовлеченность аудитории благодаря сочетанию аудиовизуальных стимулов, что подтверждает целесообразность предлагаемого подхода.

Еще одним важным решением может стать использование интерактивных форм коммуникации, которые способны сделать образовательные подкасты более динамичными и ориентированными на взаимодействие со слушателями. Текущие проекты вузов, в частности «Аэрозвук» с его свободной беседой, могли бы дать аудитории возможность задавать вопросы ведущим на платформах социальных сетей (Telegram или ВКонтакте) с последующим их обсуждением в выпусках. Интеграция интерактивных элементов речевого взаимодействия, например онлайн-опросов или викторин, доступных через приложения или сайты университетов, позволила бы повысить вовлеченность студентов и создать обратную связь. Подобные подходы успешно применяются в блогерских подкастах. Например, «Джарахов» использует комментарии и другие способы реакции аудитории для формирования контента, что развивает ощущение сопричастности. Внедрение перечисленных коммуникативных форм и инструментов в образовательные подкасты требует минимальных ресурсов, но может существенно улучшить их восприятие молодежью, привыкшей к активному участию в цифровом контенте.

Эффективность образовательных подкастов в значительной степени зависит от их способности адаптироваться к предпочтениям молодежной аудитории, которая активно откликается на динамичный и доступный контент блогерских проектов.

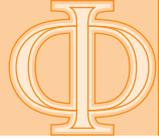
Одной из ключевых контентных стратегий является адаптация языка и стиля подачи к особенностям восприятия студентов и молодых слушателей.

Названные образовательные подкасты, такие как «ЛУЧ» и «Аэрозвук», неизменно демонстрируют профессиональный подход к предмету обсуждения, что ценно для передачи знаний, однако часто соотносено с усложненным изложением; см. например, фрагмент из выпуска подкаста «Луч»:

Даша: Мы хотим немного разобраться в том, что такое русский жестовый язык и по каким принципам он работает. Давай начнем с основ. Как правильно говорить: язык жестов или жестовый язык?

Тоня: Это отличный вопрос, и я хочу вам для начала соврать. Я хочу сказать, что правильно говорить «жестовый язык». Но на самом деле...

В рамках нашей темы правильно говорить «жестовый язык» или «русский жестовый язык», но это два разных понятия. Жестовый язык – это полноценная лингвистическая система. А язык жестов – это язык нашего тела. Это то, что в психологии называют открытой или закрытой позой.

Гости образовательных подкастов, как видно, часто придерживаются наукообразного стиля, что в совокупности с пространными репликами монологического характера снижает их конкурентоспособность в коммуникативном пространстве, занимаемом массовой молодежной аудиторией; показателен в этом отношении фрагмент из подкаста «Аэрозвук»: *Я просто думаю, что сейчас это еще не является **приоритетом** для вас... Ну, как правильнее сказать, чтобы **толерантно** звучало? Это **не приоритет** в ваших поисках информации. Сейчас у вас в **большей степени превалируют мысли** о том, как стать хорошим специалистом, овладеть навыками, а затем устроиться на работу с хорошей зарплатой. Это нормально, так и должно быть. Но на каком-то этапе вы все равно задумаетесь о том, что есть русский народ, что есть русская нация. Мы все **проходим через такие этапы**. Я надеюсь, что даже если студенты не сразу и не все поймут из моих лекций, но, может быть, спустя какое-то время вдруг вспомнятся мои слова. И это поможет им взглянуть на себя со стороны и лишний раз удивиться своей богатой культуре и тому, какой у них духовно богатый народ.*

Сопоставление образовательных подкастов с блогерскими, такими как «Дневники Лоры Палны» и FrameTamer, показывает, что использование разговорной речи, неформального тона и простых примеров эффективно для установления доверительной связи с аудиторией; ср. с предыдущими фрагмент из подкаста «У Холмов Есть Подкаст»: *Я читаю очень **классную** книгу под названием «Алая река», автор – Лис Мур. До этого читала ее «Лесного бога», и концовка мне не понравилась, но понравился ее язык и то, как она сделала персонажа – женщину-копа. Теперь читаю «Алую реку», и она вся про женщину-копа. А еще мне недавно прислали смешной **мем**. Там был скриншот агента Купера и подпись: «Не находите, что агент Купер – это low key пропаганда?» И кто-то ответил: «Да, но не очень удачная, потому что они ничего не раскрыли, никого не поймали, куча народа погибла и сошла с ума за время этого расследования».*

В этом отношении для общего контекста образовательных подкастов могло бы стать полезным сокращение количества сложных для понимания терминов и одновременное освоение элементов разговорного стиля, молодежного сленга или использование актуальных культурных отсылок. Стоит отметить, что «Аэрозвук» частично реализует данный подход, сохраняя при этом образовательную ценность материала:

Ведущая: Не так давно вы были на экскурсии по городу. Какие впечатления вообще от наших достопримечательностей? Может, побывали в интересных местах? Поделитесь, пожалуйста.

*Гость: Знаете, вообще-то я **вроде как** работник музея с 20-летним стажем и полагала, что имею некое представление о музеях, особенно краеведческих. Александра Григорьевна сводила меня в дом-усадьбу Сурикова, а сегодня утром я попала в музей Виктора Астафьева. Мне **дико понравились** эти музеи. Почему? Потому что видно, что коллектив **горит** своей работой. Как музейный работник я вам скажу: если коллектив не **горит** идеей, музей мертвый.*

А вот когда коллектив вкладывается, он всегда находит ресурсы, чтобы сохранить это достояние.

Дополнительным способом повышения популярности образовательного подкаста является включение в его структуру элементов развлекательных жанров. Анализ блогерских проектов «У Холмов Есть Подкаст» и «Джарахов» выявляет успешное использование юмора как фактора удержания внимания слушателей; см. фрагмент из подкаста «Дневники Лоры Палны»: *Потом делом Кристин Смарт заинтересовался Крис Ламберт. Он не частный детектив, не журналист, не подкастер. Просто музыкант. Совершенно обычный человек. Он вспоминал, как однажды проезжал по дороге и увидел баннер: «Разыскивается Кристин Смарт. Вознаграждение такое-то». Почему-то это изображение въелось ему в голову. Когда вся эта история произошла, ему было всего восемь лет, но он запомнил ее на всю жизнь. Спустя годы он решил разобраться и понять, что же тогда случилось. Так появился его подкаст.*

Внедрение развлекательных жанров информативного типа, таких как короткие исторические анекдоты в «ЛУЧе» или интерактивные обсуждения с элементами импровизации в «Аэрозвуке», могло бы существенно оживить контент. Личные истории из FrameTamer вполне сопоставимы с рассказами из студенческой жизни или кейсами из практики преподавателей, которые, с точки зрения авторов статьи, органично вписываются в коммуникативное пространство образовательных подкастов. Такие изменения не только развивают интерес молодежи, но и позволяют ведущим и продюсерам образовательных подкастов учитывать лучшие достижения и стандарты массового контента, используя их эффективно – для сохранения и развития просветительской функции.

Как отмечалось выше, применение интерактивных и диалоговых коммуникативных стратегий для вовлечения слушателей в обсуждение выпуска подкаста является важной составляющей формирования контента. Блогерские подкасты, такие как FrameTamer и «У Холмов Есть Подкаст», успешно используют социальные сети, взаимодействуя с аудиторией посредством комментариев, опросов и прямых эфиров, обеспечивая высокий уровень ее вовлеченности. Образовательные подкасты могут перенять этот опыт, внедряя элементы геймификации, такие как конкурсы среди студентов с призами за лучший вопрос к ведущему или участие в обсуждении. Дополнительно стоит интегрировать подкасты в общее коммуникативное пространство университетов, например через рассылки в студенческих чатах, упоминание на лекциях или новостные порталы, как это уже частично реализует команда подкаста «Учи меня, учи» в ИТМО. Сотрудничество с популярными студенческими сообществами в ВКонтакте или привлечение известных личностей в качестве гостей, подсказанные практикой «Подкаста № 1», также способны повысить интерес к подкастам.

Выводы. В работе проанализированы жанровая специфика образовательных подкастов российских университетов и подкастов блогеров. Анализ показал их ключевые различия и потенциальные направления для развития первых

в условиях современного медиапространства. Редакционные и авторские коллективы образовательных подкастов, ориентированные на аудиторию студентов и сотрудников университетов, производят контент высокого качества, демонстрируют интересные аудио- и видеоформаты, однако стараются держаться в строгих рамках литературного языка, научного стиля и используют традиционный спектр жанров, ориентируясь преимущественно на интервью. Эти самоограничения сдерживают рост популярности образовательных подкастов, при том что харизма ведущих и адаптация к интересам молодой аудитории являются основными факторами успеха блогерских инициатив.

Использование элементов языка молодежной аудитории, разговорной стилистики в сочетании с академической глубиной содержания, как видится, помогут сделать образовательные подкасты более живыми и конкурентоспособными. Развитие образовательных подкастов связано с их интеграцией в цифровую культуру молодежи. Активное внедрение мультимедийных форматов, усиление взаимодействия со слушателями и использование опыта блогерских проектов в перспективе сделают подкасты не только инструментом обучения, но и средством популяризации науки.

Библиографический список

1. Ануфриева Г.В. Подкасты как новая дискурсивная практика русскоязычных масс-медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 10. С. 3197–3201. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220518/>
2. Барашкина Е.А., Горшкова Л.А., Лабутина В.В. Коммуникативные стратегии подкастинга // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 113–121. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-1041
3. Воинова Е.А., Сивякова Е.В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. Российское ежемесячное научно-образовательное издание. 2018. № 12. С. 104–120. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/161481522/> (дата обращения: 30.04.2025).
4. Горошевский А.Н., Ускова С.В. Подкастинг в системе медиакоммуникаций // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню космонавтики: в 3 т. Красноярск: Сибирский гос. ун-т науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2022. Т. 3. С. 803–805. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49965149> (дата обращения: 30.04.2025).
5. Гулегина О.С., Юсупова К.Т. Образовательные подкасты как инструмент повышения квалификации // Медиа. Информация. Коммуникация. 2023. Т. 37, № 2. С. 29–37. URL: <http://mic.org.ru/vyp/37-2/37-2-gulegina.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).
6. Евтюгина А.А., Волкова Л.Е. Подкасты как современные интерактивные аудиоматериалы в обучении русскому языку как иностранному // Новые информационные технологии в образовании и науке. 2020. № 3. С. 48–53. DOI: 10.17853/2587-6910-2020-03-48-53/

7. Ибраимов А.Г. Развитие и классификация подкастов // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2021. № 1 (31). С. 140–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45677815> (дата обращения: 28. 04 2025).
8. Круглова Л.А. Трансформация понятия «подкастинг» в современном медийном пространстве // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. тр. междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2024. С. 218–222. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-3-126-135
9. Манскова Е.А., Манскова Е.Ю. Формирование жанровой системы подкастов: зарубежный и отечественный опыт // Медиаисследования. 2022. № 9. С. 262–270. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49494629> (дата обращения: 30.04.2025).
10. Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Цифровизация языкового образования в контексте современной коммуникативистики на материале видеоподкастов // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. Т. 10, № 4. С. 43–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46470271> (дата обращения: 30.04.2025). DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2021-10-4-43-48>
11. Осипова Н.В., Осипов Л.А. Возможности применения подкастов для развития навыков аудирования и говорения при обучении китайскому языку // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14, № 2–1. С. 32–48. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-2-32-48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53760316> (дата обращения: 20.04.2025).
12. Романенко К.Р., Макарьева А.Ю. Стадитьюб: образовательные блогеры в экосистеме высшего образования // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 4. С. 156–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-156-168
13. Сахарова Е.В. Фадеева А.Д. Подкастинг как инструмент учебной деятельности // Огарев-Online. 2021. № 11 (164). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373747> (дата обращения: 30.04.2025).
14. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.
15. Шутова Е.А. Подкаст: от дефиниции к перспективам исследования // Культура и технологии: электронный мультимедийный журнал. 2023. Т. 8, № 3. С. 152–160. URL: <https://cat.itmo.ru/ru/2023/v8-i3/434> (дата обращения: 30.04.2025).

Сведения об авторах

Ускова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: s_us78@mail.ru

Казаков Даниил Андреевич – студент, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: i@danil-kazakov.ru

PODCAST AS A NEW PHENOMENON OF EDUCATIONAL COMMUNICATION: GENERAL ANALYSIS OF CONTENT, FORM AND ADDRESSEE FACTORS

S.V. Uskova (Krasnoyarsk, Russia)

D.A. Kazakov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the formation of the content of educational podcasts of Russian universities in comparison with popular blogger podcasts. The formats, presentation of material and audience involvement of the projects are analyzed, and the reasons for the limited popularity of educational podcasts and the advantages of blogging initiatives are identified.

The purpose of the article is to identify the specifics of content formation, taking into account the peculiarities of perception of educational podcasts by young people.

The authors reviewed the scientific literature on the areas of podcasting research in Russia: development and classification of podcasts, communication strategies of podcasts, the specifics of the podcast as a new format of public communication and form of content presentation in the digital media environment, the formation of their genre system, the use of the podcast as an educational technology.

Research methods. This work involves comparative analysis, the method of factor analysis of podcast as a speech genre.

As a result of the study, the conclusions were obtained that educational podcasts have high quality content and an academic focus, but are inferior to blogger projects in terms of mass involvement, since the academic style and limited distribution hinder their popularity, while the charisma of the hosts and adaptation to the interests of the audience are the main factors in the success of blogger initiatives.

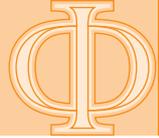
Conclusions. The prospects for the development of educational podcasts are related to their ability to integrate into the digital culture of young people. Further implementation of multimedia formats, increased interaction with listeners and the use of the experience of blogging projects can make university podcasts not only a teaching tool, but also a means of popularizing science among a wide audience.

Keywords: *podcasts, educational podcasts, content, media space, content strategies.*

References

1. Anufrieva G.V. Podcasts as a New Discursive Practice of Russian-Language Mass Media. In: *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues [Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki]*. 2022, 15, 10, 3197–3201. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220518>
2. Barashkina E.A., Gorshkova L.A., Labutina V.V. Communicative Strategies of Podcasting. In: *Znak: Problematic Field of Media Education [Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya]*. 2021, 4 (42), 113–121. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10413

3. Voinova E.A., Sivyakova E.V. Podcast as a New Format of Public Communication in the Digital Media Environment // *Social and Humanitarian Knowledge. Russian monthly scientific and educational publication* [Social'no-gumanitarnye znaniya. Rossijskoe ezheimesyachnoe nauchno-obrazovatel'noe izdanie]. 2018, 12, 104–120. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/161481522/> (accessed 30 April 2025).
4. Goroshevsky, A.N., Uskova S.V. Podcasting in the media communications system. In: *Actual problems of aviation and cosmonautics* [Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki]. 3. Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, 2022, 803–805, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49965149> (accessed 30 April 2025).
5. Gulegina O.S., Yusupova K.T. Educational podcasts as a tool for advanced training. In: *Media. Information. Communication* [Media. Informaciya. Kommunikaciya], 2023, 37, 2, 29–37. URL: <http://mic.org.ru/vyp/37-2/37-2-gulegina.pdf> (accessed 30 April 2025).
6. Evtjugina A.A., Volkova L.E. Podcasts as modern interactive audio materials in teaching Russian as a foreign language. In: *New information technologies in education and science* [Novye informacionnye tekhnologii v obrazovanii i nauke]. 2020, 3, 48–53. DOI:10.17853/2587-6910-2020-03-48-53/
7. Ibraimov A.G. Development and classification of podcasts. In: *Information and computer technologies in economics, education and social sphere* [Informacionno-komp'yuternye tekhnologii v ekonomike, obrazovanii i social'noj sfere]. 2021, 1 (31), 140–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45677815> (accessed: 28 April 2025).
8. Kruglova L.A. Transformation of the concept of “podcasting” in the modern media space. In: *Collection of works of the international scientific and practical conference “Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education”* [Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii “Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya”]. Belgorod, 2024, 218–222. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-3-126-135
9. Manskova E.A., Manskova E.Yu. Formation of the genre system of podcasts: foreign and domestic experience. In: *Media research* [Mediaissledovaniya]. 2022, 9, 262–270. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49494629> (accessed 30 April 2025).
10. Mynyar-Beloručeva A.P., Sergienko P.I. Digitalization of language education in the context of modern communication studies based on video podcasts/ in: *Research and Development. Modern communication studies* [Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika]. 2021, 10. 4, 43–48. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2021-10-4-43-48>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46470271> (accessed 30 April 2025).

11. Osipova N.V., Osipov L.A. Possibilities of using podcasts to develop listening and speaking skills in teaching Chinese. In: *Russian Journal of Education and Psychology [Russian Journal of Education and Psychology]*. 2023, 14, 2-1, 32–48. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-2-32-48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53760316> (accessed 20 April 2025).
12. Romanenko K.R., Makaryeva A.Yu. StudiTube: educational bloggers in the higher education ecosystem. In: *Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]*. 2023, 32. 4, 156–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-156-168
13. Sakharova E.V., Fadeeva A.D. Podcasting as a tool for educational activities. In: *Ogaryov-Online [Ogaryov-Online]*. 2021, 11 (164), URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373747> (accessed 30 April 2025).
14. Shmeleva T.V. Model of speech genre. In.: *Speech genres [Zhanry rechi]*. Saratov, 1997, 88–98.
15. Shutova E.A. Podcast: from definition to research prospects. In: *Culture and technology: electronic multimedia journal [Kul'tura i tekhnologii: elektronnyj mul'timedijnyj zhurnal]*. 2023, 8, 3, 152–160. URL: <https://cat.itmo.ru/ru/2023/v8-i3/434> (accessed 30 April 2025).

About the authors

Uskova, Svetlana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Public Relations, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: s_us78@mail.ru .

Kazakov, Daniil A. – BA Candidate, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: i@danil-kazakov.ru.

УДК 81-272

ИНТЕГРАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В ЛЕКСИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В.В. Ингул (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В современном русском языке наблюдается явная тенденция к избыточному употреблению англоязычной лексики в различных общественных сферах. Значительная часть таких англицизмов, широко распространенных в речевой практике, на данный момент не имеет официальной кодификации в русском языке. Некоторые функционирующие англоязычные заимствования нецелесообразны, поскольку в русском языке уже существуют синонимичные им лексемы исконного происхождения.

Цель статьи – анализ функционирования англицизмов в русском языке и оценка их потенциального вхождения в русскую лексическую систему.

Материалы и методы. Материалом данного исследования являются англицизмы, синонимичные русским лексемам, но при этом активно функционирующие в современном русском языке. В исследовании применяются методы лингвистического, семантического и сравнительного анализа.

Результаты исследования демонстрируют, что англицизация может деформировать лексическую систему русского языка, вытесняя ключевые лексемы. Эти изменения способны трансформировать языковое сознание носителей, что, в свою очередь, может отразиться на их ментальных установках и привести к социальным изменениям.

Выводы. Проведенный анализ свидетельствует о тенденциях избыточного внедрения англицизмов в русский язык. Данные обстоятельства несут в себе потенциальную опасность сохранения культурной идентичности и утрату исторической глубины словарного запаса.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, культурная самобытность, лексическая система, синонимия, языковая идентичность, языковая экспансия, языковой менталитет.

Постановка проблемы. Процесс заимствования иноязычной лексики представляет собой неотъемлемую составляющую языкового развития, отражающего динамику культурных, экономических и социальных изменений. В историческом ракурсе русский язык демонстрирует значительный пласт лексических заимствований из французского, итальянского, греческого, латинского и многих других языков, которые восполняли лакуны в понятийно-семантическом арсенале, принося новые концептуальные и коннотативные оттенки. Наследием данных процессов является множество уже привычных для русского языка лексем: *салон* (франц.), *кавалер* (итал.), *суши* (яп.), *трибуна* (исп.), *эмбарго* (исп.) *тотем* (инд.), *атмосфера* (греч.), *талант* (лат.), *кнут* (сканд.) и многие другие.

Современный этап языкового развития характеризуется явлением англицизации русского языка: «Взаимовлияние культур и соответствующих языков может быть неравновесным, когда та или иная культура начинает оказывать преимущественное влияние в силу экономического статуса, языковой экспансии или, как следствие, определенной языковой политики» [Енбаева, Сажина, 2016, с. 44]. В данном контексте можно выделить два основных типа таких заимствований.

1. Слова, призванные номинировать новые реалии, предметы и концепты, для которых в русском языковом фонде отсутствовали эквивалентные лексические средства. Использование подобных англицизмов представляется оправданным и отвечающим актуальным потребностям языкового развития.

2. Заимствования, семантически дублирующие уже существующие в русском языке лексемы. Внедрение таких слов в речевой оборот следует признать избыточным, поскольку оно затрудняет понимание высказываний, размывает семантические границы исконных русских слов и нарушает их ассоциативные связи.

Обзор научной литературы. Автор опирается на работы ведущих лингвистов. Ряд ученых, среди которых В.В. Колесов и А.Д. Васильев, указывают на опасность чрезмерной англицизации бытовой лексики русского языка. Подобные тенденции, по мнению исследователей, производят негативное влияние на языковую идентичность и культурную самобытность русскоязычного социума. Аналогичная точка зрения представлена в работах других ученых, отмечающих неравновесный характер взаимовлияния культур и языков, когда одна культура начинает оказывать преимущественное влияние, в том числе посредством языковой экспансии, на другую. Согласно концепции В.В. Колесова, язык является основой, формирующей специфику мировоззрения и системы ценностей этноса. Э. Сепир придерживается позиции, что культурное и языковое доминирование одной страны над другими способно порождать устойчивые стереотипы престижности доминирующей культуры.

Активная экспансия англицизмов даже в тех случаях, когда в русском языке имеются адекватные синонимичные средства, обусловлена рядом социокультурных факторов. Прежде всего это формирование устойчивого стереотипа о большей престижности и современности «западного», что порождает предпочтение иноязычных наименований перед исконно русскими. Э. Сепир отмечал: «Самый простой вид влияния, оказываемого одним языком на другой, сводится к “заимствованию» слов” [Сепир, 1993, с. 174].

Процессы англицизации бытовой лексики русского языка несут в себе потенциальную угрозу вытеснения базовых русских слов и нарушения гармонического баланса между формальной и содержательной составляющими языковых единиц. Это может привести к снижению выразительности, коммуникативной эффективности и смысловой прозрачности русского языка, а также к трансформации ментальных установок и ценностных ориентиров его носителей: «Мы говорим о народной русской ментальности, которая сегодня многократно перекрыта давлением извне, влияниями и заимствованиями внешних форм; это привело

к некоторому искажению коренного свойства “русскости”, но главное – к частому отходу от внутренней логики собственного развития» [Колесов, 2006, с. 3]. В долгосрочной перспективе данные тенденции способны оказывать негативное влияние на языковую идентичность и культурную самобытность русскоязычного социума: «Следует обратить внимание на социокультурные импульсы, которые несут в себе многие заимствования, – и их вряд ли можно назвать благодетельными для принимающего этносоциума» [Васильев, 2022, с. 46].

Данный процесс можно рассматривать в контексте понятия «языковой менталитет». В соответствии с концепцией В.В. Колесова, менталитет и культура представляют собой разные уровни общественного сознания этноса, при этом язык выступает основой, формирующей специфику мировоззрения и системы ценностей. Следовательно, изменения в русском языке под влиянием английского способны вызывать трансформации русского менталитета. Показателем данного воздействия является прочность укоренения англицизмов в русском языке. Многие из них перешли из профессиональной в общеупотребительную сферу. Очевиден феномен транслингвальности – смешение и переключение языковых кодов, гибридизация языков: «Современный процесс заимствования из английского отличается не только распространенностью в российском обществе, но и беспорядочностью внедряемых в повседневный обиход англицизмов. Мы имеем дело с новообразованиями, которые, подобно нефтяным пятнам на поверхности воды, способны сделать воду непригодной для использования, при этом не превращая ее в нефть» [Бойко, 2014, с. 32].

Материалы и методы. Материалом для анализа выступают англицизмы, активно используемые в современном русском языке. Эти лексемы, как правило, синонимичны традиционным русским словам, что вызывает вопрос о целесообразности их применения. Использование таких лексем затрудняет понимание и угрожает уникальности родного языка. Методы, применяемые в данном исследовании, включают лингвистический, семантический и сравнительный анализ, что позволяет выявить стилистические особенности англицизмов, а также их интеграцию в русскую языковую систему. Исследование концентрируется на значении слов и их синонимичных русских аналогах. Сравнительный анализ направлен на изучение различий и сходств между англицизмами и их русскими эквивалентами.

Цель статьи заключается в анализе функционирования англицизмов в русском языке и в оценке их потенциального вхождения в русскую лексическую систему.

Результаты исследования. Нами рассмотрены особенности функционирования активно функционирующих англицизмов, образующих широкий синонимический ряд с эквивалентами русского языка. Анализируется их влияние на лексический состав языка и процессы подмены ключевых лексем. Для анализа избраны англицизмы с высокой частотой их употребления в публицистическом дискурсе как сфере, наиболее чутко реагирующей на инновации в языке.

1. Мануал.

Лексема *мануал* представляет собой англоязычный заимствованный элемент, прочно укоренившийся в русскоязычном лексическом пространстве и функционирующий в трех основных семантических значениях. *Во-первых*, данное слово применяется для номинации специалистов, практикующих мануальную терапию. *Во-вторых*, оно используется в отношении клавиатурного механизма органа. Наконец, в языке-источнике, согласно англо-русскому словарю Мюллера, *manual* толкуется как *руководство, наставление, справочник, указатель, учебник*. Синонимичные эквиваленты в русском языке: *руководство, пособие, справочник, инструкции, учебник, учебное руководство, наставление*.

В рамках деривационных процессов следует отметить просторечное существительное *мануалка*, образованное с помощью суффикса *-к-*. Примеры употребления *мануал* в значении *руководство* можно обнаружить в приведенных ниже дискурсивных практиках: в специальной литературе: «В основе *мануала* лежит реальный опыт привлечения новых постоянных клиентов на услуги для бизнеса, не имея опыта и бюджета»¹; «В этом мануале я собрал все свои знания в области филологии, лингвистики и непосредственно писательства»²; в средствах массовой информации, например в заголовках СМИ: «USER MANUAL [РУКОВОДСТВО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ]»³; «Восточный *мануал* отца Фомы»⁴.

Анализ данной лексемы демонстрирует ее активное интегрирование в русскоязычное пространство. Производное существительное *мануалка* указывает на процессы ассимиляции посредством деривации и словообразования, характерные для русского языка, где суффиксация служит средством создания новых лексических единиц. Использование подобных производных форм лишь усугубляет проблему, создавая дополнительные слои заимствованной лексики. Наличие разветвленной синонимической парадигмы подтверждает адаптацию и осмысленное использование данного термина в различных дискурсивных практиках. Это создает ситуацию, когда русскоязычные носители начинают использовать англоязычные термины вместо традиционных русских слов.

2. Эйчар (HR).

Другим примером англоязычного заимствования, является аббревиатура *HR* (*эйчар*), восходящая к английскому словосочетанию *Human Resources* (человеческие ресурсы). Данный термин обозначает сотрудников кадровых служб, менеджеров по управлению персоналом.

¹ Тутынин И.Д. Как найти B2B клиентов на постоянку фрилансеру без бюджета. ЛитРес: Самиздат, 2020. С. 3.

² Атаманов Н.В. Мануал Писателя // Ridero. 2020. С. 2.

³ Гордон Б. USER MANUAL [РУКОВОДСТВО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ] // Коммерсантъ. 2001. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2288622> (дата обращения: 24.01.2025).

⁴ Войтенко А. Восточный мануал отца Фомы // Независимая газета. 2000. URL: https://www.ng.ru/religion/2000-07-13/4_manual.html (дата обращения: 24.01.2025).

Значение в языке-источнике: human resources – сокр. HR упр., эк. тр. персонал; трудовые [человеческие, людские] ресурсы (совокупность работников на предприятии или в организации; иногда используется для обозначения рабочей силы в отрасли, регионе, стране и т.п.; выражение образовано по аналогии с material resources или capital resources) человеческие (трудовые) ресурсы⁵.

Упоминание аббревиатуры HR встречается в Словаре современной лексики, жаргона и сленга: HR (сокращение от англ. Human Resources, буквально человеческие ресурсы, произносится эйч ар) – название корпоративных служб, занимающихся подбором и оценкой персонала, также эйч арами модно называть кадровиков⁶.

В качестве синонимичных эквивалентов в русском языке выступают слова *кадровик*, *человеческий ресурс*.

Грамматические изменения слова *эйчар* также нашли отражение в языке, неизменяемое производное от аббревиатуры в русском языке изменяется по числам и падежам: форма *эйчары* в профессиональном жаргоне обозначает *работников кадровой службы*, *кадровиков*.

Примеры употребления в специальной литературе: «Поймите боль *эйчара*, который должен найти подходящего человека на данную вакансию»⁷;

в СМИ: «Топ-10 странных собеседований. HR – о самых необычных кандидатах на работу»⁸; «Корпоративный конкурс “Лучший HR ТМК” проходит с 2022 года»⁹. – Из примеров видно, что аббревиатура и производное эйчар употребляются как абсолютные синонимы.

Кроме того, в объявлениях о вакансиях можно встретить описание *обязанностей эйчаров*, призванных подбирать персонал, мобилизовывать человеческие ресурсы и формировать продуктивную атмосферу в организации.

Анализ термина *эйчар* демонстрирует образование форм слова, таких как *эйчары*, а также его грамматическую изменяемость, что свидетельствует о его значительной освоенности в определенных сферах русского языка. Слово *эйчар* становится не только элементом корпоративной культуры, но и индикатором изменений в языке, отражающим современную социально-экономическую реальность. Использование подобных заимствований может снизить понимание

⁵ Англо-русский экономический словарь. URL: https://economy_en_ru.academic.ru (дата обращения: 24.01.2025).

⁶ Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: <http://argo.academic.ru> (дата обращения: 24.01.2025).

⁷ Иманов Г.М. Я руководитель! Секреты топ-менеджеров // Бомбора. 2023. С. 23.

⁸ Герасимова Н. Топ-10 странных собеседований. HR – о самых необычных кандидатах на работу // Аргументы и факты. 2021. URL: https://aif.ru/money/business/top-10_strannyh_sobesedovaniy_hr_o_samyh_neobychnyh_kandidatah_na_rabotu (дата обращения: 24.01.2025).

⁹ ТМК назвала лучших HR-специалистов по итогам корпоративного конкурса // Ведомости. 2024. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/05/27/tmk-nazvala-luchshih-hr-spetsialistov-po-itogam-korporativnogo-konkursa (дата обращения: 24.01.2025).

среди широкой аудитории, не знакомой с англоязычными сокращениями. Кроме того, распространение таких слов в профессиональной среде формирует тенденцию к уменьшению употребления традиционных русских эквивалентов, таких как *кадровик*.

3. Клининг.

Следующая лексема, укоренившаяся в русском языковом обиходе, – *клининг* – «профессиональная уборка, очистка помещений и территорий». В англо-русском словаре Мюллера: *cleaning* толкуется как *чистка, уборка, очистка*¹⁰. В качестве синонимичных эквивалентов в разговорной речи применяются такие слова, как *профессиональная уборка, очистка, чистка, мытье*. Среди дериватов можно выделить существительные *клинер* и *клинингер* – специалисты, осуществляющие уборку, а также сложное существительное *клининг-оператор*. Кроме того, от данной лексемы образовано прилагательное *клининговый*.

Примеры употребления слова *клининг* в рекламе: «Когда нужен профессиональный *клининг*? Профессиональный *клининг* – весьма востребованная в Санкт-Петербурге и Ленинградской области услуга. Все большее число владельцев разнотипных помещений предпочитают не тратить время на швабры и пылесосы, а сразу доверить этот непростой процесс специалистам»¹¹; в названии организации: «Аннушка – *клининговая* компания в Москве. Уборка квартир, домов, офисов»¹².

Распространение термина в СМИ и названиях организаций, оказывающих соответствующие услуги, приводит к уменьшению использования традиционных русских эквивалентов, таких как *уборка* или *чистка*.

4. Комьюнити.

Заемствованный элемент, прочно вошедший в русский языковой обиход, – *комьюнити* – «сообщество, объединение людей по общим интересам или признакам».

Согласно англо-русскому словарю Мюллера, значение слова *комьюнити* трактуется как «местность, населенный пункт, округа, микрорайон, жители микрорайона, группа лиц, объединение, сообщество, общность»¹³. В качестве синонимичных эквивалентов в русском языке выступают такие лексемы, как *сообщество, община, население, общественность, коммуна, объединение, круг*.

Что касается деривационного потенциала, то здесь следует отметить целый ряд сложных существительных, отражающих различные сферы объединения людей: *комьюнити-журналистика, комьюнити-менеджер, комьюнити-радио, комьюнити-агентство*.

¹⁰ Мюллер В.К. Полный англо-русский, русско-английский словарь: 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.

¹¹ Когда нужен профессиональный клининг? // Аргументы и факты, 2020. URL: https://spb.aif.ru/society/people/kogda_nuzhen_professionalnyu_klining (дата обращения: 24.01.2025).

¹² Аннушка. Волшебная уборка. 2025. URL: <https://annushka.su/> (дата обращения: 24.01.2025)

¹³ Мюллер В.К. Полный англо-русский, русско-английский словарь: 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.

Примеры использования слова *комьюнити* в специальной литературе: «Я уверена, что именно благодаря садхане наше комьюнити объединяется с более крепкой силой»¹⁴. Нередки случаи употребления в названиях городских сооружений: «*Комьюнити* стейдж»¹⁵ открылся в 2017 году, неожиданно театральный проект придумал ресторан Community Moscow. Заведение позиционирует себя мультижанровым»¹⁶.

Примеры из СМИ: «Что такое *комьюнити* двора? В последнее время некоторые строительные компании раскручивают идею создания *комьюнити* – сообщества жильцов. Реально ли это воплотить, когда в многоэтажку вселяются сотни чужих друг другу людей, не имеющих общих интересов? ...Примеры нестандартного наполнения *комьюнити* двора: амфитеатр под открытым небом для просмотра фильмов, зона барбекю, зеленая зона для занятий йогой, воркаут-зона и т.д.»¹⁷.

Примеры употребления термина *комьюнити* демонстрируют его адаптацию в русском языке как заимствованного элемента и синонимичность с такими лексемами, как *сообщество* и *объединение*. Несмотря на их наличие, термин *комьюнити* становится все более популярным, что может привести к вытеснению традиционных русских слов из обихода. Деривационные процессы, связанные с термином, также вызывают беспокойство: появление таких сочетаний, как *комьюнити-менеджер* или *комьюнити-журналистика*, лишь усугубляет ситуацию, создавая новые слои заимствованной лексики.

5. *Сити-менеджер*.

Согласно Новому большому англо-русскому словарю (НБАРС), термин *сити-менеджер* в языке-источнике трактуется как «управляющий городом» (невыборное должностное лицо). В качестве синонимичных эквивалентов в русском языке выступают слова: *глава администрации* и *городской управляющий*.

Примеры использования слова *сити-менеджер* демонстрируют его применение в контекстах, связанных с городским управлением, что подтверждается употреблением в специальной литературе: «Во второй части анализируются субъекты управления – городские власти (законодательные и исполнительные структуры, глава города и *сити-менеджер*) и население»¹⁸;

в заголовках средств массовой информации можно встретить следующую информацию: «Новый *сити-менеджер* озвучил планы по развитию Ростова-на-Дону»¹⁹; «*Сити-менеджер* Уфы попал в топ-5 глав столиц ПФО по упоминаемости в СМИ»²⁰.

¹⁴ Белолопапенко А.Ю. ДНК твоего сознания. Генные ключи и медитация. М.: Эксмо. 2023. С. 12.

¹⁵ Употребляется в значении сцена (stage).

¹⁶ Яндекс Афиша. 2025. URL: <https://afisha.yandex.ru/moscow/theatre/places/community-moscow> (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁷ Пыжьянова К. Что такое комьюнити двора? // Аргументы и факты. 2019. URL: https://ural.aif.ru/realty/chto_takoe_komyuniti_dvora (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁸ Заборова Е.Н. Городское управление: учеб. пособие / науч. ред. Ю.Р. Вишневский. Екатеринбург: изд.-во Урал. ун-та, 2014. С. 6.

¹⁹ Шиляева А. Новый сити-менеджер озвучил планы по развитию Ростова-на-Дону // Комсомольская правда. 2021. URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/28345/4491564> (дата обращения: 24.01.2025).

Употребление термина может вызывать недопонимание среди широкой аудитории, не знакомой с английским языком. Замена традиционных терминов, таких как *глава администрации, городской управляющий* или *мэр*, на англоязычный эквивалент подчеркивает влияние западной культуры на языковое сознание носителей русского языка.

Выводы. В результате анализа рассмотренных в статье англицизмов выявлено, что данные слова переживают в русском языке процесс адаптации, это следует из их грамматической изменчивости по законам русской грамматики, словообразования и их активного употребления в специальной литературе и СМИ.

Сфера их функционирования ограничена, но очевидно их воздействие на языковое сознание русскоязычного социума. В специальной литературе и СМИ наблюдается предпочтительное употребление иноязычного слова, а не его русского эквивалента.

Считаем внедрение англицизмов искусственным, избыточным, что обусловлено наличием русских синонимов, приведенных в анализе, поскольку влечет негативные последствия англицизации базовой лексики русского языка.

Заключение. Современные процессы англицизации базовой лексики русского языка являются объективным следствием глобализации и доминирования американской массовой культуры. Вместе с тем злоупотребление заимствованиями там, где в русском языке имеются адекватные средства выражения, свидетельствует о тенденции к языковой моде и престижности иноязычной лексики: «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном»²¹. Данная ситуация требует пристального внимания лингвистов и разработки новых научно обоснованных рекомендаций по регулированию процессов заимствования с целью сохранения самобытности и выразительности русского языка, являющегося важнейшим компонентом национальной культуры.⁵

Список источников и словарей

1. Англо-русский экономический словарь URL: https://economy_en_ru.academic.ru (дата обращения: 24.01.2025).
2. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В и др. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т.: около 250 000 слов = New English-Russian dictionary / под общ. рук. Э.М. Медниковой, Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993. Т. 1: А–Ф. 832 с.
3. Мюллер В.К. Полный англо-русский, русско-английский словарь: 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.
4. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: <http://argo.academic.ru> (дата обращения: 24.01.2025).

²⁰ Иванова М. Сити-менеджер Уфы попал в топ-5 глав столиц ПФО по упоминаемости в СМИ // Коммерсантъ. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5605452> (дата обращения: 24.01.2025).

²¹ Чехов А.П. Свадьба. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/text/svadba-scena.htm> (дата обращения: 24.01.2025).

Библиографический список

1. Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 32–43.
2. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: монография: в 2 т. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020.
3. Васильев А.Д. Модное слово: инновация или реактуализация? // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). С. 4–13.
4. Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 40–50.
5. Васильев А.Д. Превращение слов. Современные лексико-семантические процессы: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. 316 с.
6. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
7. Енбаева Л.В., Сажина О.Д. Англицизмы в публицистике // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2016. № 12. С. 44–47.
8. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 240 с.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
10. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Кибрика. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с.

Сведения об авторе

Ингул Виктор Васильевич – старший преподаватель кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: takmak@mail.ru

INTEGRATION OF ANGLICISMS INTO THE LEXICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE: TRENDS AND POTENTIAL EFFECTS

V.V. Ingul (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In modern Russian, there is a clear tendency towards excessive use of English-language vocabulary in various public spheres. A significant part of such Anglicisms, which are widely used in speech practice, currently have no official codification in Russian. A number of applied English-language borrowings are unreasonable, since synonymous lexemes of native origin already exist in the Russian language.

The purpose of the article is to analyze the functioning of Anglicisms in the Russian language and assess their potential entry into the Russian lexical system.

Methodology (materials and methods). The research material includes Anglicisms, which are synonymous with Russian lexemes, but at the same time they are actively functioning in the modern Russian language. The research involves methods of linguistic, semantic and comparative analysis.

Research results indicate that the processes of Anglicization can lead to deformation of the lexical system of the Russian language, displacing fundamental lexemes from it. These processes can contribute to the transformation of native speakers' linguistic consciousness, which will undoubtedly affect their mental attitudes and may lead to certain social changes.

Keywords: *Anglicisms, borrowings, cultural identity, lexical system, synonymy, linguistic identity, linguistic expansion, linguistic mentality.*

List of sources and dictionaries

1. Anglo-russkij ekonomicheskij slovar' [English-Russian Economic Dictionary]. Available at: https://economy_en_ru.academic.ru (accessed 17 April 2025).
2. Apresyan Yu.D., Mednikova E.M., Petrova A.V. i dr. *Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar': v 3 t. Okolo 250 000 slov = New English-Russian dictionary [New large English-Russian dictionary: in 3 volumes. About 250,000 words = New English-Russian dictionary]*. Moscow, 1993, 832 p.
3. Myuller V.K. *Polnyj anglo-russkij, russko-anglijskij slovar': 300 000 slov i vyr-azhenij [Complete English-Russian, Russian-English dictionary: 300,000 words and expressions]*. Moscow, 2013, 1328 p.
4. *Slovar' sovremennoj leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of modern vocabulary, jargon and slang]*. Available at: <http://argo.academic.ru> (accessed 17 April 2025).

References

1. Bojko S.A. *Anglicizmy v sovremennom russkom yazyke: lingvoekologicheskij aspekt [Anglicisms in modern Russian: linguoecological aspect]*. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika [Ecology of language and communicative practice]*. Krasnoyarsk, 2014, 2, 32–43.

2. Vasiliev A.D. *Variativnye vyrazheniia universal'nykh oppozitsii* [Variable expressions of universal oppositions]. Krasnoyarsk, 2020. 300 p.
3. Vasil'ev A.D. *Modnoe Slovo: innovaciya ili reaktualizaciya?* [Buzzword: innovation or reactualization?]. In: *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum]. Krasnoyarsk, 2020, 4 (12), 4–13.
4. Vasil'ev A.D. *Neskromnoe obayanie anglicizmov: magnetizm temnyh slov* [The immodest charm of anglicisms: the magnetism of dark words]. In: *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum]. Krasnoyarsk, 2022, 1 (18), 40–50.
5. Vasil'ev A.D. *Prevrashchenie slov. Sovremennye leksiko-semanticheskie process* [The transformation of words. Modern lexical and semantic processes]. Krasnoyarsk, 2019, 316 p.
6. Gumbol'dt fon V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Humboldt von V. Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 2000, 400 p.
7. Enbaeva L.V., Sazhina O.D. *Anglicizmy v publicistike* [Anglicisms in journalism]. In: *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages]. Permian, 2016, 12, 44–47.
8. Kolesov V.V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St., 2006, 240 p.
9. Kolesov V.V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality], St., 2004, 240 p.
10. Radbil' T.B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta* [The basics of learning the language mentality]. Moscow, 2010, 328 p.
11. Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, 1993, 656 p.

About the author

Ingul, Viktor V. – Senior Lecturer, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: takmak@mail.ru

УДК 821.112.2.01

ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ФРАГМЕНТА К КОЛЛАЖУ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПЬЕСАХ О СТАНОВЛЕНИИ ГЕРОЯ XIX–XXI ВВ.

Я.О. Шибельбайн (Челябинск, Россия)

Н.Э. Сейбель (Челябинск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Процессы деконструкции сюжета начались в немецкой и австрийской драматургии в эпоху романтизма. К концу XX – началу XXI в. драма приобрела коллажную структуру.

Цель статьи – на материале анализа драм Э. Бауэрнфельда «Республика животных» (1848), Ф. Верфеля «Человек из зеркала» (1920) и Ф. Катера «Время любить, время умирать» (2002), объединенных проблемой становления молодого героя, выявить отличия фрагментарной и коллажной драмы.

Обзор научной литературы показывает, что хотя эстетика фрагмента в литературе описывается в работах М. Бланшо, К. Лавуа, И. Лиссе и Ж.-М. Лашо, жанровая природа коллажной драмы представляет важную и недостаточно изученную литературоведческую проблему.

Актуальность исследования определяется интересом отечественного литературоведения к сложным жанровым образованиям и синтезу разнородных художественных тенденций внутри одного текста.

Методология. В работе использованы жанровый, сравнительно-типологический и герменевтический методы исследования.

Результаты исследования. В статье определяется, что становление юного героя-энтузиаста является в австрийской и немецкой драме сквозным сюжетом, предопределяющим фрагментацию и уход от предпочтительной в драматургии линейности. Если на ранних этапах драматургический текст распадается на фрагменты за счет карнавализации, интермедий и умолчания, то на рубеже XX–XXI вв. коллажная драма формируется за счет появления в ней типичного для эпоса повествователя с выраженной нарративной позицией, организующего и сталкивающего различные временные повествовательные пласты.

Ключевые слова: коллаж, фрагмент, коллажная драма, немецкая и австрийская драматургия, Э. Бауэрнфельд, Ф. Верфель, Ф. Катер, сюжет, жанр.

Постановка проблемы. Говоря о деконструкции линейного сюжета в современной драме как о необходимом и значимом процессе, классик немецкого театра XX в. Хайнер Мюллер писал: «Фрагментаризация подчеркивает, что действие – это процесс... делает отражение полем эксперимента, в котором может соучаствовать публика»¹. Именно в его письмах и интервью впервые появилась мысль о том, что будущее драмы – за коллажем, что соединение

¹ Мюллер Х. Проза. Драммы. Эссе. Диалоги: сб: пер. с нем. / сост., автор предисл. и коммент. В.Ф. Колязин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 416.

разнообразных по фабуле, хронотопу, форме и стилю сегментов в совокупности выстраивает перед зрителем наиболее полную картину современности. В то же время немецкий театр знал разрозненность и сегментированность еще в XIX в.: Ф. Раймунд «Расточитель» (1834), Г. Бюхнер «Войцек» (1837), Э. Бауэрнфельд «Республика животных» (1848). Сравнение фрагментарной драмы романтиков с тем, как эволюционировала фрагментарность в XX в., дает возможность показать специфические черты коллажной драмы в их становлении.

Цель статьи – выстроить логику преемственности авторов, обращающихся к проблеме становления личности, показывающих путь формирования характера и системы ценностей молодого героя, полного притязаний на славу, успех, желая переустроить мир. На материале анализа драм Эдуарда Бауэрнфельда «Республика животных» (*Die Republik der Thiere*, 1848), Франца Верфеля «Человек из зеркала. Магическая трилогия» (*Spiegelmensch. Magische Trilogie*, 1920) и Фрица Катера «Время любить, время умирать» (*Zeit zu lieben zeit zu sterben*, 2002) необходимо показать, как фрагментарность усложняется, превращаясь в коллаж.

Обзор научной литературы по проблеме. Важное место в исследовании истории фрагмента и фрагментарности в литературных произведениях занимают работы М. Бланшо [Бланшо, 2003], К. Лавуа «Чтение фрагмента: литературный анализ и приемы» [Lavoie, 2008], И. Лиссе «Парадокс фрагмента» [Lisse, 2015], Ж.-М. Лашо «Коллаж/Монтаж» [Лашо, 1999]. Основное внимание исследователей сосредоточено на фрагментарности эпических текстов. Последовательно поднимаются вопросы происхождения фрагмента, специфики его построения, особенностей той картины мира, которую он формирует. Анализируется процесс «превращения в руины» большой повествовательной формы [Смирнова, 2021, с. 37] ради обновления видения мира и соотношение «эффекта первичности» линейного повествования с разрозненностью отрывков в их воздействии на читателя [De Vooght, Nemegeer, 2021, p. 362]. Обсуждаются проблемы завершенности/открытости (неполноты) смысла фрагмента, разрывности/связности (цикличности) фрагментарного текста, диалогичности и диалектичности фрагмента.

Близость понятий «фрагментарный текст», «цикл», «монтажный» и «коллажный» текст требует комментариев тем больше, чем больше драма как литературный род сопротивляется прерывистости и непоследовательности, ориентируясь на «телеологическое единство... цели и результата» [Фрумкин, 2020, с. 50]. К драматургии термин «коллаж» достаточно долго применялся либо как авторская метафора (например, Г. Аполлинер использует его в отношении своей пьесы «Грудь Терезия» в 1903 г.), либо как форма определения какого-то из элементов поэтики (сюжета, построения персонажа, использованных автором документальных источников и т.д.). Например, И.О. Чистюхин выделяет несколько видов композиций драмы, среди которых: «Коллажная – одна из наиболее сложных композиций, но и самых интересных» [Чистюхин, 2021, с. 87].

Синтетизм, спонтанность, антииерархизм, «следы склейки» (нарочитое присутствие автора), перекодирование смыслов каждого фрагмента в контексте целого – те базовые свойства коллажа, которые описываются в исследовательской литературе.

Новизна статьи заключается в том, что теория коллажа применена к драме, рассматриваются фрагментарные пьесы в эволюции и становлении коллажной драмы, на основе использования жанрового, сравнительно-типологического и герменевтического *методов* исследования делаются выводы о специфике современной немецкой коллажной драмы.

Результаты исследования. Становление юного героя – одна из ведущих тем немецкой и немецкоязычной литературы, воплощающей «классическую педагогическую концепцию гармоничного, общегуманистического образования» [Selbmann, 1994, S. 11–12]. *Entwicklungsroman*, начиная с Гете, стал одним из ведущих жанров немецкой литературы, развиваясь в соприкосновении, отталкивании и отражении с родственным ему *Bildungsroman*'ом [Balmer, 2011]. Романтики и авторы бидермайера активно разрабатывают образовательный сюжет в эпосе (Л. Тик «Странствия Франца Штернбальда», А. Штифтер «Бабье лето», Г. Келлер «Зеленый Генрих»), экспрессионисты переносят его в драму, создавая так называемую *Stationendram*'у – драму пути, или драму состояний (Р. Зорге «Нищий», Г. Кайзер «Ад – Путь – Земля»). Пьесы Э. Бауэрнфельда «Республика животных», Ф. Верфеля «Человек из зеркала» и Ф. Катера «Время любить, время умирать» представляют три среза времени и три разных концепции человека, проходящего, однако, сходный путь в, что важнее для данного исследования, сходным образом организованной сценической реальности.

Перенос в драматургию сюжет романа воспитания, авторы неизбежно переносят и его фрагментарность: путь становления героя – это путь столкновения с различными людьми и событиями, получения опыта в разнообразных ситуациях, встреч и расставаний. Соответственно, сюжет «воспитания» складывается из множества разрозненных отрывков, объединенных фигурой героя и теми изменениями, которые формируют его личность.

В анализируемых пьесах возникает «классический репертуар» воспитательного сюжета. Выбор между призванием поэта и служением революции связывает пьесу Бауэрнфельда с традицией романов Гете, Тика и Новалиса. Конфликт с отцом, предательство в любви, испытание славой проходит герой в драме Верфеля. Потеря друга, опыт первой влюбленности, крушение юношеских надежд – узнаваемые этапы взросления в драматургическом коллаже Катера.

Перенесение центра внимания с поворотного события на нравственно-аксиологическую трансформацию героя под воздействием меняющейся вокруг него ситуации приводит к тому, что герой и эпоха начинают занимать в драматургическом тексте равное место. Драма теряет центростремительность и становится текстом о времени, о нравах, об историческом моменте.

Так, пьеса Э. Бауэрнфельда «Республика животных» представляет собой животную аллегорию, в 15 сценах-фрагментах, отражающую революцию 1848 г., гибель и реставрацию старого мира. Драматическая притча «Человек из зеркала» Ф. Верфеля – концентрат впечатлений автора 1915–1920 гг.: Восточный фронт Первой мировой войны, революционные беспорядки в Вене (1918), разочарование и крушение надежд – состоит из трех частей, каждая из которых, в свою очередь, тоже фрагментарна («Зеркало», «Одно за другое», «Окно»), и эпилога. Коллаж Катера – попытка подвести итоги объединения Германии в трех состоящих из фрагментов частях (29 фрагментов пьесы «Юность/хор», 19 сцен пьесы «Старый фильм/группа» и примерно 20 не разграниченных автором сцен пьесы «Одна любовь – два человека»).

Уникальность драматургической «распадающейся» структуры проявляется в том, что умолчание уравнивает в значимости сценические и внесценические события и дает возможность «развернуть» сюжет относительно не одного, а нескольких героев. Таким образом, существенно возрастает роль режиссера, театр получает значительную свободу трактовки.

Например, система разрывов и умолчаний в «Республике животных» позволяет прочитать пьесу Бауэрнфельда как, во-первых, историю предательства революции, выводя на первый план аристократа-Лиса, продавшего Родину иностранным захватчикам и приведшего войска Дракона, или революционера-Бульдога, стремящегося к единоличному правлению вместо парламента. Они выступают двойниками. Оба несут идею насилия. Через них автор «выражает, среди прочего, свои опасения, что народное недовольство может даже перерасти в разгул анархии или... опасное господство террора» [Lajarrige, 2008, S. 162]; (перевод наш. – Я.Ш., Н.С.). Во-вторых, как отражение гибели старого мира в лице Льва, усыпленного в начале пьесы благостными докладами. Спустя сцену зритель видит его уже в народном собрании, где ему выносят смертельный приговор, а затем наблюдает грусть фермеров, хоронящих своего короля «ohne Sang und Klang zu Grabe»² («без песнопений и колоколов – в могилу»; перевод наш. – Я.Ш., Н.С.). Разрозненные фрагменты показывают зрителю лишь отрывки истории, на сцене герой проживает моменты максимальной опасности, напряжения или удивления. Наконец, в-третьих, пьеса рассказывает историю Соловья – энтузиаста-мечтателя, наделенного талантом, самоотверженностью. Судьбы Льва и Соловья в равной мере показывают, насколько трагической считает автор фигуру правителя, оказавшегося в центре народного волнения.

Однако именно сюжет формирования характера Соловья выражен наиболее последовательно. Герой проходит через отречение: от стихов, от желания власти и славы. Он пытается отстаивать справедливые и гуманные законы (его первый указ – отмена смертной казни – не был отправлен секретарем в типографию).

² Бауэрнфельд Э. Республика животных. Bauernfeld E. Die Republik der Thiere. Wien: Wilhelm Braumüller k. k. Hof- und Universitätsbuchhändler, 1872. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/bauernf/republik/republik.html> (дата обращения: 20.04.2025).

Он становится оратором и мастером манифестов, а пав жертвой интриг, гордо восходит на гильотину.

Его потрясает спор с королем о том, что важнее: быть властителем или быть гражданином. Соловья впечатляют уверенность Льва, его осознание долга перед страной и народом, ощущение связи с мировым порядком и гармонией. Он получает грандиозный опыт, усмирив народное волнение, и гордо заявляет о сути того, чему служил:

Doch reut mich nicht der Traum, der holde Wahn,
 Ein Vorbild gab ich deß, was kommen werde;
 Die Zeit ist noch nicht da, allein im Nah'n,
 Wo sich zum Paradies verklärt die Erde³.

(Но я не пожалею о мечте, о прекрасном заблуждении: будет время, и я стану примером для других, и Земля превратится в рай; перевод наш. – *Я.Ш., Н.С.*). Так из фрагментов складывается картина становления характера героя, воплощающего свое время: талантливого, самоотверженного, вдохновенного.

Стратегия «расщепления» драматического единства на сцене у Бауэрнфельда базируется на двух основных приемах: умолчании (в строении сюжета) и удвоении (в системе образов). Неритмическое чередование отрывочных сцен из разных сюжетных линий обеспечивает непредсказуемость происходящего. В результате читатель (и зритель) получает достаточно пеструю картину революционной Австрии, на фоне которой явно продолжающий романтические традиции герой постепенно осознает, что движение страны к будущему важнее его жизни. Мир, балансирующий в течение пьесы на грани комического и трагического, подходит к критической точке катастрофы лишь в финале.

Пьеса Франца Верфеля «Человек из зеркала» построена на мотиве преобразования и перерождения Тамала. В первой части он хочет принять постриг, чтобы преодолеть греховность собственных помыслов, но поддается искушению и возвращается в мир. Во второй – описывается его грехопадение, побеждает гордыня, но он ощущает себя спасителем города Эдипом, вершителем судеб Моисеем. В последней части он осознает тяжесть своего греха, раскаивается и перерождается. Душа Тамала – объект спора Добра и Зла, Монахов-отшельников и демонического Человека из зеркала [Волокитина, 2014, с. 20]: «Du gleichst darin den berühmtesten Vetern, / Vor allem Mose»⁴ («Ты похож на пророков великих / На Моисея»⁵). В то же время не менее важным персонажем становится монах, организующий на протяжении всех эпизодов испытание за испытанием. Монахи намеренно оставляют занавешенное зеркало в келье и, когда охваченный

³ Bauernfeld E. Die Republik der Thiere. Wien: Wilhelm Braumüller k. k. Hof- und Universitätsbuchhändler, 1872. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/bauernf/republik/republik.html> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴ Werfel F. Spiegelmensch // Dramen. Aufbau. erlag Berlin und Weimar. 1973. S. 89–90.

⁵ Верфель Ф. Человек из зеркала / пер. с нем. В.А. Зоргенфрея. Пг.; М.: Гос. из-во, 1922. С. 45.

мелочностью и любопытством Тамал выпускает своего темного двойника, появляющийся под разными личинами Монах ведет и направляет героя от одного испытания к другому. Он становится своего рода «человеком театра», моделируя и организуя для зрителя игровую действительность, воспринимаемую героем «всерьез», но очевидно карнавальную, масочную, гротескную в глазах публики. Собственно, все герои трилогии, кроме Тамала, носят маски, обезличивающие людей в толпе (будь то религиозные фанатики-обожатели Тамала или журналисты и писатели, воплощающие суету и бездуховность), уравнивающие «дьявольское» и обывательски-повседневное. Какофония карнавала сопрягается в пьесе с социальной сатирой, маски часто разговаривают штампами и лозунгами, концентрирующими в себе весь абсурд современности.

Тамал и Монах – носители разной системы ценностей. Первый горит желанием подвига. Его не удовлетворяет свершение добра – ему нужно перевернуть и переустроить мир. Он стремится к мессианству, к славе: «Ah! Werk und Ruhm, / Die beiden höchsten orte des Lebens»⁶ («О! слава и труд! Два высшие в жизни слова!»⁷). Второй воплощает идеал покоя, связи с мирозданием, преодоления тех тщеславных надежд, которые мешают обрести мудрость не через отречение, а через овладение опытом, познание, наблюдение над жизнью. Он уверен, что нужно «Nicht es vermeiden, Sohn, nein es *zerleben!*»⁸ («изжить, а не бежать от искушенья»⁹).

В результате у Верфеля сталкиваются не только два героя, у каждого из которых свои задачи и мотивы, сталкиваются два стилистических регистра: притчевый (история Тамала) и игровой (монаха-наблюдателя).

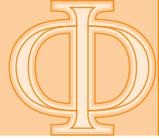
Умолчание у Верфеля не менее значимо, чем в «Республике животных», и организует композицию: смерть отца, судьба Амфэ и многие другие значительные события «уведены» во внесценическое пространство. Удвоение используется не только, как у Бауэрфельда, на уровне системы образов, но и в сюжете. В образной системе, например, двойниками становятся, во-первых, Тамал и Шпигельменш, отношения между которыми меняются в течение пьесы от отражения и взаимодополнения к антагонизму: «Подобно тому, как Зазеркалье – это странная модель обыденного мира, двойник – остраненное отражение персонажа» [Лотман, 2001, с. 69]. Начав сопротивляться Человеку из зеркала, Тамал осознает свою зависимость от темного покровителя настолько, что они оказываются физически связаны и болезненное увядание Тамала сопровождается увеличением роста и объема двойника. Другое отражение: Тамал и Джалифар. Оба – возлюбленные Амфэ, оба в конечном итоге приходят к смирению. Еще важнее – повторяющиеся ситуации, показывающие эволюцию героя: предательство и прощение друга, две встречи с возлюбленной, воспоминания об отце.

⁶ Werfel F. Spiegelmensch // Dramen. Aufbau. Verlag Berlin und Weimar. 1973. S. 91.

⁷ Верфель Ф. Человек из зеркала / пер. с нем. В.А. Зоргенфрея. Пг.; М.: Гос. из-во, 1922. С. 47.

⁸ Werfel F. Spiegelmensch // Dramen. Aufbau. Verlag Berlin und Weimar. 1973. S. 68.

⁹ Верфель Ф. Человек из зеркала / пер. с нем. В.А. Зоргенфрея. Пг.; М.: Гос. из-во, 1922. С. 22.

Усложняет структуру фрагментарного текста Верфель за счет соединения реальности и сна, достойных варьете комических фрагментов и столкновения героя с инобытием. С одной стороны, в пьесе появляются «парады масок», такие как хор поклонников, воспевающий Тамала, или танцы с фонарем-«Луной» Человека из зеркала, создающего «романтическую» атмосферу для объяснения Тамала и Амфэ. С другой – духовное становление героя дается в характеристиках, связанных со смертью: его волшебная страна и по названию, и по сути напоминает Шамбалу, уверенный в том, что он умер и возродился, герой Верфеля попадает в абстрактное «инобытие», называемое монахами «новой жизнью».

Несмотря на яркую экспериментальность фрагментарной формы, пьесы романтизма и экспрессионизма сохраняют – пусть в разорванном виде – линейный драматический сюжет и разворачиваются в упорядоченной хронологии событий. Коллажная пьеса конца XX – начала XXI в. нарочито разрушает этот порядок, играя временными пластами, последовательностью событий, различными ракурсами и точками зрения. Если драматическое «действие можно и нужно видеть (а эпос действие не показывает, но лишь описывает его)» [Красногоров, 2023, с. 58], то коллажная драма активно обращается к фигуре рассказчика, погружая зрителя в хаос воспоминаний.

Яркий пример – пьеса Фрица Катера «Время любить время умирать», состоящая из трех частей. Первая часть пьесы – «Юность/хор» – представляет собой коллективный монолог школьников-выпускников Вольфа, Ханса и рассказчика: неудачи в любви и попытках «взрослой» жизни, первая встреча со смертью, с предательством и расставание когда-то неразлучной компании. Вторая часть – «Старый фильм/группа» – фрагменты из встреч и расставаний трех поколений, вовлеченных в любовные треугольники, где история отцов повторяется в истории детей. Третья часть – «Одна любовь – два человека» – рассказ повзрослевшего сына о трагедии отца, неспособного разорвать ни любовную связь с молодой иностранкой, ни семейный союз. Исследователи Д. Капуста и Кр. Кляйн определяют пьесу как бессюжетную [Kapusta, 2011, S. 147; Klein, 2015, S. 76]. Однако из эпизода в эпизод через призму разных персонажей отражается и варьируется история об ошибках отцов, повторяющихся в судьбах детей, о неизжитой вине и безответственности взрослых, отраженной в страхах и неудачах юношества.

Формирование молодых героев происходит через преодоление поколенческой травмы, через болезненное примирение с чувством собственной сопричастности едва ли не ко всей истории мира: отсюда обширный интертекст, существенно усложняющий драматическую структуру (мифология, Адам и Моисей, средневековая и романтическая литература, Ремарк и Джимми Дин). Разрозненные эпизоды скреплены сквозными мотивами: поражения/аутсайдерства, предательства и животного бессилия в неосознанной борьбе за счастье, отречения и преодоления. «Скрепление» эпизодов происходит и за счет «следов» рамочной композиции в каждой из пьес. Так, в начале и в конце первой пьесы повторяются дождь,

музыка, ситуации «герой в толпе» (среди футбольных фанатов – в начале и среди призывников – в конце), «мечты о звездах» (звучит песня о звездах, и герой вспоминает греческие мифы, давшие имена космическим телам). Особую роль играет также музыка, которая активно вмешивается в происходящее и восполняет содержательные и эмоциональные «лакуны»: от истерического «врубил музыку на полную катушку... несся по школе через все коридоры и аудитории, срывая со стен все изображения»¹⁰ до опустошающего: «Без монтажа. Без музыки»¹¹.

Новый герой воплощает новое время: теперь это «пораженцы», уверовавшие в несчастье своей судьбы. Мир – от семьи до государства – рушится на их глазах, и, отчаявшись найти в нем опору, они становятся фаталистами, участвуют в рискованных авантюрах, притворяются сильными и взрослыми.

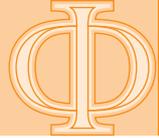
Каждая сцена коллажной пьесы обладает своей внутренней полнотой и законченностью. Структурно они организуются в систему отражений, смысловых и сюжетных вариаций, трагических и комических повторов, но каждая сцена обладает независимостью.

Повествовательное время становится в коллаже полем эксперимента. Если в первой пьесе хронологический охват – два года и, при частой «перепутанности» сцен, события все же движутся от начала (1980) к концу (1982), то уже вторая включает события от двадцатипятилетия Манфреда (1965) до двадцатипятилетия его сына Ральфа (1986), щедро сдобренные ретроспекциями, воспоминаниями, снами и т.д. Героем окончательно становится не человек, а эпоха. Внимание автора обращено к тому, как обезчеловечивается и механизмуется мир, как человек в нем теряется, осознает свою слабость и ненужность.

Заключение. В силу своей природы драма является экспериментальным жанром, находящимся в процессе постоянного становления и изменения, неустанно ищущим и трансформирующим формы взаимоотношений литературы и театра. Фрагментаризация драматургического текста является одним из направлений подобного поиска. Если на ранних этапах фрагментарная пьеса строится на соединении трагического и комического, психологического и гротескного, то современный коллаж тяготеет к трагическому и мелодраматическому. Абсурдизация мира заключается в самой множественности сходных, контрастных, рядоположных, вступающих в отношения параллелизма сцен и не сопряжена с комикой. Традиционно драматургический текст распадается на фрагменты за счет карнавализации, вставных интермедий, умолчания и удвоения. Примеры тому мы находим в пьесах XIX в. (Граабе, Бауэнфельд, Раймунд, отчасти Г. Бюхнер). В дальнейшем усложнение происходит за счет соединения повседневного и онейрического, рационального и мистического. А на рубеже XX–XXI вв. в коллажной драме

¹⁰ Катер Ф. Время любить – время умирать / пер. с нем. А. Рыбиковой // Театральная библиотека Сергея Ефимова [Электронный ресурс]. URL: https://theatre-library.ru/files/k/kater/kater_6587.doc (дата обращения: 04.05.2025).

¹¹ Там же.

соединяются собственно драматические (действенно-событийные) фрагменты с эпически повествовательными и описательными, появляется типичная для эпоса фигура повествователя с выраженной нарративной позицией, возникают дневниковые, эпистолярные и другие фрагменты. Разрушение временной линейности и последовательности также способствует усложнению драматургического коллажа, организующего и сталкивающего различные временные повествовательные пласты. Таким образом, фрагментаризация в драме проходит в XIX–XXI вв. сложный путь эволюции.

Библиографический список

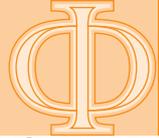
1. Бланшо М. Ницше и фрагментарное письмо / пер. с фр. В. Лапицкого // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3/niczsche-i-fragmentarnoe-pismo.html> (дата обращения 26.04.2025).
2. Волокитина Н.И. Специфика фаустовского сюжета в пьесе Ф. Верфеля «Человек из зеркала» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 19–23.
3. Красногоров В. Основы драматургии. Как учиться писать, читать, понимать, любить и ставить драму в театре. М.: Эксмо, 2023. 432 с.
4. Лашо Ж.-М. Коллаж / Монтаж // Коллаж-2. 1999. С. 57–63.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 704 с.
6. Смирнова Н.Н. О фрагментарности в литературе // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 1. С. 32–51. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-32-51
7. Фрумкин К. Сюжет в драматургии. От античности до 1960-х годов М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 528 с.
8. Чистюхин И.О. О драме и драматургии. М.: Планета музыки, 2021. 432 с.
9. Balmer S. *Der weibliche Entwicklungsroman. Individuelle Lebensentwürfe im bürgerlichen Zeitalter*. Köln: Böhlau, 2011. 384 S.
10. De Vooght E., Nemegeer G. Reading and analyzing short story collections: an empirical study of readers' interpretation process of Benni's "Il bar Sotto il Mare" // *Language and literature*. 2021. Vol. 30, No. 4. P. 361–380. DOI: 10.1177/09639470211047817
11. Jungk P.S. *Franz Werfel: eine Lebensgeschichte*. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch. Verl, 2001. 470 S.
12. Kapusta D. Epische Erzähl Techniken in der deutschen gegenwartsdramatik eine Untersuchung Der Gattungsauflösenden schreibverfahren // *Zagreber Germanistische Beiträge*. 2011. No. 20. S. 139–150. URL: <https://hrcak.srce.hr/file/152749> (дата обращения: 20.04.2025).
13. Klein C. Identitäts problematiken in Fritz Katers zeit zu lieben zeit zu sterben // *Dramatische Transformationen: Zu gegenwärtigen Schreib- und Aufführungsstrategien im deutschsprachigen Theater*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. S. 75–87.
14. Lajarrige J. *Die Republik der Thiere d'Eduard von Bauernfeld* // *Austriaca*. 2008, No. 67 (1). S. 159–168.

15. Lavoie C. Lire du fragment: analyses et procédés littéraires. Québec: Nota bene, 2008. 494 p.
16. Lisse M. Le paradoxe du fragment // Revue de métaphysique et de morale. 2015. Vol. 86, No. 2. P. 205–214.
17. Selbmann R. Der deutsche Bildungsroman. Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1994. 190 S.

Сведения об авторах

Шебельбайн Яна Олеговна – соискатель, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск); e-mail: shebelbaunyao@csru.ru

Сейбель Наталия Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск); e-mail: seibelne@csru.ru

EVOLUTION FROM FRAGMENT TO COLLAGE IN GERMAN-LANGUAGE PLAYS ABOUT THE FORMATION OF A HERO OF THE 19TH – 21ST CENTURIES

Ya.O. Shebelbayn (Chelyabinsk, Russia)

N.E. Seibel (Chelyabinsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The processes of plot deconstruction began in German and Austrian drama in the era of Romanticism. By the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, drama acquired a collage structure.

The purpose of the article is to analyze the dramas of E. Bauernfeld *Die Republik der Thiere* (1848), F. Werfel *Spiegelmensch* (1920), and F. Kater *Zeit zu lieben zeit zu sterben* (2002), which combine the problems of the formation of a young hero, and to identify differences in fragmentary and collage drama.

Review of scientific literature on the problem shows that, although the fragment of aesthetics in literature is described in the works of M. Blanchot, C. Lavoie, I. Lisse and J.-M. Lachot, the genre nature of collage drama represents an important and insufficiently studied problem in literary criticism.

The relevance of the study is determined by the interest of Russian literary criticism in complex genre formations and the synthesis of heterogeneous artistic trends within one text.

Methodology (materials and methods). The work uses genre, comparative-typological and hermeneutic research methods.

Research results. The article determines that the formation of a young enthusiastic hero is a cross-cutting plot in Austrian and German drama, which predetermines fragmentation and avoidance of linearity preferable in drama. If at the early stages the dramatic text disintegrates into fragments due to carnivalization, interludes and silence, then at the turn of the 20th–21st centuries, the collage drama is formed due to the appearance of a narrator typical of the epic with a pronounced narrative position, organizing and colliding various temporal narrative layers.

Keywords: *collage, fragment, collage drama, German and Austrian drama, E. Bauernfeld, F. Werfel, F. Kater, plot, genre.*

References

1. Blansho M. Nietzsche i fragmentarnoe pismo [Nietzsche and Fragmentary Writing]. In: *NLO*, 2003, 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3/niczsche-i-fragmentarnoe-pismo.html> (accessed 26 April 2025).
2. Volokitina N.I. Spetsifika faustovskogo syuzheta v p'ese F. Verfelya "Chelovek iz zerkala" [The Specifics of the Faustian Plot in F. Werfel's Play "The Man from the Mirror"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Tomsk State University]*. 2014, 382, 19–23.
3. Krasnogorov V. *Osnovy dramaturgii. Kak uchit'sya pisat', chitat', ponimat', lyubit' i stavit' dramu v teatre [Fundamentals of Dramaturgy: How to Learn to Write, Read, Understand, Love, and Stage Drama in Theatre]*. Moscow, Eksmo, 2023. 432 p.

4. Lasho J.-M. Kollazh/Montazh [Collage/Montage]. In: *Kollazh-2 [Collage-2]*. 1999, 57–63.
5. Lotman Yu.M. *Semiotsfera [Semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB. 2001. 704 p.
6. Smirnova N.N. O fragmentarnosti v literature [On Fragmentarity in Literature]. In: *Studia Litterarum*. 2021, 6 (1), 32–51. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-32-51
7. Frumkin K. *Syuzhet v dramaturgii. Ot antichnosti do 1960-kh godov [Plot in Dramaturgy: From Antiquity to the 1960s]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020. 528 p.
8. Chistyukhin I.O. *O drame i dramaturgii [On Drama and Dramaturgy]*. Moscow, Planeta muzyki, 2021. 432 p.
9. Balmer S. *Der weibliche Entwicklungsroman: Individuelle Lebensentwürfe im bürgerlichen Zeitalter*. Köln, Böhlau, 2011. 384 p.
10. De Vooght E., Nemegeer G. Reading and analyzing short story collections: an empirical study of readers' interpretation process of Benni's "Il bar Sotto il Mare". In: *Language and Literature*. 2021, 30 (4), 361–380. DOI: 10.1177/096394702111047817
11. Jungk P.S. *Franz Werfel: eine Lebensgeschichte*. Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch Verlag. 2001. 470 p.
12. Kapusta D. Epische Erzähltechniken in der deutschen Gegenwartsdramatik: eine Untersuchung der Gattungsaflösenden Schreibverfahren. In: *Zagreber Germanistische Beiträge*. 2011, 20, 139–150. Available at: <https://hrcak.srce.hr/file/152749> (accessed 20 April 2025).
13. Klein C. Identitätsproblematiken in Fritz Katers Zeit zu lieben Zeit zu sterben. In: *Dramatische Transformationen: Zu gegenwärtigen Schreib- und Aufführungsstrategien im deutschsprachigen Theater*. Bielefeld, Transcript Verlag. 2015, 75–87.
14. Lajarrige J. Die Republik der Thiere d'Eduard von Bauernfeld. In: *Austriaca*, 2008. 67 (1), S. 159–168.
15. Lavoie C. *Lire du fragment: analyses et procédés littéraires*. Québec, Nota bene, 2008. 494 p.
16. Lisse M. Le paradoxe du fragment. In: *Revue de métaphysique et de morale*, 2015. 86 (2), 205–214.
17. Selbmann R. *Der deutsche Bildungsroman*. Stuttgart-Weimar, Verlag J.B. Metzler. 1994. 190 p.

About the authors

Shebelbayn, Yana O. – PhD Candidate, Department of Russian Language and Literature, South-Ural State Humanities-Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia); e-mail: shebelbaynyao@cspu.ru

Seibel, Nataliia E. – DSc (Philology), Professor (Full), Department of Russian Language and Literature, South-Ural State Humanities-Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia); e-mail: seibelne@cspu.ru

УДК 82

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СТИХОТВОРЕНИЯХ А.Т. ТВАРДОВСКОГО КАК КОМПЛЕКС СЕМЕЙНО-РОДОВЫХ МОТИВОВ

К.А. Суровцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена исследованию поэтической репрезентации исторической памяти в стихотворениях А.Т. Твардовского. Работа строится на анализе ключевых мотивов довоенного, военного и послевоенного этапов творчества поэта.

Цель статьи – выявить, посредством каких мотивных и жанровых аспектов реализуется тема памяти в каждом периоде творчества А.Т. Твардовского.

Методология. Работа выполнена на пересечении нескольких продуктивных аналитических подходов – исторической поэтики, жанрологии как ее слагаемого, современных исследований коммеморативного аспекта культуры.

Результаты исследования. Ключевую роль в текстах поэта играют жанровые формы элегии и баллады, используемые автором для проявления индивидуальной и коллективной памяти. Если элегия преимущественно связана с памятью отдельно взятого героя, то баллада – с памятными событиями для всей нации. В послевоенных стихотворениях А.Т. Твардовского особое значение приобретают проблемы преемственности поколений и сохранения памяти об умерших.

Выводы. Тема памяти в творчестве А.Т. Твардовского эволюционировала от индивидуальных воспоминаний о семье и доме до выражения всеобщего опыта войны, а затем вновь вернулась к переживаниям о личных потерях.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский, тема памяти в советской литературе о Великой Отечественной войне, элегия, баллада.

Постановка проблемы. В отечественной коммеморативной традиции одним из репрезентативных примеров актуализации исторической памяти являются тексты, связанные с Великой Отечественной войной, которая, задев в 1940-е гг. абсолютно каждого человека, становится одновременно памятью семейной и общенациональной. А.Т. Твардовский, один из главных поэтов этого периода, реализует историческую память в своих текстах как комплекс семейно-родовых сюжетов и мотивов, которые объединяют индивидуальное и коллективное: *Страна моя, земля моя, / Одна – родня, одна – семья. <...> Стократ сильнее теперь любя, / Встаем с оружием за тебя. / Встают отцы и сыновья... / Страна моя, семья моя!*¹ («Отец и сын», 1941). По воспоминаниям дочерей поэта, «интуиция и мудрость подсказали Твардовскому, что “в тяжкий

¹ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 38.

час земли родной” надо говорить только о главном и вековечном – о Родине большой и малой, о семье и доме, о долге и чести, о жизни и смерти» [Твардовская В., Твардовская О., 2023, с. 16].

Жизнь А.Т. Твардовского совпала с главными историческими потрясениями XX в.: сложную картину памяти о них он воссоздает в своих произведениях. В период насильственной коллективизации и репрессий семью поэта вывезли под конвоем в глухое поселение за Уралом. Через некоторое время А.Т. Твардовский был назначен на должность фронтового журналиста во время советско-финской войны. По воспоминаниям поэта, «месяцы фронтовой работы в условиях суровой зимы сорокового года в какой-то мере предварили для меня военные впечатления Великой Отечественной войны. <...> Глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первых дней отличили ее от каких бы то ни было иных войн, и тем более военных кампаний»².

Ориентируясь на отмеченную самим поэтом важность влияния Великой Отечественной войны на свои тексты, мы условно выделили три периода творчества А.Т. Твардовского – довоенный, военный и послевоенный – и построили анализ на основе этой периодизации.

Цель статьи – выявить, посредством каких мотивных и жанровых аспектов реализуется тема памяти в каждом периоде творчества А.Т. Твардовского. По утверждению С.Р. Тумановой, «темы и образы довоенных поэм и лирики [Твардовского] оказываются теми мощными ростками, которые дают впоследствии огромные плодоносящие деревья» [Туманова, 2009, с. 28]. Поэтому для достижения поставленной цели проследим в своем исследовании, как перекликаются между собой темы и мотивы из разных периодов творчества поэта. Также конкретизируем жанровую природу привлеченных тестов и покажем преемственность А.Т. Твардовского относительно канона. На переднем плане здесь должны находиться жанры, поэтика которых содержит мнимообразы: элегия и баллада. Как подчеркивал С.Л. Страшнов, «1941–1945 годы – один из самых ярких и насыщенных периодов в советской поэзии. Принципиальными свершениями отмечен он в истории балладного жанра. Вновь, как в начале 20-х, баллада широко распространяется, становится подлинной “формой времени”» [Страшнов, 1990, с. 78].

Методология. Работа выполнена на пересечении нескольких продуктивных аналитических подходов – исторической поэтики, жанрологии как ее слагаемого, современных исследований коммеморативного аспекта культуры.

Результаты исследования. Каждый из выявленных этапов поэт воспроизводит как «глубоко трезвый (то есть исторически мыслящий) истолкователь и осмыслитель современных нам общественных сдвигов и событий» [Вильям-Вильмонт, 1946, с. 200]. Подчеркнем общее: А.Т. Твардовский в стихотворных

² Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 26.

текстах часто использовал слова, связанные с семантикой памяти или противоположенного запоминанию забвения в названиях стихотворений – «Памяти³ Ленина» (1948–1949), «Их памяти» (1949–1951), «Жестокая память» (1951), «Памяти матери» (1965), «Памяти Гагарина» (1968) – и в самих текстах:

– Ты присела, молодая, / Под горячую копной. / Ты забылась, напевая / Эту песню надо мной⁴ («Песня», 1936);

– И глубоко сознаю, / Радуюсь открыто, / Что ничье в родном краю / Имя не забыто⁵ («Станция Починок», 1936);

– Я в памяти все / Берегу, не теряя, / За тысячу верст / От родимого края⁶ («За тысячу верст», 1938);

– Лишь донес до лица / Грустный памятный запах / Молодого сенца⁷ («Поездка в Загорье», 1939);

– В лесу, возле кухни походной, / Как будто забыв о войне, / Армейский сапожник холодный / Сидит за работой на пне⁸ («Армейский сапожник», 1942);

– Мне жалко запаха лесного / Дровец, наколотых в снегу, / Всего, чего я вспомнить снова, / Не вспомнив немца, не могу⁹ («В Смоленске», 1943);

– И чем бездомней на земле / Солдата тяжкий быт, / Тем крепче память о семье / И доме он хранит. / Забудь отца, забудь он мать, / Жену свою, детей, / Ему тогда и воевать / И умирать трудней¹⁰ («Зачем рассказывать о том», 1943);

– Стучит в сердца, владеет нами, / Не отпуская ни на час, / Чтoб наших жертв святая память / В пути не покидала нас¹¹ («Та кровь, что пролита недаром», 1957) и т.д.

1. Довоенный период

М.О. Чудакова отметила важную особенность ранних произведений автора: «В цикле 1936 года поэт обращается к фундаментальным в человеческой жизни отношениям – муж и жена, мать и сын, мать и дочь, мужчина и женщина <...>, “я” и все другие, – причем везде члены этих отношений помещены автором, помимо своего бытового, внутреннего, круга, – в огромный внешний континуум. Он обращается также к универсалиям человеческой жизни: смерть, жизнь (белый свет), прошлое, текущее» [Чудакова, 2002, с. 247]. В.М. Акаткин видит в этом признаке свойство всех текстов поэта: «Деды и внуки, отец, мать и дети, семья, страна, народ – это опорные, сущностные смыслы всего его творчества, всей его поэтической мифологии» [Акаткин, 2006, с. 82].

³ Здесь и далее все подчеркивания принадлежат автору статьи.

⁴ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 38.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 78–79.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 154.

Для первого – довоенного – периода характерно конструирование индивидуальной памяти, связанной с воспоминаниями отдельно взятого человека. И сюжет обычно строится вокруг личного события и истории одной семьи:

– *И, закулив, чтоб дрема не напала, / Он вспомнит детство, побирушку-мать... / И многое, что без него, пожалуй, / Уж некому теперь и вспоминать...*¹² («Бабушка», 1933);

– *Выезжали на ночь в холодок, / Чтобы к утру на базаре быть. / Помнишь, клали косу в передок, – / Травки по дороге укусить*¹³ (1934);

– *Тревожно-грустное ржанье коня, / Неясная близость спящего дома... / Здесь и собаки не помнят меня / И петухи поют незнакомо*¹⁴ (1934);

– *Шли годы за годами неприметно. / И оглянулась на судьбу свою – / Немолодой, чужою всем, бездетной... / Чего хотеть и ждать, болеть о ком?*¹⁵ (1934);

– *Помню, в детстве, некий дядя Тихон, / Хмурый, враспояску, босиком*¹⁶, – («Смоленщина», 1935);

– *Век так жили. Бить – не бил. / Соблюдал в семье согласие, / Но за двадцать лет забыл, / Что зовут тебя Настасьей*¹⁷ («Встреча», 1936);

– *Вижу я твою головку / В беглых тенях от ветвей, / И холстинковое платье, / И загар твой до локтей. / <...> / Ничего. Перехворюю. / Позабуду как-нибудь*¹⁸ («Размолвка», 1936);

– *Есть береза влобхвата, / Та береза на дворе, / Где я вырезал когда-то / Буквы САША на коре...*¹⁹ («Есть обрыв, где я играя», 1936);

– *О детстве горьком, захолустном / Я вспоминаю потихоньку / И чуть завистливо, чуть грустно / Смотрю на милую девчонку. / <...> / И все хочу тебе я что-то / Сказать, но не умею, дочка*²⁰ («Дождь надвигается внезапный», 1936);

– *Здравствуй, сверстница и тезка, / Я – большой, и вы – большая. / Ваша взрослая прическа / Что-то вспомнить мне мешает*²¹ (1936);

– *Детство бедное. Хутор далекий. / Ястреб медленно в небе кружит. / Где-то здесь, на горе невысокой, / Дед Гордей под сосенкой лежит...*²² («Дорога», 1937);

– *Слышу, крикнули: / – Саня! – / Вздрогнул, нет, – не меня*²³ («Поездка в Загорье», 1939).

¹² Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 64.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ Там же. С. 107.

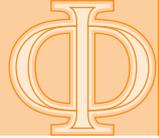
¹⁹ Там же. С. 120.

²⁰ Там же. С. 123.

²¹ Там же. С. 124.

²² Там же. С. 132.

²³ Там же. С. 132.

Через образ матери поэт с любовью, теплотой и светлой грустью воссоздает биографические детали своей жизни: *И первый шум листвы еще неполной, / И след зеленый по росе зернистой, / И одинокий стук валька на речке, / И грустный запах молодого сена, / И отголосок поздней бабьей песни, / И просто небо, голубое небо – / Мне всякий раз тебя напоминают*²⁴ («Матери», 1936). Также в этих стихотворениях-воспоминаниях мы узнаем отчество матери поэта («Ну-ка, слушай, мать родная, / Митрофановна моя»²⁵, («Песня», 1936) или понимаем, что брат автора был сослан (Лет семнадцать тому назад / Мы друг друга любили и знали. / Что ж ты, брат? / Как ты, брат? / Где ж ты, брат? На каком Беломорском канале?»²⁶ («Братья», 1933). Вероятно, такая ностальгия связана с чувством вины перед ссыльной семьей, ведь сам поэт смог избежать ареста, признав коллективизацию: *На хуторе Загорье – / Второй у батьки сын – / На старое подворье / Приехал я один. / А где ж вы, братья, братцы, / Моя родная кровь?*²⁷ («На хуторе Загорье», 1939). В названиях стихотворений часто фигурируют родственные обозначения: «Матери» (1927), «Братья» (1933), «Невесте» (1936), «Сын» (1936), «Мать и сын» (1937), «Мать и дочь» (1938), «Дети» (1938), «Сын мой уснул, разметавшись...» (1938) и т.д.

Наряду с образом матери, символизирующим связь с прошлым, в первом периоде появляется образ печи. Печь – это объединяющая семью сила, она согревает не только комнату, но и сердца, а священный чистый огонь в печи напоминает о чувствах и возрождает их: *Мы на свете мало жили, / Показалось нам тогда, / Что на свете мы чужие, / Расстаемся навсегда. / Ты вернулась за вещами, / Ты спешила уходить. / И решила на прощанье / Только печку затопить. / Занялась огнем береста, / И защелкали дрова. / И сказала ты мне просто / Настоящие слова. / Знаем мы теперь с тобою, / Как любовь свою беречь. / Чуть увидим что такое – / Так сейчас же топим печь*²⁸ («Мы на свете мало жили...», 1938).

Печь – важный атрибут «живого» дома, заряжающий здоровьем и благополучием. Подтверждение этому найдем в рассказе уже послевоенного периода «Печники» (1953–1958): *Это был не только источник тепла, не только кухня, но и хлебопекарня, и универсальная сушилка, и баня, и прачечная, и, наконец, излюбленное место сладостного отдыха после дня работы на холоде, с дороги или когда что-нибудь болит, ломит, знобит. Словом, без хорошей печи нет дома*²⁹.

Вспомним о магических свойствах печи в славянской культуре: она воспринималась как сакральный посредник между «живым» миром и миром «мертвых»,

²⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 149.

²⁵ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 37.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 202.

²⁸ Там же. С. 161.

²⁹ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 661.

то есть связана с памятью о предках. «Печная труба – специфический выход из дома, предназначенный в основном для контактов с иным миром»³⁰. Тогда печники ассоциируются с шаманами или колдунами, владеющими этим даром культурной связи: *О печниках, об их своеобразном мастерстве, истари носившем оттенок таинственности, сближавшей это дело чуть ли не со знахарством, – обо всем этом я знал с детства, правда, не столько по живой личной памяти, сколько по всевозможным историям, легендам и анекдотам*³¹.

Образ печи, переплетающийся с чувством памяти о доме и его забвении, с мотивом потери домашнего очага, появляется в стихотворении «На старом дворе» (1939). Оно приобретает элегический модус «настоящего в ценностном свете прошлого» [Козлов, 2013, с. 20]. В редакциях разных лет стихотворение имеет несколько названий. То это «Последний день на хуторе» в журнале «Звезда» (1940), то это два самостоятельных текста «Печка» и «Прощание» в книге стихотворений «Загорье» (1941). Такое внимание к деталям и поиск форм демонстрируют особое отношение автора к стихотворению, родившемуся после поездки поэта по родным местам в 1939 г.

Стихотворение «На старом дворе» композиционно делится на две части. Первая начинается как классическая элегия, связанная с темой руин. А.Т. Твардовский работает с «памятью жанра», используя ряд характерных мотивов: ветхий дом, заброшенная дорога, запустение: *Во ржи чудно и необычно – / С полуобрушенной трубой, / Как будто памятник кирпичный, / Стоит она сама собой. / Вокруг солома в беспорядке, / Костра сухая с потолка, / Плетень, поваленный на грядки, / И рытый след грузовика. / Пустынно. Рожь бушует глухо, / Шумит – и никого кругом*³². Также поэт задействует мотив воспоминания, жанрообразующий для элегии: *И хоть вокруг ни сошки нету, / От печки той одной – нет-нет, / Повеет деревом согретым, / Прокопченным за много лет. / Повеет вдруг жильем обжитым: / Сенями – сени, клетью – клеть. / И что-то вправду здесь забыто, / И жаль, хоть нечего жалеть*³³. Вторая часть стихотворения уже обращена не к прошлому, не к воспоминаниям, а к предстоящей жизни старухи в новом месте³⁴: *Живи, живи да молодеи! / Там, где отныне двор, где люди, / Где всем углам иная стать, / В других окошках солнце будет / Выходить, в других в полдни стоять. / Там, где и улица и речка, / Где ближе к дому белый свет, – / Дымить уже не будет печка, / Как эта здесь от ветхих лет*³⁵.

³⁰ Топорков А.Л. Печь: словарная статья // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 39.

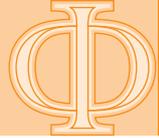
³¹ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 660.

³² Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 198.

³³ Там же. С. 198.

³⁴ С.Р. Туманова отмечает «присущее всей его [Твардовского] лирике соединение настоящего с прошлым и будущим» [Туманова, 2011, с. 272].

³⁵ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 198–199.

В стихотворении «Я иду и радуюсь. Легко мне» (1934) воспоминаний нет, но появляется элегический мотив узнавания: *Я тебя не знаю и не помню, / Мой товарищ, мой безвестный друг. / Где ты пал, в каком бою – не знаю, / Но погиб за славные дела, / Чтоб страна, земля твой родная. / Краше и счастливее была. / Над полями дым стоит весенний, / Я иду, живущий, полный сил. / Веточку двурогую сирени / Подержал и где-то обронил... / Друг мой и товарищ, ты не сетуй, / Что лежишь, а мог бы жить и петь, / Разве я, наследник жизни этой, / Захочу иначе умереть!..*³⁶ По словам В.И. Козлова, элегическое «узнавание основывается на предзаданном понимании лирическим субъектом ценностей умершего и безымянного другого – именно этот другой и опознается как носитель этих ценностей» [Козлов, 2013, с. 49].

В стихотворение «Катерина» (1936) проникают элегические мотивы личного переживания, утраты, тоски об умершем: *Тихо, тихо пошла грузовая машина, / И в цветах колыхнулся твой гроб, Катерина, / <...> / Мы ее не забудем. И вырастим сына. / И в работе своей не опустим мы рук. / Отдыхай, Катерина. Прощай, Катерина, / Дорогой наш товарищ и друг*³⁷. В.И. Козлов подчеркивал, что «элегия на смерть <...> всегда пишется на смерть одного человека. Это не воображаемый незнакомец, судьбу которого пытается представить оказавшийся у погоста поэт, а человек, которого субъект элегического высказывания более или менее хорошо знал. <...> Смерть раскрывает лирического субъекта для другого, но это раскрытие совершается в процессе рефлексии о том, кем и чем был погибший» [Козлов, 2013, с. 71–72]. Лирический герой стихотворения действительно размышляет о прошлом Катерины: *Здесь ты борозды все босиком исходила, / Здесь бригаду впервые свою повела, / Здесь легла твоя женская бодрость и сила / – Не зазря – за большие, родная, дела*³⁸.

В других стихотворениях А.Т. Твардовский берет за основу традиционный элегический сюжет: возвращение в родные места после долгой разлуки («Сверстники», 1938, «На хуторе Загорье», 1939, «Друзьям», 1939, «Поездка в Загорье», 1939).

Также в своих стихотворениях А.Т. Твардовский обращается к прошлому и с помощью образа фотографии:

– *Она, надежды не тая, / Хранит твои скупые вести. / Желтеет карточка твоя / У ожидающей невесты...*³⁹ («Матросу», 1928);

– *Но не задает вопросов. / Фотографию позволит / Посмотреть издали мне*⁴⁰ («Друг мой вовремя уехал», 1929).

Историк А. Руйе считает, что «фотографический снимок это и не воспоминание, и не противо-воспоминание; что он скорее является “включателем” воспоминания, поскольку восприятие снимка запускает настоящий процесс актуализации, встречи прошлого с настоящим» [Руйе, 2014, с. 267].

³⁶ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 80.

³⁷ Там же. С. 100–101.

³⁸ Там же. С. 100–101.

³⁹ Там же. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 46.

2. Военный период

Историк и культуролог А. Ассман считает, что нация в эпоху всеобщей воинской обязанности «воспринималась как большая семья» [Ассман, 2014, с. 117]. Б. Андерсон назвал нацию «воображенным политическим сообществом», члены которого «никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон, 2016, с. 31]. В 30-е гг. советская идеология на пороге важных исторических событий перестраивается в сторону национально-патриотической политики. 15 мая 1934 г. И.В. Сталиным было подписано постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР»: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»⁴¹. Возможно, А.Т. Твардовский также ставил перед собой литературную задачу сформировать в своих работах конструкт национальной идентичности.

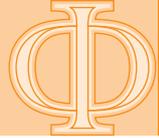
Здесь важную роль будет играть историческая память, которая, по словам Л.П. Репиной, «мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию» [Репина, 2003, с. 39]. Исследовательница определяет историческую память как «одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти», это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем» [Репина, 2003, с. 10].

Во втором периоде творчества А.Т. Твардовский расширяет семейно-родовой сюжет на всю нацию. Появляется образ каждого русского человека как родного. Матерью становится каждая женщина, которая сказала доброе слово, накормила и приютила: *Запомнил женщин всех в лицо, / Как собственную мать*⁴² («Баллада о товарище», 1941–1942); братом – человек, с похожей судьбой: *Стоят они, курят вдвоем. / – Шагай, брат, теперь до победы. / Не хватит – еще подобьем. / – Спасибо. – И словно бы другу, / Который его провожал, / Товарищ товарищу руку / Внезапно и крепко пожал*⁴³ («Армейский сапожник», 1942). Чужое горе

⁴¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. М., 1948. С. 368.

⁴² Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 95.

⁴³ Там же. С. 106.

воспринимается как свое, посторонний дом хочется защищать как собственный: Вперед, за каждый дом родной», хотя солдат не связан родственными связями с хозяйкой жилища: *Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват / И не любовник ей, / печь для них, как для родных, / Топили в ночь тайком*⁴⁴ («Баллада о товарище», 1941–1942). Поэт создает в своих текстах «воображенное сообщество», в котором каждый готов подставить свое плечо.

С одной стороны, в названиях стихотворений фигурируют имена Героев Советского Союза: «Григорий Пулькин» (1940), «Шофер Артюх» (1940), «Иван Громак» (1943). Как отметила Л.Я. Бобрицких, «первые баллады, созданные на русской почве, получали названия по именам персонажей («Раиса» Карамзина, «Светлана» Жуковского, «Ольга», «Мстислав Мстиславич» Катенина). Именно с этими героями были связаны драматические балладные коллизии. Твардовский осовременивает этот прием <...> Не просто Артюх, а – шофер, не просто Василий Мысенков, а – сержант. Таким образом, герой Твардовского обозначается еще и по своей трудовой или социальной роли. Последнее, скорее всего, влияние стихотворного очерка...» [Бобрицких, 2015, с. 99]. В одном из своих походных блокнотов А.Т. Твардовский записал: «Я чувствую, что армия будет для меня такой же дорогой темой, как и тема переустройства жизни в деревне, ее люди мне так же дороги, как и люди колхозной деревни, да потом ведь это же в большинстве те же люди»⁴⁵. «Те же люди» не только прошли с Твардовским-поэтом коллективизацию и встретили сначала советско-финскую войну, а потом и Великую Отечественную, но и стали персонажами баллад автора. Он показывает: совершенно обычный человек может стать историческим героем, легендарной личностью для своей страны. Так, кузнец Григорий Пулькин раньше ковал металл, а сейчас разоружает врагов: *Тот к пушке подошел устало. / Металл был тепел под рукой, / И пахло, точно в кузне старой, / Огнем, окалиной сухой, / Землей натопанной. Работа / Была похожая вполне*⁴⁶. Образы реальных героев Великой Отечественной войны работали в стихотворениях советских поэтов рупорами и ролевыми моделями пропаганды героизма, превращаясь в символы стойкости для современников.

В том числе по этой причине балладные герои данного литературного периода часто не имели имени: *Был трудный бой. Все нынче, как спросонку, / И только не могу себе простить: / Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку, / А как зовут, забыл его спросить*⁴⁷ («Рассказ танкиста», 1942). Реалистическая нравственно-психологическая баллада «отразила военной трагедией развитие личности, ее самосознания, ответственности каждого перед страной и народом»

⁴⁴ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 100.

⁴⁵ Там же. С. 692.

⁴⁶ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 11.

⁴⁷ Там же. С. 45.

[Страшнов, 1990, с. 105–106]. Задача поэта – воспитать такое чувство, а если нет, то *Такая боль, такой позор, / Такое злое горе, / Что словно мгла на весь твой двор / И на твоё подворье, / На всю родню твою вокруг, / На прадеда и деда, / На внука, если будет внук, / На друга и соседа*⁴⁸ («Баллада об отречении», 1942) и исключение из семьи: «*Не сын ты мне отныне. / <...> / И ты теперь оставь мой дом, / Ищи отца другого*»⁴⁹.

Балладное «моя Светлана» В.А. Жуковского становится у А.Т. Твардовского Сражался мой Иван Громак, / Боец, герой Смоленска⁵⁰. По еще одному замечанию Л.Я. Бобрицких, «это один из многих родных ему [А.Т. Твардовскому] по духу солдат на той народной войне. <...> Твардовский относится к своим персонажам с особым – родственным – теплом» [Бобрицких, 2015, с. 99]. Эти близкие отношения зародились в творчестве поэта еще в довоенном периоде:

– *И хочу трудиться так, / Жизнью жить такую, / Чтоб далекий мой земляк / Мог гордиться мною*⁵¹ («Станция Починок», (1936);

– *Страда отошла, / И земля поостыла. / И веники вяжет / Мой старый Данила*»⁵² («За тысячу верст», 1938).

Как уже было отмечено ранее, во втором периоде А.Т. Твардовский активно использовал жанр баллады и даже выводил его в названия: «Баллада о товарище» (1941–1942), «Баллада о Москве» (1942) и «Баллада об отречении». Поэт писал: «Я убежден, что “баллада”, т.е. то, в чем я могу быть силен, прекрасная форма для выражения современного военного в широком смысле материала»⁵³. А.Т. Твардовский применял традиционный для баллады стихотворный размер: трехстопный амфибрахий с чередованием женских и мужских клаузул. М.Л. Гаспаров, выявляя связь между метрикой и тематикой в поэзии, отметил, что трехстопный амфибрахий появляется в стихотворениях (и балладах) о памяти, о подвиге, о преодолении препятствий [Гаспаров, 1982].

В балладах этого периода советской литературы выдвигается тема «бес-смертия героя, который подвигом приобщается к великой и вечно живущей идее, выношенной историей и закрепленной в общезначимых символах (знамя, государственный гимн, ленинский памятник). Балладные герои защищают их как святых народа, как его душу. Они жертвуют собой, чтобы историю не повернули вспять» [Страшнов, 1990, с. 87]. Солдаты «Баллады о красном знамени» (1940) А.Т. Твардовского верят, что священная для целой нации вещь

⁴⁸ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 72.

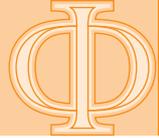
⁴⁹ Там же. С. 72–73.

⁵⁰ Там же. С. 101.

⁵¹ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 113.

⁵² Там же. С. 191.

⁵³ Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма, 1941–1945. М.: АСТ, 2023. С. 102.

сохранит жизнь в бою: *Уже считалось: никому – / И храбрецу любому – / К откосу черному тому / Не добежать живому. / <...> / Был первый Шилов, командир, – / Запомним это имя! / На тот откос он знамя нес, / Он звал нас за собою. / – Ура! За Родину! – неслось / Над белым полем боя. / Когда ж убитым он упал, / Бежавший вслед с другими / Схватил древко боец Лупан, – / Запомним это имя. / – За мной, ребята! – крикнул он / И кинулся на взгорок. / Не добежав, он был сражен, / Но шаг и тот был дорог. / И третий знамя подхватил, / Как в беге эстафету. / Героем третьим Зубец был, – / Запомним имя это. / Его противник не скосил, / Он жив – и ныне с нами. / Он добежал, он водрузил / На взгорке наше знамя*⁵⁴. В указанном отрывке также появляется характерный для балладного стиля трехчастный повтор, о котором писал А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике» [Веселовский, 1989, с. 206].

Где есть место для подвига, там есть место и для измены. Как известно, в инвариантной композиции баллады В.А. Жуковского существует три функции. Напомним, это сила универсального Миропорядка (провидение/рок/судьба/ норма/закон, которые должны быть исполнены); связанный с этой силой подвижный герой, топографически и/или символически принадлежащий «иному миру»; герой, делающий роковой выбор [Анисимов, Анисимова, 2023, с. 44]. Взаимодействие этих составляющих также важная часть баллад А.Т. Твардовского. Обычно фронт – это воплощение Миропорядка, ведь во время войны судьба солдата – быть на поле сражения: *Бывают всякие дела, – / Ну, что ж, в конце концов / Ведь нас не женщина ждала, / Ждал фронт своих бойцов*⁵⁵ («Баллада о товарище»). Перед героями, делающими роковой выбор, встает вопрос: спасти родину или дезертировать. Один герой («Баллада о товарище») обращается к Миропорядку без всякой рефлексии о выборе: ему не избежать предназначенного судьбой. Другой («Баллада об отречении») ради матери с отцом / Решил в живых остаться⁵⁶. Судьбоносная ошибка должна привести к смерти бывшего солдата, читатель уже видит эти знаки: *Не брита с месяц борода, / Ершится – что чужая. / И в дом пришел он, как беда / Приходит вдруг большая...*⁵⁷. По словам С.Л. Страшнова, «в психологической лирике и в балладе реалистической человек борется не только с врагами, но и с самим собой» [Страшнов, 1990, с. 101]: *И, посмотрев вокруг, вокруг / Глазами не своими, / Кравцов Иван, – назвал он вслух / Свое как будто имя. / И прислонился головой /*

⁵⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 21.

⁵⁵ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 97.

⁵⁶ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 71.

⁵⁷ Там же. С. 71.

⁵⁸ Там же. С. 74.

⁵⁹ Там же. С. 74–75.

*К стволу березы белой. / – А что ж ты, что ж ты над собой, / Кравцов Иван, наделал?*⁵⁸ Обращение «ты» принадлежит и самому герою, и автору, и, конечно, читателю, который в конце должен сделать свой выбор: *Иди, беги, спеши туда, / Откуда шел без чести, / И не прощенья, а суда / Себе проси на месте. / <...> / А может быть, еще тот суд / Свой приговор отложит, / И вновь ружье тебе дадут, / Доверят вновь. Быть может*⁵⁹. А.Т. Твардовский вновь создает «воображенное сообщество», в котором каждый несет ответственность за свои действия.

Раненый солдат «Баллады о товарище» – это «подвижный персонаж», находящийся на границе жизни и смерти. Сослуживец не оставляет его на поле сражения, а переносит в пространство живых. И здесь вновь появляется «воображенное сообщество», в котором человек не может оставить другого человека в беде: *Он отставал, он кровь терял, / Он пулю нес в груди / И всю дорогу повторял: – / Ты брось меня. Иди... / Наверно, если б ранен был / И шел в степи чужой, / Я точно так бы говорил / И не кривил душой. / А если б он тащил меня, / Товарища-бойца, / Он точно так же, как и я, / Тащил бы до конца*⁶⁰. Образ умирающего бойца перекликается с «женихом-мертвецом» балладного канона, появляющегося ночью. Роль подвижного героя, который принадлежит «иному миру», также берут на себя образы погибших в стихотворениях «У славной могилы» (1943) и «Я убит подо Ржевом» (1945–1946). В первом случае появляется образ мертвеца, который ожидает возвращения сослуживцев: *Тогда оставляли тебя, / А нынче, родимый, ты с нами*⁶¹. А во втором случае безымянный павший воскресает из могилы и становится лирическим субъектом.

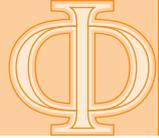
В.И. Тюпа считал, что система ценностей баллады опирается на поляризацию «своего» и «чужого» [Тюпа, 2013, с. 129]. Это отвечает на идеологический запрос военного времени: конструирование образа врага, которому противостоит единое отечество: *Вдоль развороченных дорог / И разоренных сел / Мы шли по звездам на восток, – / Товарища я вел. / <...> / Наверно, если б ранен был / И шел в степи чужой, / Я точно так бы говорил / И не кривил душой. / <...> / Быть может, кто-нибудь иной / Расскажет лучше нас, / Как горько по земле родной / Идти, в ночи таясь. / Как трудно дух бойца беречь, / Чуть что скрываясь в тень. / Чужую, вражью слушать речь / Близ русских деревень. / <...> / И, постояв еще вдвоем, / Два друга, два бойца, / Мы с ним пошли. И мы идем / На Запад. До конца*⁶² («Баллада о товарище»).

Отметим здесь развивающиеся образы опустевшего дома и заброшенной печи из первого периода творчества А.Т. Твардовского. Если сравнить «На старом дворе» (1939) и представленный фрагмент из «Баллады о товарище» (1941–1942),

⁶⁰ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 94.

⁶¹ Там же. С. 109.

⁶² Там же. С. 94–95, 100.

можно проследить, что поэт использует для описания идентичные слова, хотя причины разрушения, конечно, разные:

«На старом дворце» (1939)
*С полуобрушенной трубой,
Как будто памятник кирпичный,
Стоит она сама собой.
Вокруг солома в беспорядке,
Костра сухая с потолка,
Плеть, поваленный на грядки,
И рытый след грузовика.*⁶³

«Баллада о товарище» (1941–1942)
*И печь с обрушенной трубой
Теперь на месте том.
Да сорванная, в стороне,
Часть крыши. Бедный хлам,
Да черная вода на дне
Опльвиших круглых ям.*⁶⁴

Во втором периоде вновь появляется образ матери. Но это уже не «Митрофановна моя», а родина-мать, которая вдохновляет на желание жить, быть стойким и мужественным, объединяет людей в борьбу за победу. Это мать-земля, которая напоминает о спокойной деревенской счастливой жизни до войны:

– *Родные великие люди, / Россия, родимая мать*⁶⁵ («Армейский сапожник», 1942);

– *Зябкой ночью солдатской / В сорок первом году / Ехал я из-под Гжатска / На попутном борту. / ... / Тьма предместий вокзальных / И – Москва. И над ней / Горделивый, печальный / Блеск зенитных огней. / И просились простые / К ней из сердца слова: / «Мать родная, Россия, / Москва, Москва...» / В эти горькие ночи / Ты поистине мать, / Та, что детям не хочет / Всей беды показать*⁶⁶ («Москва», 1947).

3. Послевоенный период

А. Ассман в работе «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика» приводит цитату из «Erbschaft der Schuld» Йена Бурума: «Ритуальное выражение скорби и утраты укрепляет чувство преемственности и общности» [Ассман, 2014, с. 117]. Исследовательница считает, что «по окончании войны перед нацией встает задача включения павших в сообщество выживших. “Сохранением” погибших в коллективной памяти нация упрочивает сознание собственной идентичности» [Там же]. Слова историка соотносятся с мыслями А.Т. Твардовского, описанными поэтом в своем дневнике по поводу интенции создания стихотворения «Я убит подо Ржевом»: «Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более

⁶³ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: Стихотворения (1926–1940). С. 198.

⁶⁴ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). С. 65.

⁶⁵ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 106.

⁶⁶ Там же. С. 131–132.

всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе, – так приблизительно можно определить эту мысль и чувство. <...> Форма первого лица в “Я убит подо Ржевом” показалась мне наиболее соответственной идее единства живых и павших “ради жизни на земле”»⁶⁷.

Закономерно усиление темы памяти в послевоенное время: даже статистически этих стихотворений значительно больше. Автор выбирает применительно к памяти исключительно эпитет «жестокая», ведь абсолютно все вокруг мучительно напоминает лирическому герою о мирной жизни до войны:

– *Кремль зимней ночью при луне, / Ты чуден древностью высокой / И славен с нею наравне / Недавней памятью жестокой*»⁶⁸ («Кремль зимней ночью», 1946);

– *Куда ни взгляну, ни пойду я – / Жестокая память жива*»⁶⁹ («Жестокая память», 1951);

– *Ни ночи нету мне, ни дня, / Ни отдыха, ни срока: / Моя задолженность меня / Преследует жестоко*»⁷⁰ («Ни ночи нету мне, ни дня», 1955).

Так, стихотворение «Жестокая память» (1951) условно можно поделить на две части, где первая повторяет фразы из текстов довоенного периода (воспоминания о мирной жизни до войны остались прежними):

«За тысячу верст» (1938)
*Где жизнь начиналась,
Береза цвела,
Где самая первая
Юность прошла.*

...

*И шумы лесные,
И говоры птичьи,
И бедной природы
Простое обличье;*

*И стежки, где в поле
Босой я ходил
С пастушеским ветром
Один на один*»⁷¹.

«Жестокая память» (1951)
*Повеет в лицо, как бывало,
Соснового леса жарой,
Травую, в прокосах обвялой,
Землей из-под луга сырой.*

*А снизу, от сонной речушки,
Из зарослей – вдруг в тишине
Послышится голос кукушки,
Грустящей уже о весне.*

*Июньское свежее лето,
Любимая с детства пора.
Как будто я встал до рассвета,
Скотину погнал со двора.*

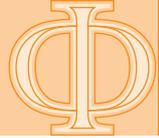
⁶⁷ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 5: Статьи и заметки о литературе. Речи и выступления (1933–1970). С. 209–210.

⁶⁸ Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3: Стихотворения (1946–1970). С. 9.

⁶⁹ Там же. С. 53.

⁷⁰ Там же. С. 76.

⁷¹ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 76.

«Матери» (1927)

Я помню осиновый хутор
И детство – разбегом коня...
Я помню, ты каждое утро
Корову пасла за меня.
...
Ты – тихая и простая –
Корову кормила в кустах...

Ногами росу обсыпала,
Сбирала грибы на заре...
А с солнышком все просыпалось
На вызолоченном дворе.

И шел я на позднюю смену,
Спешила ты печь затоплять...
И пахло подкошенным сеном,
И тихо дымились поля⁷².

Я все это явственно помню:
Росы ключевой холодок,
И утро, и ранние полдни –
Пастушеской радости срок;

И солнце, пекущее спину,
Клонящее в сон до беды,
И оводов звон, что скотину
Вгоняют, как в воду, в кусты;

И вкус горьковато-медовый, –
Забава ребячьей поры, –
С облупленной палки лозовой
Душистой, прохладной мездры,

И все это юное лето,
Как след на росистом лугу,
Я вижу. Но памятью этой
Одною вздохнуть не могу⁷³.

Но со временем у лирического героя появились и другие воспоминания, жестокие, и стихотворение резко меняет пасторальную интонацию: *Мне память иная подробно / Свои предъявляет права. / Опять маскировкой окопной / Объявляя пахнет трава, / И запах томительно тонок, / Как в детстве далеком моем, / Но с дымом горячих воронок / Он был перемешан потом; / С угарною пылью похода / И солью солдатской спины. / Июль сорок первого года, / Кипящее лето войны! / От самой черты пограничной – / Сражений грохочущий вал. / Там детство и юность вторично / Я в жизни моей потерял... / Тружусь, и живу, и старею, / И жизнь до конца дорога, / Но с радостью прежней не смею / Смотреть на поля и луга; / Росу обивать молодую / На стежке, заметной едва. / Куда ни взгляну, ни пойду я – / Жестокая память жива. / И памятью той, вероятно, / Душа моя будет больна, / Покамест бедой невозвратной / Не станет для мира война⁷⁴.*

В третьем периоде возникает мотив связи поколений. Лирический герой большого количества стихотворений надеется, что опыт войны и воспоминания об этой трагедии останутся в памяти будущего:

– До дней далеких донеси / То отраженье, гордый камень, / И подвиг нынешней Руси / Да будет будущему в память!⁷⁵ («Кремль зимней ночью», 1946);

⁷² Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 23.

⁷³ Там же. С. 139–140.

⁷⁴ Там же. С. 140.

⁷⁵ Там же. С. 126.

– *Но вновь и вновь появится листва, / И наши дети вырастут и внуки, / А гром пальбы в любые торжества / Напомнит нам о той большой разлуке*⁷⁶ («В тот день, когда окончилась война», 1948);

– *Солдатский сын, что вырос без отца / И раньше срока возмужал заметно, / Ты памятью героя и отца / Не отлучен от радостей заветных. / ... / То прежде ты – завет тебе один, – / Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын*⁷⁷ («Сыну погибшего воина», 1949–1951);

– *Посаженные дедом дерева, / Как сверстники твои, вступали в силу, / И пережили твоего отца, / И твоему еще предстанут сыну / Деревьями*⁷⁸ («Посаженные дедом дерева», 1965).

Знаковым становится появление образа деда, с помощью которого воссоединяются все три звена поколений. В последнем примере к образам прошлого и настоящего добавляется будущее и с помощью образа дерева. В одноименном стихотворении 1966 г. береза олицетворяет собой историческое время, родовую память. Подтверждение этому найдем в символах мифов народов мира: «С помощью Древа мирового различимы: основные зоны вселенной – верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство) (пространственная сфера); прошлое – настоящее – будущее (день – ночь, благоприятное – неблагоприятное время года), в частности в генеалогическом преломлении: предки – нынешнее поколение – потомки (временная сфера)»⁷⁹. Параллельно в стихотворении возникает образ исторической, а не личной старины: береза «с кладбищенского сельского бугра» зеленела и при Иване Грозном, и вздрагивала от грохота во время боев на фронте, и рябела среди пронесившихся у Кремля машин: *Какая есть – тебе предстанет вся, / Запас диковин мало твой пополнит, / Но что-то вновь тебе напомнит, / Чего вовеки забывать нельзя*⁸⁰ («Береза», 1966).

В третьем периоде появляется феномен календаря, который напоминает о важном историческом событии. Автор выводит его в заголовок – «В тот день, когда окончилась война» (1948), «9 мая» (1950), «22 июня 1941 года» (1950), «Есть имена и есть такие даты» (1966) – или использует внутри текста:

– *праздник нынешних побед*⁸¹ («Та кровь, что пролита недаром», 1957);

– *Не замолить по праздникам вины*⁸² («Есть имена и есть такие даты», 1966);

– *Минувший век – / Еще не вечность, / Но и в предбудущих веках / От этой боли не отречься, / Не уберечься нам никак*⁸³ (1969).

⁷⁶ Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 135.

⁷⁷ Там же. С. 138.

⁷⁸ Там же. С. 173.

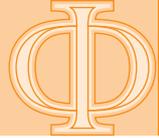
⁷⁹ Топоров В.Н. Древо мировое: энциклопедическая статья // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 399.

⁸⁰ Твардовский А. Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 189.

⁸¹ Там же. С. 154.

⁸² Там же. С. 185.

⁸³ Там же. С. 204.

После войны мотив памяти в творчестве А.Т. Твардовского вновь трансформируется из образов масштабных сообществ в переживания личные, семейные. В 1965 г. умирает мать А.Т. Твардовского, Мария Митрофановна, и поэт создает цикл «Памяти матери» (1965), в который помещает четыре стихотворения. В первом тексте появляется мотив прощания с мамой в разные периоды жизни ребенка: когда он впервые покидает дом родителей, чтобы поскорее вырасти и стать самостоятельным; когда заводит собственную семью; когда мама умирает. Во втором стихотворении автор вновь обращается к образу опустевшего дома и вспоминает о материнской мечте о возвращении в родные места. В третьем, эмоционально самом тяжелом, стихотворении поэт описывает работу могильщиков, для которых похороны матери – это обычный процесс. Последнее стихотворение, однако, жизнеутверждающее. В нем лирический герой и его еще живая мать разговаривают о прошлом. Рефреном звучат строчки народной песни: «Перевозчик-водогребщик, / Парень молодой (а в последней строфе «старичок седой» в образе героя греческой мифологии Харона – перевозчика душ умерших через реку), / Перевези меня на ту сторону, / Сторону – домой⁸⁴ («Ты откуда эту песню, мать, на старость запасла...»). Часто пересечение границы «подвижным героем» (по предыдущим трем стихотворениям читатель уже знает, что мать лирического героя мертва) связано с локусом воды, символизирующей одновременно память, забвение и историю. В потустороннем мире мечта матери лирического героя вновь оказаться в родном доме осуществляется.

О судьбе послевоенных стихотворений написали дочери поэта: «“Святой памяти” павших посвящены лучшие послевоенные стихи поэта. Среди них “Я убит подо Ржевом”, “В тот день, когда окончилась война”, “Та кровь, что пролита недаром”. Они трудно пробивались в печать, так как не соответствовали насаждаемому в литературе казенному оптимизму, исключавшему всякие раздумья о смерти» [Твардовская В., Твардовская О., 2023, с. 27–28].

Минувший век – еще не вечность, / Но и в пребудущих веках / От этой были не отречься, / Не уберечься нам никак. / Что нынче счастье большим, что малым – / Как знать, но люди – не трава, / Не обратить их всех навалом / В одних непомнящих родства. / Пусть очевидцев поколенья / Сойдут по-тихому на дно, / Благополучного забвенья / Природе нашей не дано. / / И, может быть, с того платили / В войне мы платою тройной, / Что утаили / Эти были / Про черный день перед войной⁸⁵ (1969).

Выводы. Тема памяти в творчестве А.Т. Твардовского эволюционировала от индивидуальных воспоминаний о семье и доме до выражения всеобщего опыта войны, а затем вновь вернулась к переживаниям о личных утратах. Ключевую роль в текстах поэта играют жанровые формы элегии и баллады, используемые автором для проявления индивидуальной и коллективной памяти. Если элегия преимущественно связана с памятью отдельно взятого героя, то баллада – с памятными событиями для всей нации. В послевоенных стихотворениях

⁸⁴ Твардовский А. Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО, 2008. С. 179.

⁸⁵ Там же. С. 204. Стихотворение при жизни автора не публиковалось.

А.Т. Твардовского особое значение приобретают проблемы преемственности поколений и сохранения памяти об умерших.

Библиографический список

1. Акаткин В.М. Александр Твардовский и время. Служение и противостояние: статьи. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
3. Анисимов К.В., Анисимова Е.Е. Очерки теории и истории русской баллады. Жанрологическое исследование: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.
5. Бобрицких Л.Я. Жанр баллады в поэзии А.Т. Твардовского военных лет // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений: сб. матер. науч.-практ. конф.). Смоленск: Свиток, 2015. С. 90–100.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
7. Вильям-Вильмонт Н. Заметки о поэзии А. Твардовского // Знамя. 1946. № 11–12. С. 200.
8. Гаспаров М.Л. Семантический ореол трехстопного амфибрахия // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М.: Наука, 1982. С. 174–191.
9. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: ЯСК, 2013.
10. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003.
11. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством. СПб.: Клаудберри, 2014.
12. Страшнов С.Л. «Молодеет и лад баллад»: Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1990.
13. Твардовская В., Твардовская О. Об этой книге (вступительная статья) // «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма, 1941–1945. М.: АСТ, 2023. С. 5–29.
14. Туманова С.Р. Антиномия жизнь – смерть и ее образное воплощение в поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 28–36.
15. Туманова С.Р. «Время, время, как ветер, шапку рвет с головы» (к проблеме художественного времени в лирике А.Т. Твардовского) // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 268–277.
16. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013.
17. Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // НЛО. 2002. № 6. С. 223–259.

Сведения об авторе

Суровцева Кристина Александровна – аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: kris.surov@yandex.ru

HISTORICAL MEMORY IN A.T. TVARDOVSKY'S POEMS AS A COMPLEX OF FAMILY AND ANCESTRAL MOTIFS

K.A. Surovtseva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the study of the poetic representation of historical memory in the poems of A.T. Tvardovsky. The work is based on the analysis of the key motifs of the pre-war, military and post-war stages of the poet's creative work.

The purpose of the article is to identify through which motional and genre aspects the theme of memory is realized in each period of A.T. Tvardovsky's work.

Methodology. The work is performed at the intersection of several productive analytical approaches – historical poetics, genre science as its component, modern studies of the commemorative aspect of culture.

Research results. Genre forms of elegy and ballads, used by him to manifest individual and collective memory, play a key role in the poet's texts. If an elegy is primarily associated with the memory of a single hero, then a ballad is associated with memorable events for the entire nation. In the post-war poems of A.T. Tvardovsky, the problems of generational succession and the preservation of the memory of the dead are of particular importance.

Conclusion. The theme of memory in A.T. Tvardovsky's work evolved from individual memories of family and home to expressing the universal experience of the war, and then returned to feelings of personal loss.

Keywords: *A.T. Tvardovsky, Soviet literature memory theme about the Great Patriotic War (WWII), elegy, ballad.*

References

1. Akatkin V.M. Alexander Tvardovsky i vremya. Sluzhenie i protivostoyanie: stat'i [Alexander Tvardovsky and time. Service and Opposition: articles]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. 258 p.
2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranenii nacionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, Kuchkovo Pole, 2016, 416 p.
3. Anisimov K.V., Anisimova E.E. Ocherki teorii i istorii russkoj ballady. Zhanrologicheskoe issledovanie: monografiya [Essays on the theory and History of the Russian ballad. Genre research: a monograph]. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, 2023, 312 p.
4. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.
5. Bobritskikh L.Ya. Zhanr ballady v poezii A.T. Tvardovskogo voennyh let [The genre of ballads in the poetry of A.T. Tvardovsky during the war years]. Literaturnoe nasledie A.T. Tvardovskogo v smene pokolenij (sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii) [The literary legacy of A.T. Tvardovsky in the change

- of generations (collection of materials of the scientific and practical conference)]. Smolensk, Svitok, 2015, 90–100.*
6. Veselovsky A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 406 p.
 7. William-Wilmont N. *Zametki o poezii A. Tvardovskogo* [Notes on the poetry of A. Tvardovsky]. In: *Znamya* [Banner], 1946, 11–12, 200.
 8. Gasparov M.L. *Semanticheskij oreol trekhstopnogo amfibrahija* [The semantic halo of the three-foot amphibrachium]. In: *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Problems of structural linguistics], 1980, Moscow, Nauka, 1982, 174–191.
 9. Kozlov V.I. *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: ocherki tipologii i istorii* [Russian elegy of the non-canonical period: Essays on typology and History]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013, 280 p.
 10. Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow, Gosudarstvennyj universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 2003, 44 p.
 11. Rouyer A. *Fotografiya. Mezhdokumentom i sovremennym iskusstvom* [Photography. Between the document and modern art]. St. Petersburg, Klaudberri, 2014. 712 p.
 12. Strashnov S.L. "Molodeet i lad ballad": Literaturno-kriticheskie stat'i. ["Getting younger and the harmony of ballads": Literary and critical articles]. Moscow, Sovremennik, 1990, 155 p.
 13. Tvardovskaya V., Tvardovskaya O. *Ob etoj knige (vstupitel'naya stat'ya)* [About this book (introductory article)]. In: "Ya v svoju hodil ataku..." *Dnevnik. Pis'ma 1941–1945* ["I went to my attack ..." Diaries. Letters, 1941–1945]. Moscow, AST, 2023, 5–29.
 14. Tumanova S.R. *Antinomiya zhizn'-smert' i eyo obraznoe voploshchenie v poeme A.T. Tvardovskogo "Dom u dorogi"* [The antinomy of life and death and its figurative embodiment in A.T. Tvardovsky's poem "House by the Road"]. In: *Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the RUDN University. A series of Literary Studies. Journalism], 2009, 2, 28–36.
 15. Tumanova S.R. "Vremya, vremya, kak veter, shapku rvyot s golovy" (k probleme hudozhestvennogo vremeni v lirike A.T. Tvardovskogo) ["Time, time, like the wind, tears the hat off your head" (on the problem of artistic time in the lyrics of A.T. Tvardovsky)]. In: *Uchyonye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences], 2011, 6, 268–277.
 16. Tyupa V. I. *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada, 2013. 212 p.
 17. Chudakova M. "Voennoe" stihotvorenje Simonova "Zhdi menya..." (iyul' 1941 g.) v literaturnom processe sovetskogo vremeni [Simonov's "Military" poem "Wait for me..." (July 1941) in the literary process of the Soviet era]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2002, 6, 223–259.

About the author

Surovtseva, Kristina A. – PhD Candidate, Department of Russian Language, Literature and Verbal Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kris.surov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).
3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].
4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»). Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются переводом на английский язык, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.
5. Библиографический список (References) содержит только научные труды (статьи, монографии). *Ссылки на архивные и художественные источники, диссертации и авторефераты оформляются в подстрочнике.*
6. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (все сведения предоставляются полностью без сокращений);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов;

ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы.

Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и на английском (References).
2. На английском языке также: И.О.Ф. автора. Название статьи. Аннотация. Ключевые слова.

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

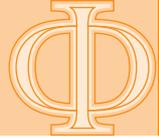
А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).
2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756
3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2
4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. Pp. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

И так далее... не менее 15–20 единиц.

Сведения об авторе на русском языке

.....

На английском языке:

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION

G. S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (см. правила ниже)

About the author

Sidorova, Galina S. – PhD Candidate (Philology), associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ...

Правила оформления References

Общая структура англоязычной библиографической ссылки на статью в журнале должна быть следующей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. Title of article. In: *Title of Journal*, 2005, 10 (2), 49–53.

Название статьи набирается прямым шрифтом. После названия ставится точка: Jonson, K.S., Smit, F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society.

Перед названием журнала пишется предлог In: Название журнала выделяется курсивом:

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*,

Номер тома (выпуска) журнала указывается арабской цифрой после **запятой**. Номер журнала (при наличии) приводится в круглых скобках. Обозначения No., Vol., № недопустимы. Номера страниц указываются после запятой без обозначений p. или Pp., цифрами через дефис. При наличии далее после точки приводят DOI или EDN.

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*, 2015, 45 (6), 55–60. DOI: и/или EDN:

Если дается ссылка на русскоязычный источник, обязательны транслитерация (по системе Библиотеки Конгресса США) и перевод (текст заключается в **квадратные скобки**):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs]. In: *Sovetskaia arkheologiiia [Soviet archeology]*, 2015, 1, 5–10. DOI: и/или EDN:

При ссылке на книгу/монографию на английском языке название выделяется курсивом. После названия ставится **точка**, затем указывается город и через запятую – издательство и год издания. В конце после **точки** приводится общее количество страниц.

Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1965. 495 p.

Ссылка на книгу или монографию на русском языке приводится в транслитерации с переводом, название выделяется курсивом в обоих случаях. Перевод – в квадратных скобках. После скобок ставится точка. Город, место издания и год – через запятую. Название издательства дается в транслитерации. После года издания – точка и общее количество страниц с обозначением **p.:**

Krupnov V.N. *V tvorcheskoi laboratorii perevodchika [In a creative lab of a translator]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1976. 192 p.

При ссылке на статью из сборника или главу из книги на русском языке после транслитерации названия статьи/главы и перевода (в квадратных скобках) ставится точка, потом предлог In:, далее дается название источника в транслитерации и его перевод (в квадратных скобках) курсивом, потом через

запятую следуют год, том и номер выпуска (если они есть), затем указываются номера страниц (после названия источника курсив убирается):

Zharenkova G.I. Deistviia detei s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiia po obraztsu i slovesnoi instruktsii [The actions of mentally retarded children on an illustrative example and a verbal instruction]. In: *Defektologiya [Defectology]*, 1975, 4, 29–35.

Ссылка на материалы конференций делается следующим образом с соблюдением общих правил. Название конференции указывается после названия статьи *курсивом* сначала в транслитерации, затем в переводе в квадратных скобках.

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Mukhametshina R.Iu., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. The features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. *Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayishchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniia neftegazootdachi"* [Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"]. Moscow, 2007, 267–272.

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style. 2011. Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2025. № 2 (31)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 26.05.25.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,9